

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Смирнова Анастасия Михайловна

**Персоязычная рукопись «Ваки‘ат-и Кашмир» (События Кашмира)
Мухаммада А‘зама Дидамари (ум. в 1765 г.) как источник по истории
Кашмира**

Специальность 5.6.5.

**Историография, источниковедение, методы исторического
исследования**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Воднева Оксана Анатольевна**

**Санкт-Петербург
2026**

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Источниковедческая характеристика сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир» .	17
1.1 Обзор научной литературы по вопросу кашмирского источниковедения	17
1.2 Традиция исторического описания в Кашмирском регионе	26
1.3 Исторический контекст написания сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир»	36
1.4 Вопрос авторства и датировки сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир»	39
1.5 Место сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир» в корпусе источников по истории Кашмира	40
1.6 История обнаружения и бытования рукописи В720 из собрания ИВР РАН.	46
1.7 Кодикологическое описание списков сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир» в собрании ИВР РАН и краткий текстологический анализ	47
Глава 2. Сочинение «Ваки‘ат-и Кашмир» как исторический источник.....	54
2.1 История Кашмира от древности до конца XVII в.: «Ваки‘ат-и Кашмир» как компилятивный исторический текст.....	54
2.2 Кашмир в позднемогольский период (конец XVII – начало XVIII в.): «Ваки‘ат-и Кашмир» как хроника современника событий.	65
Правление кашмирского <i>субадара</i> Ибрагим-хана и формирование нарративных стратегий автора (1680–1690-е гг.)	65
Типология правителей и риторика легитимации (1689–1707 гг.)	67
Кризис престолонаследия в Империи Великих Моголов и его отражение в Кашмире (1707–1719 гг.).....	69
Период ослабления центральной власти и кашмирский аспект политического кризиса Империи Великих Моголов (1720–1740-е гг.).....	74
2.3 Социально-экономическое и административное устройство Кашмира в представлении Мухаммада А‘зама	82
2.4 Религиозная и культурная жизнь Кашмира по данным сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир».....	92
Религиозная политика правителей Кашмира XIV–XVIII вв.	93
Строительство религиозных объектов в Кашмире.....	98
Роль женщин в распространении ислама в Кашмире	99
Культурная жизнь Кашмира	101
2.5 Этнографические сведения о Кашмире, представленные в тексте «Ваки‘ат-и Кашмир».....	102

2.6 Географические представления Мухаммада А'зама	106
Глава 3. Источниковедческая критика и значение сочинения «Ваки'ат-и Кашмир»	112
3.1 Сравнительный анализ «Ваки'ат-и Кашмир» с другими историческими источниками	112
3.2 Достоверность приводимых в «Ваки'ат-и Кашмир» сведений	121
3.3 Субъективная интерпретация истории Кашмира Мухаммада А'зама	129
3.4 Жанровые особенности «Ваки'ат-и Кашмир» как литературного произведения	132
Заключение	135
Основные характеристики сочинения «Ваки'ат-и Кашмир» как исторического источника	135
Значение «Ваки'ат-и Кашмир» для изучения истории Кашмира в контексте истории Большого Ирана	136
Использование «Ваки'ат-и Кашмир» в исторических исследованиях	137
Перспективы дальнейших исследований «Ваки'ат-и Кашмир»	138
Список использованных источников и литературы	140
Приложение: комментированный перевод фрагментов текста «Ваки'ат-и Кашмир» по рукописи В720 из собрания ИВР РАН	151
Приложение I: фрагмент из Введения (В720, f. 1b–10a)	151
Приложение II: фрагмент из главы II (В720, f. 33a–35a)	163
Приложение III: фрагмент из главы III (В720, f. 190b–192b)	168
Приложение IV: фрагмент из главы III (В720, f. 193b)	173
Приложение V: фрагмент из главы III (В720, f. 203a–205a)	175
Приложение VI: фрагмент из главы III (В720, f. 220a–222a)	178
Приложение VII: фрагмент из главы III (В720, f. 223b–224b)	181
Приложение VIII: фрагмент из главы III (В720, f. 234a–235b)	183
Приложение IX: фрагмент из главы III (В720, f. 236a)	186
Приложение X: фрагмент из главы III (В720, f. 241b–242b)	187
Приложение XI: фрагмент из главы III (В720, f. 252a–253a; 255a–256b)	189
Приложение XII: фрагмент из главы III (В720, f. 261b; 262a–264a)	193
Приложение XIII: фрагмент из главы III (В720, f. 265a–266a)	196
Приложение XIV: фрагмент из главы III (В720, f. 267b–268a)	199

Приложение XV: фрагмент из главы III (B720, f. 271b–278b)	200
Приложение XVI: фрагмент из главы III (B720, f. 270a–271b)	212
Приложение XVII: фрагмент из главы III (B720, f. 284a–285a)	214
Приложение XVIII: фрагмент из Заключения (<i>хатимы</i>) (B720, f. 293a–293b) .	217

Введение

Большой Иран представляет собой историко-культурный регион, охватывающий территории с общим иранским наследием – от современного Ирана до Центральной Азии и частей Индийского субконтинента. Благодаря своему географическому положению на пересечении торговых путей и длительному периоду иранского культурного влияния исторически Кашмир входил в орбиту иранской цивилизации.

Использование персидского в качестве основного языка официального делопроизводства, историографии и литературы в Кашмирской долине на протяжении XIV–XVIII вв. способствовало формированию обширного корпуса произведений, который привлекает внимание как местных, так и зарубежных исследователей. Изучение персоязычных исторических источников по Кашмиру представляет собой уже сформировавшуюся и продолжающую развиваться область исследований.

Объектом исследования является историческая традиция Кашмира в целом и процессы формирования исторической памяти о событиях региона в XVIII в. в частности.

В качестве **предмета** исследования настоящей работы был выбран список рукописи «Ваки‘ат-и Кашмир» (События Кашмира) Мухаммада А‘зама Дидамари (ум. в 1765 г.) под шифром В720 из собрания Института восточных рукописей Российской академии наук.

Сочинение было начато автором в 1148 г.х. (1735/1736 г. н.э.), а завершение и внесение дополнений происходило в период с конца 1159 по конец 1160 г.х. (1746–1748 гг. н.э.). В собрании ИВР РАН хранятся три списка данного сочинения под шифрами В2458, В663, В720, датированные 1170 и 1171 г.х. (1757/58 г. н.э.). Кроме того, один список, датируемый XIX в., хранится в Санкт-Петербурге в Восточном отделе Научной библиотеки им. Горького (СПбГУ). Существует еще как минимум два зарубежных списка «Ваки‘ат-и Кашмир»: в библиотеке Алламы Икбала при Кашмирском университете, датируется 1263 г.х. (ок. 1847 г. н.э.); и в

Национальной библиотеке Индии в Калькутте, датируется не ранее 1200 г.х (ок 1785 г. н.э.).

Территориальные и хронологические рамки исследования ограничены главным образом Кашмиром конца XVII – первой половины XVIII в. Автор сочинения Мухаммад А‘зам являлся современником данного периода, что обеспечивает детализацию освещения исторических событий указанного времени и региона, хотя требует критического анализа с учетом субъективности авторского взгляда. Также, поскольку автор опирался на персидские исторические источники предшествующих столетий, был рассмотрен исторический контекст исламского периода истории Кашмира начиная с XIV в., что требовало комплексного анализа преемственности историографической традиции и верификации передаваемой информации.

Актуальность исследования источника «Ваки‘ат-и Кашмир» в контексте изучения персоязычных источников по Кашмиру обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, введение в научный оборот «Ваки‘ат-и Кашмир» на основе списка, прижизненного автору, обеспечивает исследователей наиболее достоверными сведениями о событиях, произошедших в регионе в конце XVII начале XVIII вв. – переломный период в истории региона, время ослабления могольской власти и нарастания политической нестабильности, а также завоевательный поход в Индию Надир-шаха в 1738–40 гг.

Во-вторых, материалы «Ваки‘ат-и Кашмир» позволяют проследить процесс исламизации Кашмира в XIV в.: источник раскрывает ряд механизмов распространения новой религии, под влиянием которой социокультурный облик региона претерпел значительные изменения. На сегодняшний день население Кашмира исповедует несколько религий: север Кашмира заселен преимущественно приверженцами ислама, юг – индуистами, а восток – буддистами; проживают также сикхи. Изучение истории распространения одной из основных религий региона позволяет лучше понять современную религиозную

карту Кашмира, особенности межконфессиональных отношений и корни существующих этнорелигиозных противоречий в регионе.

В-третьих, «Ваки'ат-и Кашмир» как локальный исторический источник хранит в себе подробную информацию об административных системах, экономических отношениях и социальной организации средневекового кашмирского общества, что необходимо для понимания процессов социально-экономического и культурного взаимодействия в регионе.

В-четвертых, исторические источники на персидском языке способствуют формированию более полной историографической картины кашмирского региона, дополняя и уточняя сведения из других языковых традиций (например, из санскритских хроник или научной литературы, основанной на другой языковой базе).

Наконец, актуальность кашмирских исследований возрастает в контексте современных геополитических проблем региона. В настоящее время территориальный раздел Кашмира не закреплён официальными соглашениями о границах. Политическая обстановка в Кашмире обострилась в 1947 г., когда из-за принадлежности Кашмира начался конфликт между Индией, Пакистаном и (частично) Китайской Народной Республикой. Этот конфликт до сих пор остается неурегулированным. Пакистан контролирует северо-запад (Гилгит-Балтистан и Азад Кашмир), Индия – центр и юг (регионы Джамму, Кашмирская долина и Ладакх), Китайская Народная Республика – северо-восток (Аксайчин и Каракорумский тракт). Историческое понимание формирования культурной и религиозной идентичности Кашмира имеет важное значение для анализа причин и последствий текущих конфликтов.

Степень научной разработанности темы. Анализ частоты упоминаний «Событий Кашмира» в научной литературе (в виде краткого описания или обозначения, что такое произведение существует) показывает, что данный источник преимущественно фигурирует в историографических обзорах, посвященных персоязычным хроникам региона, а также включается в общие

исследования по кашмирской истории в качестве одного из источников информации о рассматриваемом периоде¹.

Следует отметить, что Девин ДиУис (Devin DeWeese) – профессор исламских и центрально-евразийских исследований в Индианском университете в Блумингтоне, США – обращался к работам Мухаммада А‘зама преимущественно в контексте своего исследования йасавийской традиции. В частности, он использовал материалы «Ваки‘ат-и Кашмир» при упоминании кази Давлатшаха, важной фигуры в распространении йасавийского учения. Профессор ссылается на литографическое издание рукописи, выпущенное в Лахоре в 1885 г. Поскольку основной фокус исследования Д. ДиУиса был направлен на содержательные аспекты йасавийской традиции, а не на кодикологические характеристики источников, детального описания самой рукописи, ее происхождения, особенностей состава или истории бытования профессор в своей работе не приводит².

Существуют опубликованные переводы «Ваки‘ат-и Кашмир» на урду, выполненные и Хамидом Йаздани (1988) и Шамс ал-дином Ахмадом (2001)³.

В 2018 г. М. Кумар в рамках написания диссертации на соискание ученой степени доктора философии (PhD) осуществил исследование «Ваки‘ат-и Кашмир», основной частью которого является критическое издание текста сочинения: «Критическое издание Тарих-и А‘зами, известное как Ваки‘ат-и Кашмир, с введением и примечаниями» («Critical Edition of *Tarikh-i-Azmi* Known as *Waqaat-i-Kashmir* with Introduction & Notes», Department of Persian, Aligarh Muslim University, Aligarh, India, 582 pp.). Работа написана на языке урду, большую ее часть занимает

¹См.: Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. New Delhi: People's Publishing House, 1969. P. 14; Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1. P. 50; Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. P. xxii.

²DeWeese, D. The Yasavī Presence in the Dasht-i Qipchaq from the 16th to 18th Century // Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th-early 20th Centuries). Wien, 2013. P. 27–67.

³Waqi‘at-i Kashmir (Tarikh-i Kashmir A‘zami) [События Кашмира (История Кашмира Азами)] / doctor Khawaja Hameed Yazdani [доктор ходжа Хамид Йаздани], Lahore: Iqbal Academy Pakistan, 1988; Waqi‘at Kashmir ka Urdu Tarjuma ma‘ Hawashi Tauzihat wa Ta‘liqat [События Кашмира. Перевод на урду с комментариями, пояснениями и примечаниями]/ mutarjim Shams al-din Ahmad [переводчик Шамс ал-дин Ахмад. Кашмир]. Kashmir: Jammu and Kashmir Islamic Centre, 2001.

непосредственно текст сочинения, составленный на основе более поздних списков, по сравнению со списками из собрания ИВР РАН.

Источниковую базу исследования составляют как непосредственно изучаемая рукопись В720, так и корпус персидских исторических сочинений по истории Кашмира XIV–XVIII вв., на которые опирался автор. Реконструированная цепочка историографической преемственности включает *«Раджатарангини»*⁴ (XII в.) и ее персидские переложения, анонимный труд *«Бахаристан-и шахи»* (1614 г.), ряд источников, эксплицитно указанных автором: *«Зафар-нама»* Шараф ал-дина ‘Али Йазди (XV в.), *«Тарих-и Рашиди»* мирзы Хайдара Дуглата (XVI в.), *«Тарих-и Хайдар Малик Чадура»* (1618–1621 гг.), а также могольскую официальную историографию – *«Маасир-и ‘Аламгири»* Мустайид-хана (1710 г.). Данный корпус источников позволяет проследить эволюцию кашмирской историографической традиции и определить степень критического анализа предшествующих источников автором исследуемого сочинения.

Основной целью данного исследования является комплексный источниковедческий и историографический анализ сочинения *«Ваки‘ат-и Кашмир»* для определения его информационного потенциала и места в корпусе источников по истории Кашмира XVIII в.

Для достижения цели были выдвинуты следующие **задачи**:

1. исследовать проблемы авторства, датировки и обстоятельств создания сочинения *«Ваки‘ат-и Кашмир»*;
2. провести кодикологический анализ рукописи В720 *«Ваки‘ат-и Кашмир»*;
3. проанализировать историографию вопроса и методологические подходы к изучению рукописных источников по истории Кашмира;
4. выявить и систематизировать исторические сведения, содержащиеся в сочинении *«Ваки‘ат-и Кашмир»*;

⁴*«Раджатарангини»* – это стихотворная легендарная и историческая хроника северо-западной части Индийского субконтинента, написанная в XII в. на санскрите и посвященная царям Кашмира.

5. определить степень достоверности информации, представленной в «Ваки'ат-и Кашмир» как в историческом источнике;
6. оценить значение «Ваки'ат-и Кашмир» как источника для изучения истории Кашмира XVIII в.

Методологическая база исследования

В процессе исследования исторического источника «Ваки'ат-и Кашмир» применялся комплексный методологический подход, сочетающий различные методы источниковедческого и исторического анализа. В процессе исследования осуществлялись определение авторства сочинения, определение хронологических рамок его создания, реконструкция исторических обстоятельств написания сочинения, а также изучение обстоятельств его обнаружения и последующего бытования. Проведенное кодикологическое исследование дало возможность выявить материальные характеристики рукописного памятника и определить особенности его текстуальной организации.

Важную роль в исследовании играло применение сравнительно-исторического анализа, который предполагал сопоставление изучаемого источника с другими памятниками кашмирской историографической традиции. Это дало возможность определить место сочинения в корпусе источников и оценить степень достоверности содержащихся в ней сведений. Контент-анализ применялся для систематического изучения исторического содержания по различным тематическим направлениям: политической истории, социально-экономических отношений, религиозной и культурной жизни, этнографических и географических представлений автора сочинения.

Анализ содержания сочинения в исторической перспективе позволил рассмотреть произведение как источник информации о предшествующих исторических периодах, а контекстуальный подход способствовал пониманию условий создания сочинения и авторских интенций. Жанровый анализ помог выявить специфические особенности произведения в контексте традиций персоязычной историографии. Историографический метод был использован для

обзора научной литературы и определения степени изученности источника в современной науке.

Научная новизна исследования:

- впервые в отечественном востоковедении «Ваки‘ат-и Кашмир» была введена в научный оборот на русском языке;
- впервые выполнен перевод фрагментов текста сочинения на русский язык;
- предлагаются новые аргументы относительно практического применения исследуемого сочинения в контексте изучения истории Кашмира;
- производится переоценка ряда исторических событий на основе данного источника.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сочинение Мухаммада А‘зама «Ваки‘ат-и Кашмир» представляет собой уникальный памятник исторической мысли XVIII в., демонстрирующий переход от историографической компиляции к фиксации современных автору событий с переломным моментом в 1690-х гг. Автор использует сочетание материалов кашмирской историографической школы с личными наблюдениями для создания целостного исторического повествования.
2. «Ваки‘ат-и Кашмир» содержит сведения о проявлениях кризиса Могольской империи в период после смерти Аурангзеба (1707 г.) на региональном уровне, включая трансформацию административной системы, переход от прямого управления наместников к многоуровневой бюрократии и реакцию местного населения на внешние вторжения (поход Надир-шаха в 1738–1740 гг.).
3. «Ваки‘ат-и Кашмир» предоставляет сложную картину религиозно-культурной жизни региона XIV–XVIII вв., отражая процессы исламизации, роль духовных лидеров в политических процессах, синтез исламских

традиций с местными практиками, религиозные конфликты между суннитами и шиитами, а также мусульманами и приверженцами местных верований.

4. «Ваки‘ат-и Кашмир» содержит сведения о географическом и социально-экономическом положении Кашмира XVIII в., включая подробную информацию об административном делении региона, отсутствующую в других источниках и научной литературе, а также детальные описания быта и культовых обрядов кашмирцев, что делает источник ценным для междисциплинарных исследований.

5. Источниковедческий анализ содержания «Ваки‘ат-и Кашмир» выявляет как высокую информативность отдельных сведений, так и элементы субъективной интерпретации исторических событий автором Мухаммадом А‘замом, что требует критического подхода при использовании данного источника.

6. «Ваки‘ат-и Кашмир» обладает специфическими жанровыми особенностями, сочетающими историческое повествование с элементами *тазкиры* (биографических жизнеописаний), что усложняет анализ текста как исторического источника и требует дифференцированного подхода к изучению.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в совершенствовании источниковедческих подходов к изучению персоязычных исторических памятников, в особенности текстов переходного характера (в которых наблюдается переход от историографической компиляции к современной хронике). Исследование расширяет представления о кашмирской историографической школе XVIII в. и ее месте в персоязычной исторической традиции. Анализ источника позволяет углубить теоретические знания об особенностях кризиса империи Великих Моголов на региональном уровне, и

предоставляет новый материал для понимания роли локальных факторов в государственных процессах.

Практическая значимость проведенного исследования определяется введением самобытного источника в научный оборот на русском языке, что делает его доступным для широкого круга исследователей. Выполненный источниковедческий анализ и перевод расширяют методическую базу для дальнейших текстологических работ и подготовки критических изданий. Исследование обогащает фактологическую базу по истории «Большого Ирана» в целом и по истории Кашмира XVIII в. в частности, предоставляя сведения о политических, социальных и религиозных процессах региона. Материалы могут быть использованы в образовательном процессе в курсах по истории Южной Азии, источниковедению Востока и исламоведению, а также могут быть востребованы в междисциплинарных исследованиях в силу богатого этнографического и культурологического материала, содержащегося в источнике.

Апробация работы

Научные статьи:

1. Смирнова А.М. Взгляд иранских исследователей на влияние культуры Большого Ирана в Кашмире // Проблемы Востоковедения. 2023. No. 3 (101). С. 28–35.;
2. Смирнова А.М. Персидская рукопись XVIII века из коллекции ИВР РАН: Вклад в историографию Кашмира // Modern Oriental Studies. 2024. No. 2. С. 123–132.;
3. Смирнова А.М. Обзор трудов по истории Кашмира: от традиционных санскритских до новых английских источников // Письменные памятники Востока. 2024. Том 21. No. 3 (58). С. 94–100. (БАК);
4. Smirnova A. Kashmir Under the Influence of the Nadir Shah's Indian Campaign (1738-39) (According to the Persian Manuscript of the 18th c.) // Written Monuments of the Orient. 2024. Vol. 10, No. 1 (20). P. 80–86. (Scopus);

5. Smirnova A. Confessional Perception of Historical Memory: Mir Shams al-Din 'Iraqi through the Eyes of the 18th c. Sunni Author (Based on Manuscript B720 from the IOM RAS Collection) // Written Monuments of the Orient. 2025. Vol. 11, No 2 (23). P. 80–88. (Scopus).

Доклады по теме диссертации были представлены на конференциях и иных научных мероприятиях разного уровня:

- Ex Oriente Lux: Шестая международная студенческая конференция востоковедов и африканистов, СПб, СПбГУ, 25–26 ноября 2022 г.: «О влиянии культуры Большого Ирана на Кашмир»;
- Круглый стол «Отношения Ирана со странами Ближнего Востока» Ближневосточный клуб НСО МГИМО совместно с Индоиранским клубом НСО МГИМО, Москва, 30 ноября 2022 г.: «Основные направления культурного взаимодействия Ирана и Кашмира»;
- Ежегодная научная сессия ИВР РАН, СПб, ИВР РАН 5–7 декабря 2022 г.: «Рукопись В720 Ваки‘ат-и Кашмир (События Кашмира) из собрания ИВР РАН»;
- Международная научно-практическая конференция «Проблемы индоиранского мира» Чтения памяти Сергея Всеволодовича Кулланды, Москва, РГГУ, 17 марта 2023 г.: «Иранская рукопись по истории Кашмира из собрания ИВР РАН»;
- XXXII Международный научный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ», СПб, СПбГУ, 26–28 апреля 2023 г.: «События Кашмира» – рукопись на персидском языке из собрания ИВР РАН»;
- Третья международная научная конференция «Рукописное наследие Востока», СПб, ИВР РАН, 22–24 апреля 2024 г.: «Кашмир на пути Надир-шаха в Индию (1738–1739) на основании рукописи «Ваки‘ат-и Кашмир» (В2458, В663, В720) из собрания ИВР РАН»;

- Фрейманские чтения, СПб, ИВР РАН, 27 мая 2024 г.: «Наименования административных единиц в Кашмире в XVIII в. (по персидской рукописи В720 из собрания ИВР РАН)»;
- Ежегодная научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения», СПб, ИВР РАН 2–4 декабря 2024 г.: «Суфийские тарикаты Кашмирского региона в XVII–XVIII веках по материалам рукописи «События Кашмира» из собрания Института восточных рукописей РАН»;
- XXXIII Международный научный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Россия и Восток. К 170-летию открытия факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета», СПб, СПбГУ 16–18 апреля 2025 г.: «Особенности традиции тариката Накшбандийа в Кашмире по персидским источникам (XIV–XVIII вв.)»;
- Фрейманские чтения, СПб, ИВР РАН, 28 мая 2025 г.: «Особенности описания религиозно-мифологических культов Кашмира в персидской рукописи XVIII в.»;
- Ежегодная научная сессия ИВР РАН, 1–3 декабря 2025 г.: «Тарикат Нурбахшийа в Кашмире: история и современность»;
- Ежегодная иранистическая конференция памяти О.Ф. Акимушкина, СПб, ИВР РАН, 18 февраля 2026 г.: «Кашмирская историографическая традиция о гибели мирзы Хайдара Дуглата: анализ рукописи "События Кашмира"»;
- Пятая международная научная конференция «Рукописное наследие Востока», СПб, ИВР РАН, 20–22 апреля 2026 г.: «Агиографический нарратив как источник по истории кашмирского суфизма XVIII века: анализ рукописи В720 из собрания ИВР РАН».

Структура диссертации

Структура диссертационной работы соответствует традиционной композиции научного исследования и состоит из Введения, Трех ключевых глав, Заключения и Списка использованных источников и литературы и Приложения.

Первая глава (семь разделов) представляет комплексную источниковедческую характеристику памятника: историографический анализ, изучение особенностей кашмирской традиции исторического описания, определение исторического контекста создания произведения, решение проблем атрибуции и датировки, кодикологическое исследование списков сочинения из собрания ИВР РАН.

Вторая глава (шесть разделов) посвящена исследованию содержательного наполнения источника: анализируются информационные возможности сочинения, рассматриваются данные о политической истории, социально-экономическом устройстве, религиозно-культурной сфере, этнографических материалах и географических сведениях.

Третья глава (четыре раздела) содержит критический анализ: сравнительное сопоставление с другими памятниками, верификация сведений, выявление особенностей авторской интерпретации и жанровых характеристик.

Заключение включает основные результаты исследования, определение источниковедческой значимости и роли источника в изучении кашмирской истории, перспективы дальнейших разработок.

В качестве Приложения к работе прилагается комментированный перевод на русский язык избранных фрагментов «Ваки‘ат-и Кашмир». Перевод выполнен на основе списка В720 из собрания ИВР РАН.

Глава 1. Источниковедческая характеристика сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир»

1.1 Обзор научной литературы по вопросу кашмирского источниковедения

Следует отметить, что история Кашмира изучена достаточно неравномерно. Наиболее детально исследован средневековый период истории Кашмира, особенно эпоха кашмирского султаната (XIII–XV вв.) и последующий могольский период (XVI–XVIII вв.), благодаря наличию письменных источников, таких как «Раджатарангини» (XII в., продолжение доведено до XVI в.) и хроник могольского периода, например «Джахангир-нама» (XVII в.), «Табакат-и Акбари» (XVII в.), «Маасир-и ‘Аламгири» (XVIII в.).

Древняя история региона изучена значительно меньше в силу ограниченного количества археологических данных и письменных свидетельств. Большое внимание исследователей привлекает колониальный период (XIX–XX вв.), и современная история Кашмира после 1947 г., но подобные исследования чаще несут в себе черты политологических, нежели исторических.

В научной литературе наблюдается дисбаланс между отечественными и зарубежными исследованиями: западноевропейские, индийские, пакистанские и иранские исследователи уделяют значительное внимание Кашмиру, тогда как в российской историографии эта тема представлена несколько скромнее.

В ходе данного исследования были использованы научные работы на русском, английском и персидском языках, а также на языках дари и урду.

Изучение древнейшего периода в истории Кашмира как правило основывается на исследованиях, посвященных санскритским источникам. Российский востоковед П.Я. Петров изучал «Раджатарангини» Кальханы и проводил анализ поздних переводов этого произведения на персидский язык⁵.

⁵См.: Петров, П.Я. Раджа-Тарангини, историческая поэма Кальхана-пандиты. М.: Катков и К., 1865.

В 1985 г. отечественным индологом Т. П. Селивановой была защищена диссертация «Социально-экономический строй средневекового Кашмира (по данным «Раджатарангини» Калханы, XII в.)», которая представляет собой важное исследование общественного устройства и экономических отношений в средневековом Кашмире. Работа также базируется на анализе исторической хроники «Раджатарангини», написанной кашмирским поэтом и историком Калханой в XII в. Это исследование вносит существенный вклад в изучение социальной структуры, земельных отношений, системы налогообложения и экономической жизни одного из важнейших регионов средневековой Индии⁶.

Исследовательские переводы «Раджатарангини» с комментариями представлены работами венгерского этнографа М. А. Стейна (M.A. Stein) и индийского санскритолога Дж.Ч. Дутта (J.C. Dutt)⁷.

Помимо работ, посвященных «Раджатарангини», методологические подходы к изучению ранних санскритских источников демонстрирует критическое издание «Ниламата-пураны» (1924)⁸. Кашмирский историк П.Н.К. Бамзай (P.N.K. Bamzai) в работе «*Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir*» (2007) и специалист по истории Индии, доктор С.Ч. Рэй (Dr. S. Ch. Ray) в «*Early History and Culture of Kashmir*» (1957) проводили исследования различных санскритских источников. Профессор религиоведения университета Тринити (Техас, США) Ч.М. Браун (Ch.M. Brown) в «*The Devi Gita*» (1998) представил исследование санскритских религиозных текстов⁹.

⁶См.: Селиванова, Т.М. Социально-экономический строй средневекового Кашмира (по данным «Раджатарангини» Калханы, XII в.): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Селиванова Тамара Петровна. – Л., 1985.

⁷См.: Dutt, J.C. The Rājatarāṅgiṇī of Jonarāja. (The Kings of Kashmira 2nd Series) Delhi: Gian Publishing House, 1986; Stein, M.A. Kalhana's Rājatarāṅgiṇī: A Chronicle of the Kings of Kashmir. Vol. 1-2. London: Archibald Constable and Company Ltd, 1900.

⁸См.: Nīlamatapūrāṇam. Critical Edition / ed. by Ram Lal Kanji Lal, M.A., Vedanta-tirtha, Vidyaratna and Pandit Jagad-dhara Zadoo. Lahore: The Punjab Sanskrit Book Depot, 1924.

⁹См.: Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Vol. 1-2. Kashmir: Golshan Books, 2007; Brown, Ch. M. The Devi Gita: The Song of the Goddess: A Translation, Annotation, and Commentary. New York: State University of New York Press, 1998; Ray, S. Ch. Early History and Culture of Kashmir. Calcutta: U.N. Dhur & Sons Private Ltd., 1957.

В 1910 г. Пандит Ананд Коул, член кашмирского правительства, представил Азиатскому обществу Бенгалии (Asiatic Society of Bengal) две статьи о раннем периоде истории Кашмира, которые были опубликованы в журнале общества¹⁰.

С 1910 по 1936 г. вышло несколько работ Мухаммада Дина Фаука на языке урду, которые были посвящены истории, географии и фольклору Кашмирской долины¹¹.

Период XIV–XV вв. освещен в исследованиях *«Тарих-и Рашиди»* мирзы Хайдара Дуглата (1499–1551): английский перевод с комментариями (1895), русское издание с исследовательским аппаратом (1996) и персидское критическое издание под редакцией А.К. Гаффари Фарда (2004/2005)¹².

Исследования могольского периода XVI–XVII вв. представлены анализом мемуаров правителей и придворных хроник: *«Бабур-нама»* в переводе на английский М. Салье с предисловием и комментариями С.А. Азимджановой (1958), *«Акбар-нама»* на персидском (2006) и *«А'ин-и Акбари»* Абу-л-Фазла в исследовательском переводе Г.С. Джарретта (H. S. Jarrett) (1891), *«Тарих-и Фирита»*, составленный по различным рукописным копиям генерал-майором Дж. Бриггсом (J. Briggs) (1831), *«Тузук-и Джахангири»* в переводе с комментариями А. Роджерса (A. Rogers) и Г. Бевериджа (H. Beveridge) (1909-1914), *«Табакат-и Акбари»* Низам ал-дина Ахмада в переводе Б. Де (B. De) (1936) с источниковедческим аппаратом. К этому периоду относится также исследование *«Зафар-нама»* Шараф ал-дина Али Йазди в переводе А. Ахмедова с комментариями (2008)¹³.

¹⁰См.: Koul, P. A. Hasan's History of Kashmir // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1913. Vol. 9, P. 195–203; Koul, P. A. History of Kashmir // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1910. Vol. 6, P. 195–219.

¹¹См.: Fauq, Muhammad Din. Tārīkh-i aqvām-i Kashmīr [История народов Кашмира]. Lahore, 1938.

¹²См.: Dughlāt Muhammad Haidar. The Tarikh-i-rashidi: A History of the Moghuls of Central Asia; an English Version. London: S. Low, Marston and Company, 1895; Хайдар, Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан. 1996; Haidar, Mirza Dughlat Muhammad. Tarikh-i Rashidi [История Рашиди] / be tashih-i Abbas Quli Ghaffari Fard [под ред. А.К. Гаффари Фарда]. Tehran: Markaz-i nashr-i miras-i maktub [Центр публикации письменного наследия], 1383 [2004/2005].

¹³См.: Бабур-наме. Записки Бабура / пер. М. Салье; отв. ред. и авт. предисл. канд. ист. наук С.А. Азимджанова. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1958; Allami, Abu-l-Fazl. Akbar nama. Tarikh-i Gurkaniyan-i Hind [Акбар-нама. История Гурканидов Индии] / be kushesh: Gulam Riza Tabatabai Majd [Редактор: Гулам Риза Табатабаи Маджд] Vol. 1. Tehran: Anjuman-i Asar va Mafakhir-i Farhangi [Ассоциация памятников и культурного наследия], 1385 [2006]; Allami, Abu -l-Fazl. The A'in-i Akbari / trans. from the original Persian by Colonel H. S. Jarrett. Vol. 2. Calcutta: Baptist Mission Press, 1891; Ferishta, Mahomed Kasim. Tarikh-i-Ferishta or History of the Rise of the Mahomedan Power in India

Статья ассистент-профессора кафедры истории Делийского университета Ф. Ашфак (F. Ashfaque) посвящена истории Кашмира в период правления могольского падишаха Аурангзеба (1658–1707 гг.). Автор анализирует административное управление Кашмиром как провинцией Могольской империи¹⁴.

Изучение персоязычной историографии Кашмира представлено критическим изданием «*Бахаристан-и шахи*» под редакцией кашмирского и индийского ученого К.Н. Пандита (K. N. Pandit) (1991) и специальным исследованием на персидском языке кандидата философских наук Исламского университета Азад, (Тегеран, Иран) К. Тайиби Фарда «*Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir*» («Хайдар Малик и книга истории Кашмира») (2013/2014). Первая работа представляет собой английский перевод персоязычной хроники средневекового Кашмира. Она охватывает историю Кашмира преимущественно в мусульманский период, начиная с XIV в. и заканчивая правлением моголов в XVI в. Оригинальный текст «*Бахаристан-и шахи*» был составлен анонимным автором в конце XVI в. и отражает придворную хронику, описывающую правление различных султанов и политические события в регионе. Перевод сочинения на английский язык включает обширное введение редактора, подробные комментарии к тексту и аналитические заметки, помогающие лучше понять историческое повествование. Важность данной публикации заключается в том, что она делает доступным для англоязычных исследователей ценнейший источник по средневековой истории Кашмира, отражающий политические, социальные и религиозные аспекты жизни региона¹⁵.

Работа К. Тайиби Фарда «*Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir*» (2013/2014) представляет исследование, посвященное кашмирскому историку Хайдару Малику

/ ed. and collected from various manuscript copies by Major-General John Briggs, assisted by Munshi Mir Kheirat Ali Khan Mushtak of Akberabad. Vol. 2 Bombay: Government College Press, 1831; The *Tūzūk-i-Jahāngīrī* or Memoirs of Jahāngīr. Vol. 2: From the Thirteenth to the Beginning of the Nineteenth Year of his Reign / trans. by Alexander Rogers and Henry Beveridge. London: Royal Asiatic Society, 1909–1914; Nizamuddin Ahmad. The *Ṭabaqāt-i-Akbarī*: A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty-Eighth Year of the Reign of Akbar /trans. by B. De. Vol. 2. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, Baptist Mission Press, 1936; Ёазди, Шараф ал-дин 'Али. Зафар-наме / пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: издательство журнала «SAN'AT», 2008.

¹⁴См.: Ashfaque, F. History of Kashmir Under Aurangzeb // International Journal of Historical Insight and Research (IJHIR). 2015. Vol. 1, No. 1. P. 33–48.

¹⁵См.: Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991.

Чадуре и его сочинению по истории Кашмира. Автор анализирует биографию Хайдара Малика, жившего в XVI–XVII вв., его карьеру как государственного деятеля и вклад в персоязычную историографию региона. Особое внимание уделяется структуре и содержанию «*Тарих-и Кашмир*», которая представляет собой ценный исторический источник, охватывающий как древнюю историю региона, так и современные автору события. К. Тайиби Фард рассматривает особенности повествовательного стиля Хайдара Малика, его подход к изложению исторических фактов, а также влияние персидской историографической традиции на его работу¹⁶.

Кашмирский историк и писатель П.А. Коул (P.A. Koul) в статье «*Hasan's History of Kashmir*» (1913) представляет аналитический обзор средневекового исторического труда кашмирского автора муллы Хасана, написанного на персидском языке. Автор рассматривает структуру и содержание хроники, которая охватывает историю Кашмира с древнейших времен до мусульманского периода. Особое внимание акцентируется на освещении индуистской эпохи в кашмирской истории и процессе трансформации к мусульманскому правлению, а также тому, как религиозная принадлежность историка влияла на его трактовку событий. Статья подчеркивает ценность труда муллы Хасана как одного из ключевых источников по ранней истории Кашмира. Автор также сравнивает хронику Хасана с другими историческими источниками того периода¹⁷.

Период XVIII в. изучен через анализ источников эпохи Надир-шаха: «*Нама-йи 'аламара-йи Надири*» Мухаммада Казима в критическом издании М. Риахи (1989/1990), «*Тарих-и джахангуша-йи Надири*» Мухаммада Махди Астарабади (1998/1999) и исследовательский перевод П.И. Петрова «*Поход Надир-Шаха в Индию*» (1961). «*Маасир-и 'Аламгири*» М.Х. Саки представлена в исследовательском издании Дж. Саркара (1947)¹⁸.

¹⁶См.: Тауыйби Fard, Kazim. Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir: daricha-yi ba shinakht-i Kashmir-i tarikhi [Хайдар Малик и книга истории Кашмира: окно в познание исторического Кашмира] // Guzarish-i Miras [Отчет о наследии]. № 5,6. 1392 [2013/2014], P. 14–18.

¹⁷См.: Koul, P. A. Hasan's History of Kashmir // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1913. Vol. 9, P. 195–203.

¹⁸См.: Kazim, Muhammad. Nama-yi 'alamara-yi Nadiri [Мироукрашающее послание Надира] / be tashih-i Muhammadamin Riyahi [под редакцией Мухаммадамина Риахи]. Vol. 2 Tehran, 1368 [1989/1990]; Astarabadi, Muhammad Mahdi. Tarikh-i jahangusha-yi Nadiri [История завоевания мира Надиром]. Tehran: Anjuman-i asar va mafakhir-i farhangi [Общество культурных памятников и достижений], 1377 [1998/1999]; Казим, М. Поход Надир-

Фундаментальные труды по истории Кашмира представлены работами П.Н.К. Бамзая: «*A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day*» (1973) с обзором источников и «*Kashmir and Central Asia*» (1980). Классическими исследованиями являются работы профессора и заведующего кафедрой истории Кашмирского университета М. Хасана (M. Hasan) «*Kashmir Under the Sultans*» (1959), индийского историка, специализировавшегося на изучении средневековой истории Кашмира Р.К. Парму (R.K. Parmu) «*A History of Muslim Rule in Kashmir 1320-1819*» (1969) и профессора университета Дели Г.М. Суфи (Gh.M. Sufi) «*A History of Kashmir*» (1949) с описанием источников¹⁹.

Значительное место занимают исследования деятельности на территории Кашмира суфийских наставников: написанные на персидском языке работы иранского исследователя истории, географии, языка и культуры Хамадана Парвиза Азкайи и ассистент-профессора кафедры исламских наук, факультета литературы и гуманитарных наук университета Бу-‘Али Сины (Хамадан, Иран) ‘Абд Аллаха ‘Атайи, посвященные изучению роли Мир Саййида ‘Али Хамадани в распространении ислама и развитии ремесел в Кашмире. Также ‘Абд Аллах ‘Атайи, кашмирский автор Гулам Мухаммад Мату и доктор наук в области персидской литературы Гулара Даварпанах в своих работах анализируют деятельность Мир Шамс ал-дина ‘Ираки в контексте распространения шиизма²⁰.

шаха в Индию / пер. с перс., коммент. П. И. Петрова. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1961; Saqi, M. Kh. Maasir-i ‘Alamgiri: A History of the Emperor Aurangzeb Alamgir (reign 1658–1707 A.D.) / ed. by Sir Jadunath Sarkar. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1947.

¹⁹См.: Bamzai, P. N.K. A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day. New Delhi: Metropolitan Book Co., 1973; Bamzai, P. N.K. Kashmir and Central Asia. New Delhi: Light and Life Publishers, 1980; Hasan, M. Kashmīr Under the Sultāns. Calcutta, 1959; Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. People's Publishing House, 1969; Sufi, Gh. M. Kashir. A History of Kashmir. Lahore, 1949.

²⁰См.: Matu, Ghulam-Muhammad. Naqsh-i Mir Shams al-din ‘Iraqi dar tarwīj-i tashayyu‘ dar Kashmir [Роль Мир Шамс ал-дина ‘Ираки в распространении шиизма в Кашмире] // Sukhan-i tarikh [Слово истории], №8, 1389 [2010/2011], P. 169–183; ‘Atayi, ‘Abd Allah. Naqsh wa jaygah-i Mir Shams al-din ‘Iraqi dar gustarish-i tashayyu‘ dar Kashmir bar asas-i Tuhfat al-aḥbab [Роль и место Мир Шамс ал-дина ‘Ираки в распространении шиизма в Кашмире на основе «Тухфат ал-ахбаб»] // Majalla-yi shibh-i qarra (Wizha-nama-yi nama-yi farhangistan) [«Субконтинент» (Специальный выпуск письма Академии)], № 1, 1392 [2013/2014], P. 226–237; ‘Atayi, ‘Abd Allah. Naqsh-i Mir Sayyid ‘Ali Hamadani dar tawsi‘a-yi hunar va ṣanayi‘-i dasti dar Kashmir [Роль Мир Саййида Али Хамадани в развитии искусства и ремесел в Кашмире] // Ayina-yi miras zamistan [Зеркало наследия. Зима], № 43, 1387 [2008/2009], P. 208–219; Azkai, Parviz. Muruj-i islam dar Iran-i ṣaghīr. Ahval va asar-i Mir Sayyid ‘Ali Hamadani [Распространение ислама в «Маленьком Иране». Деятельность Мир Саййида ‘Али Хамадани]. Hamadan, 1370 [1991/1992]; Davarpenah, Gulara. Ta‘thir wa jaygah-i Mir Shams al-Din ‘Iraqi dar manṭaqah [Влияние и место Мир Шамс ал-дина ‘Ираки в регионе], Pazhuhish-namah-yi adyan, madhahib wa ‘irfan [Исследовательский журнал религий, конфессий и мистицизма], №23, 1397 [2018], P. 1–21.

Работы советского и российского ираниста О.Ф. Акимушкина «"Хасанат ал-абрар" шайха Мухаммад-Мурада Кашмири» (2002) и «*A Rare Seventeenth-Century Hagiography*» (2001), были использована для получения информации и духовном наставнике автора исследуемого сочинения²¹.

Исследования по истории суфизма включают труд специалиста по средневековой Индии Саййида Атхара Ризви (S.A. Rizvi) «*A History of Sufism in India*» (1997), работу специалиста Исламского университета науки и технологий (IUST) (Кашмире, Индия) Ш. Расул (S. Ra Rasool) «*Advent of Islam in Kashmir*» (2017) и кашмирского специалиста в области исламских исследований и литературы на языке урду профессора М.Х. Заффара (M.H Zaffar) «*Mystical Thought of Kashmir*» (2012)²².

Современные исследования по Кашмиру в основном представлены работами на персидском языке: исследование главного редактора издательства и центра исследований «Zikr» Хамида Резы Саййид Насери «*Kashmir (guzashta, hal, ayanda)*» («Кашмир (прошлое, настоящее, будущее)») (2020/2021); научные работы в области персоязычной традиции исследователя персидской истории, языка и литературы, руководителя группы авторов Энциклопедии персидской литературы Хасана Анушиха и исследователя в области суфизма, философии и индийского стиля в персидской литературе Фатимы Вазифидан Муллашахи; работами по истории шиизма на субконтиненте исследователей исламоведов Хайдара Ризы Забита, Гулама Мухаммада Мату и других. Профессор Факультета литературы и гуманитарных наук университета Систана и Белуджистана (Захедан, Иран) Марьям Халили Джахантиг провела сравнительное исследование повествований в «*Раджатарангини*» и иранских источниках²³.

²¹См.: Akimushkin, O. A Rare Seventeenth-Century Hagiography of the. Naqshbandiyya-Mujaddidiyya Shaykhs // Manuscripta Orientalia. Vol. 7. № 1. 2001, P.62–67; Акимушкин, О. Ф. «Хасанат ал-абрар» шайха Мухаммад-Мурада Кашмири – редкая агиография конца XVII в. шайхов братства нақшбандийа-муджадидийа // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. 1 (XXVI). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002, С. 13–25.

²²См.: Rizvi, S.A. A History of Sufism in India. In 2 vol. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1997; Rasool, S. Advent of Islam in Kashmir: A Brief Introduction to the Contribution of Sayyid Ali Hammadani // North Asian International Research Journal of Social Science & Humanities, №3(12), 2017, P. 292–301; Zaffar, M. H. Mystical Thought of Kashmir // The Parchment of Kashmir. New York: Palgrave Macmillan, 2012, P. 71–85.

²³См.: Seyed Naseri, Hamid Reza. Kashmir (guzashta, hal, ayanda): daricha-yi ba tarikh-i Kashmir [Кашмир (прошлое, настоящее, будущее): окно в историю Кашмира]. Tehran: Sazman-i farhang va irtibat-i islami [Организация

Прочие исследования включают работы по экономике Могольской империи Ш. Мусви (1987) и П. Саран (1941), географические исследования П.А. Коула (1925), работы Л. Локхарта по Надир-шаху (1938) с упоминанием источников, Дж. Саркара «*Nadir Shah in India*» (1925) и современные обзорные работы А.Х. Дани (1989), Ч. Снеддена (2015), Б. Стейна (2010)²⁴. Общие исследования по истории Индии представлены работами Р.К. Маджумдара (1951) и К.А. Састри (1988). Дж. Ханнедер провел исследование по истории санскрита (2002)²⁵.

Целесообразно дать краткую характеристику степени изученности Кашмира советскими и российскими исследователями в историческом контексте и на современном этапе. Данный анализ позволит отметить вклад отечественной науки в кашмироведение и выявить актуальные направления научных изысканий в этой области.

Советские исследования Кашмира были ограничены по объему, но отличались системным подходом в рамках общего изучения Южной Азии. Этот пласт представлен фундаментальными исследованиями российского и советского востоковеда В.В. Бартольда (1973), работой советского и казахстанского востоковеда В.П. Юдина «*Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами*

исламской культуры и коммуникаций], 1399 [2020/2021]; Anusheh, Hasan. *Danish-nama-yi zaban va adab-i farsi dar shibh-i qarra* [Энциклопедия персидского языка и литературы субконтинента]. Tehran, 1380 [1996/1997]; Vazifedan Mullashakhi, Fatima. *Kashmir va zaban-i farsi* [Кашмир и персидский язык] // *Studies of the Subcontinent*. № 18. 1393 [2014/2015], P. 139–160; Khalili Jahantigh, Mariam. *Baztab-i rivayat-ha-yi hamsan dar kitab-i Raj Tarangini va asar-i irani va sami* [Отражение схожих повествований в книге Раджатарангини и иранских и семитских произведениях] // *Pazhuhish-ha-yi adabi* [Литературные исследования]. № 11. 1385 [2006/2007], P. 81–92; Matu, Gulam Muhammad. *Vad'iyat-i kanuni-i shi'yan-i Kashmir* [Текущее правовое положение шиитов Кашмира] // *History Speeches*. № 9. 1389 [2010/2011], P. 110–127; Zabit, Haydar Riza. *Tashayyu' dar shibh-i qarra-yi Hind* [Шиизм на Индийском субконтиненте] // *Majalla-yi pazhuhish-ha-yi ijtimai' i islami* [Социальные исламские исследования]. № 12, 1377 [1998/1999], P. 82–102.

²⁴См.: Moosvi, Sh. *The Economy of the Mughal Empire, c. 1595: A Statistical Study*. Delhi: Oxford University Press, 1987; Saran, P. *The Provincial Government of the Mughals, 1526-1658*. Allahabad: Kitabistan, 1941; Koul, P. A. *Geography of the Jammu and Kashmir State*. Calcutta, 1925; Lockhart, L. *Nadir Shah*. London: Luzac & Co, 1938; Sarkar, J. *Nadir Shah in India*. Calcutta: R. Gosh India Book Exchange, 1925; Snedden, Ch. *Understanding Kashmir and Kashmiris*. Oxford University Press, 2015; Stein, B. *A History of India* / ed. David Arnold. Second edition. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2010; Dani, A. H. *History of northern areas of Pakistan*. Islamabad: National Institute of Historical and Cultural Research, 1989.

²⁵См.: Majumdar, R.C. *The History and Culture of the Indian People. The Vedic Age*. Vol. 1. London: George Allen & Unwin LTD, 1951; Sastri, K.A. *Nilakanta. Age of the Nandas and Mauryas*. Banaras: Motilal Banarsidass Pub, 1988; Hanneder, J. On «The Death of Sanskrit» // *Indo-Iranian Journal*. 2002. №45 (4), P. 293–310.

востоковеда» (2001)²⁶. Географическое исследование Кашмира выполнил В.А. Пуляркин в рамках работы Института географии АН СССР²⁷.

Основной вклад в исследования внесли востоковеды Института востоковедения АН СССР, где тема Кашмира рассматривалась преимущественно в контексте индо-пакистанских отношений и геополитической ситуации в регионе. Важные работы принадлежат Г.Л. Бонгард-Левину, исследовавшему древнеиндийские цивилизации, включая кашмирскую²⁸. И. М. Рейснер в своих исследованиях об аграрных отношениях и феодализме в Индии упоминает также и Кашмир²⁹. Из более поздних исследователей, Т.Л. Шаумян внесла вклад в изучение кашмирского конфликта в современный период³⁰. В.Я. Белокреницкий исследовал политические и экономические аспекты кашмирской проблемы³¹.

Хотя большинство современных исследований на русском языке сосредоточено на анализе текущей политической ситуации в регионе и изучении корней кашмирского конфликта между Индией и Пакистаном, в российской историографии существует определенный пласт исторических работ, посвященных более ранним периодам развития Кашмира, а также искусству и верованиям.

Среди современных отечественных исследователей выделяется А.И. Коган, изучающий этническую историю Кашмира на основе лингвистических, археологических и письменных источников³². М.А. Шах исследует раннее

²⁶См.: Бартольд, В.В. Сочинения. Т. 8. М.: Наука, 1973; Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.

²⁷См.: Пуляркин, В.А. Кашмир. М.: Географиз, 1956.

²⁸См.: Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М.: Наука, 1980.

²⁹См.: Рейснер, И. М. Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. М.: Издательство восточной литературы, 1961.

³⁰См.: Шаумян, Т. Л. Спор о принадлежности Кашмира. Ситуация внутри и вокруг Кашмира в постконфронтационную эпоху. Южная Азия в современном политическом мире. New York, 2001. С. 183–246; Шаумян, Т. Л. Спор вокруг Кашмира: истоки конфликта. Индия: достижения и проблемы. М., 2002. С. 61–76; Шаумян, Т. Л. Индия– Пакистан. Кашмирский тупик. Азия и Африка сегодня. 2002. № 9. С. 15–19; Шаумян, Т. Л. Спор о принадлежности Кашмира: у истоков проблемы. Ситуация внутри и вокруг Кашмира в постбиполярную эпоху. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 155–210.

³¹См.: Белокреницкий, В.Я. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? // Россия и мусульманский мир. 2007. №1, С. 128–150.

³²См.: Коган, А.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири / Институт востоковедения РАН. отв. ред. И.С. Якубович. М.: Языки славянской культуры. Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016; Коган, А.И. Взлет и падение домусульманского Кашмира: социоестественная гипотеза // Человек и природа. Материалы XXVII Международной междисциплинарной научной конференции «Человек и природа: проблемы социоестественных исследований» и Международной междисциплинарной молодежной школы «Стратегии экологической безопасности» / под ред. Ковалевой Н.О., Костовска С.К., Некрич А.С., Салимгареевой О.А. М.: МАКС-Пресс, 2017. С. 68–73; Коган, А.И. Некоторые проблемы истории Кашмирского султаната (окончание) // История и современность. 2015. №1 (21). С. 81–98; Коган, А.И. Кашмир и его соседи в XII–XIII веках

скульптурное искусство Кашмирской долины, датируя его позднекушанским периодом (IV-V вв.)³³. В.П. Иванов анализирует философско-религиозную традицию кашмирского шиваизма³⁴. З.А. Гафорова исследует персоязычную поэзию Кашмира XVI–XVII вв.³⁵.

Обзор научной литературы по кашмирскому источниковедению демонстрирует неравномерность изучения различных исторических периодов региона. Наиболее детально исследован средневековый период благодаря наличию обширных письменных источников, в то время как древняя история изучена значительно слабее. В научной литературе наблюдается существенный дисбаланс между зарубежными и отечественными исследованиями: западноевропейские, индийские, пакистанские и иранские ученые активно изучают кашмирскую тематику, тогда как российская историография представлена более скромно и сосредоточена преимущественно на современной политической проблематике региона. Тем не менее, российские исследователи внесли значительный вклад в изучение лингвистических, археологических и культурно-религиозных аспектов истории Кашмира.

1.2 Традиция исторического описания в Кашмирском регионе

Кашмирский регион занимает северо-западную часть Индийского субконтинента и славится уникальными ландшафтами и многовековым культурным наследием. Территориально он разделен между Индией, Пакистаном и Китаем, при этом официальное делимитационное соглашение о границах

// Восток. 2014, № 4. С. 37–47; Коган, А.И. Некоторые проблемы истории Кашмирского султаната // История и современность. 2014, № 1. С. 87–108; Коган, А.И. Некоторые вопросы истории Кашмирского султаната // Природа и общество в процессах взаимодействия. М.: ИД ЭНЕРГИЯ, 2013. С. 135–140.

³³См.: Шах, М.А. Новое осмысление хронологии раннего скульптурного искусства индийского Кашмира // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 81–86.

³⁴См.: Иванов, В.П. Принцип «всё во всём» в религиозно-философских построениях кашмирского шиваизма // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 166–176; Иванов, В.П. Часть и целое в лингвофилософских моделях традиции кашмирского шиваизма // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции / Составители: Т.В.Ермакова, Е.П. Островская. Научный редактор М. И. Воробьева-Десятовская. Спб., 2012. С. 97–113; Иванов, В.П. «Виджняна-бхайрава-тантра» в традиции кашмирского шиваизма // Письменные памятники Востока, 2(11), 2009. С. 80–89.

³⁵См.: Гафорова, З.А. Индийский стиль в творчестве поэтов литературного круга Кашмира (XVI–XVII вв.) // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 35–41.

отсутствует. С географической точки зрения это долинная местность, обрамленная горными системами Гималаев и Каракорума.

Регион обладает многотысячелетней историей, отмеченной последовательным влиянием буддийской, индуистской и исламской культур. На протяжении столетий Кашмир функционировал как важнейший узел культурных контактов и торговых путей, связывавших Центральноазиатский регион, Тибет и Индийский субконтинент.

Археологические данные указывают на присутствие человека в данной местности с эпохи неолита³⁶. В античный период территория являлась значимым центром распространения буддизма и индуизма³⁷. В III в. до н.э. Кашмир находился в составе державы Маурьев, впоследствии обретя статус самостоятельного государства. Период правления династии Каркота в VIII в. н.э. ознаменовался культурным и хозяйственным подъемом. XIV столетие принесло исламизацию региона и образование султаната, позднее интегрированного в государство Великих Моголов. В XIX в. территория последовательно контролировалась сикхами, а затем вошла в состав Британской колониальной Индии. С момента деколонизации в 1947 г. Кашмир остается объектом территориальных претензий между Индией и Пакистаном³⁸.

Для комплексного анализа исторической эволюции региона специалисты используют разнообразные источники: археологические материалы, эпиграфику, нумизматику, а главное — письменные памятники различных исторических периодов и культурных традиций³⁹.

Санскритская историографическая традиция Кашмира представляет собой уникальное явление в контексте индийской литературы, демонстрируя принципиальное отличие от общепринятых форм исторического письма на субконтиненте. Если в большинстве регионов Индии исторические сведения

³⁶Dani, A. H. History of northern areas of Pakistan. Islamabad: National Institute of Historical and Cultural Research, 1989. P. 91.

³⁷Sastri, K.A. Nilakanta. Age of the Nandas and Mauryas. Banaras: Motilal Banarsidass Pub, 1988. P. 219.

³⁸Stein, B. A History of India / ed. David Arnold. Second edition. Blackwell Publishers Ltd, 2010. P. 357–358.

³⁹Смирнова, А.М. «Раджатарангини» в интерпретации персидских историков на примере рукописи «Ваки'ат-и Кашмир» Мухаммада А'зама Дидамари // Время не ждёт! Сборник статей памяти Евы Яковлевны Люстерник. СПб.: Издательский дом РХГА, 2026 (принято к публикации).

сохранялись в рамках пуранической литературы, где факты переплетались с мифологией и религиозной дидактикой, то кашмирская традиция выработала специфический жанр светской исторической хроники.

Центральное место в санскритской историографии Кашмира занимает *Rājatarāṅgiṇī*⁴⁰ («Раджатарангини») Кальханы (*Kalhana*)⁴¹, XII в.⁴². Название произведения, буквально переводимое как «Река царей» или «Поток царей», несет метафорическую нагрузку, отражая концепцию непрерывности династической истории и преемственности власти. Образ реки, постоянно текущей, но всегда остающейся собой, воплощает индийское представление о единстве в многообразии, примененное к историческому процессу.

Структурно текст «Раджатарангини» разделен на восемь *тарангов* (волн/книг), каждый из которых охватывает определенный исторический период. Первые три *таранги* посвящены древнейшей и древней истории, четвертая и пятая – средневековому периоду, последние три – современной автору эпохе⁴³. Такая структура отражает не только хронологический принцип, но и различную степень достоверности информации: чем ближе к времени автора, тем детальнее становится повествование, и тем критичнее относится к ней автор.

Источниковая база Кальханы заслуживает отдельного методологического анализа. Автор эксплицитно называет предшествующие исторические сочинения, на которые он опирался: «*Nṛpāvali*» («Ряд царей») Кшемендры (Kṣemendra, XI в.), хроники Падмамихиры (Padmamihira, VIII–IX вв.), «*Nīlamatapurāṇa*» (*пурана* «Учение Нилы», VI–VIII вв.). За исключением «*Ниламата-пураны*», остальные

⁴⁰Санскритские названия сочинений приводятся с латинской транслитерацией для обеспечения однозначной идентификации источников. Поскольку существуют различные системы транслитерации с деванагари на кириллицу, использование стандартизированной латинской транслитерации (IAST или упрощенной) позволяет читателям, владеющим санскритом, точно определить оригинальное написание терминов и названий, а также облегчает поиск этих произведений в международных научных базах данных и каталогах.

⁴¹ В русской транскрипции санскритского имени встречаются оба варианта: Калхана и Кальхана. Различие связано с передачей санскритского звука.

⁴²Петров, П.Я. Раджа-Тарангини, историческая поэма Кальхана-пандиты. М.: Катков и К., 1865. С. 3–5.

⁴³Majumdar, R.C. The History and Culture of the Indian People. The Vedic Age. Vol. 1. London: George Allen & Unwin LTD, 1951. P. 49–50.

произведения не сохранились, что придает «Раджатарангини» особую значимость среди санскритских исторических памятников⁴⁴.

Важнейшей особенностью санскритской историографической традиции Кашмира стала ее преемственность и способность к самовоспроизводству. «Раджатарангини» не осталась изолированным текстом, но породила целую серию продолжений, создававшихся на протяжении четырех столетий.

Джонараджа (*Jonarāja*, XV в.) создал первое продолжение хроники Кальханы, доведя повествование до середины XV в. Его труд охватывает период правления султанов Шах-Миридов, включая эпоху Зайн ал-‘абидина (1420–1470). Шривара (*Śrīvara*, XV–XVI вв.), ученик Джонараджи, продолжил дело учителя, доведя хронику до конца XV в. Четвертая хроника была создана Праджья Бхаттой (*Prājyabhaṭṭa*) и его учеником Шукой (*Śuka*) в XVI в. Это произведение доводит историю Кашмира до завоевания региона Акбаром Великим в 1586 г. и присоединения к Империи Великих Моголов⁴⁵.

Санскритская историографическая традиция Кашмира не ограничивается «Раджатарангини». Существовал целый корпус текстов, прямо или косвенно связанных с историческим письмом. Религиозные сочинения «*Māhātmya*» («Прославление», V–VI вв.) представляли собой описания священных мест и связанных с ними легенд⁴⁶.

Компиляция «*Naracaritacintāmaṇi*» («Сокровище деяний Хары», XIII в.) Раджанаки Джаядратхи (*Rajanaka Jayadratha*, XII–XIII вв.) объединяла произведения, посвященные священным местам Кашмира. Топонимика этого текста, как отмечал П. Бамзай, полностью соответствует географической номенклатуре «Раджатарангини», что свидетельствует о стабильности топонимической традиции и позволяет использовать оба текста для исторической географии региона⁴⁷.

⁴⁴Nīlamatapūrāṇam. Critical Edition / ed. by Ram Lal Kanji Lal, M.A., Vedanta-tirtha, Vidyaratna and Pandit Jagad-dhara Zadoo. Lahore: The Punjab Sanskrit Book Depot, 1924. P. 6–7.

⁴⁵Смирнова, А.М. Обзор трудов по истории Кашмира: от традиционных санскритских до новых английских источников // Письменные памятники Востока. 2024. Том 21. No. 3 (58). С. 96

⁴⁶Brown, Ch. M. The Devi Gita: The Song of the Goddess: A Translation, Annotation, and Commentary. New York: State University of New York Press, 1998. P. 77.

⁴⁷Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 42.

Особое значение для понимания социально-экономической истории Кашмира имеет «*Kuṭṭanīmata Kāvya*» (кавья «Поучения сводницы») Дамодаргупты (*Dāmodargupta*, VIII в.). Это поучительное произведение в стиле кавья, формально относящееся к беллетристике, содержит детальные описания городской жизни, торговли, ремесел, социальных отношений⁴⁸.

Творчество Кшемендры (XI в.) представляет особый интерес для реконструкции социокультурного контекста эпохи, предшествовавшей Кальхане. Сохранившиеся сатирические произведения Кшемендры – например, «*Samayamātrkā*» («Попечитель куртизанки», XI в.) – содержат гротескные, но исторически ценные изображения различных социальных типов кашмирского общества. Кроме того, в данном произведении содержится одно из ранних упоминаний горного перевала Пир-Панджал, расположенного на одноименном хребте Пир-Панджал на индийской союзной территории Джамму и Кашмир⁴⁹.

Поэты Бильхана (*Bilhāṇa*, XI в.) и Манкха (*Maṅkha*, XII в.) представляют поколение, современное Кальхане или непосредственно предшествовавшее ему.

Таким образом, можно сказать, что санскритская традиция заложила основные принципы кашмирской историографии: преемственность, критичность, фактографичность. Оказавшись универсальными, эти принципы сохранились при переходе к персидскому языку и исламской культурной парадигме.

XIV в. ознаменовал радикальную трансформацию культурного ландшафта Кашмира. Установление мусульманского правления династии Шах-Миридов (1339–1561) запустило процесс постепенной, но необратимой исламизации региона⁵⁰. Этот процесс затронул все сферы жизни, включая язык, литературу и способы фиксации исторического знания. Персидский язык, принесенный новыми правителями, начал вытеснять санскрит из сфер администрации, образования и высокой культуры. Однако смена языковой парадигмы не привела к разрыву историографической традиции. Напротив, персоязычные историки Кашмира

⁴⁸Ray, S. Ch. Early History and Culture of Kashmir. Calcutta: U.N. Dhur & Sons Private Ltd., 1957. P. 113–114.

⁴⁹Ibid. P. 8.

⁵⁰Riahi Hossein, Mohammad. Naqsh va ta'sir-i shakhshiyat-ha-yi irani dar Kashmir [Роль и влияние иранских личностей в Кашмире] // Isfahan University Historical Research Quarterly Journal. № 4. 2014. P. 3.

стремились интегрировать достижения предшественников в новый культурный контекст.

Ключевую роль в этом процессе сыграла переводческая деятельность. Уже в XV в., в период правления султана Зайн ал-‘абидина Шах-Мири (1420–1470), Кашмир превратился в важнейший центр перевода санскритских текстов на персидский язык.

Центральным объектом переводческих усилий стала «Раджатарангини» Кальханы⁵¹. Согласно традиционной версии, первый перевод был выполнен муллой Ахмадом по заказу Зайн ал-‘абидина. Позднее, в 1594 г., могольский падишах Акбар Великий (1556–1605) поручил мулле ‘Абд ал-Кадиру Бадайуни переработать этот перевод и дополнить его⁵². Переводческая деятельность достигла наивысшего расцвета именно при Акбаре, который был известен своим интересом к различным культурам и религиям и систематически организовывал переводы значимых санскритских текстов на персидский язык⁵³.

Однако проблема персидских переводов «Раджатарангини» остается дискуссионной в современной науке. Профессор П.Я. Петров в работе «Раджа-Тарангини, историческая поэма Кальхана-пандиты» утверждал, что придворный историограф Акбара Абу-л-Фазл, которому было поручено выполнить перевод, по сути, выполнил пересказ текста, оставив много пробелов, неточностей и даже хронологических ошибок⁵⁴. Современные индийские и иранские исследователи, в частности П.Н.К. Бамзай и доктор М. Халили Джахантиг, придерживаются мнения, что полного перевода «Раджатарангини» на персидский язык не было выполнено никогда⁵⁵.

Согласно исследованию М. Халили Джахантиг, существовало как минимум три версии персидской адаптации текста. Первую создал мулла Ахмад Кашмири во времена Зайн ал-‘абидина. Затем, при Акбар-шахе, мулла Шах Мухаммад

⁵¹Смирнова, А.М. Обзор трудов по истории Кашмира: от традиционных санскритских до новых английских источников // Письменные памятники Востока. 2024. Том 21. № 3 (58). С. 96.

⁵²Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 36–37.

⁵³Ibid. P. 3–4.

⁵⁴Петров, П.Я. Раджа-Тарангини, историческая поэма Кальхана-пандиты. М.: Катков и К., 1865. С. 5–6.

⁵⁵Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 37.

Шахабади выполнил новую версию, которая не удовлетворила падишаха. По его приказу мулла ‘Абд ал-Кадир Бадайуни в 998 г.х. (1589–1590 гг. н.э.) отредактировал и упростил упомянутый перевод⁵⁶. Ни одна из этих версий не сохранилась до наших дней, что создает серьезную методологическую проблему для оценки качества трансляции санскритского текста в персидскую культурную среду.

Помимо переводов, в персидский период возникла самостоятельная традиция исторического письма на персидском языке⁵⁷. Согласно данным Департамента исследований и публикаций Джамму и Кашмир (г. Сринагар), существует семнадцать сочинений, посвященных истории Кашмира и написанных на персидском языке. Эти тексты демонстрируют как преемственность санскритской традиции⁵⁸, так и влияние персидской историографической школы, сформировавшейся в Иране и Средней Азии.

Первой датированной работой по истории Кашмира на персидском языке, дошедшей до нас в полном объеме, считается анонимный текст *«Бахаристан-и шахи»* («Шахский весенний сад») (1614 г.). Историки полагают, что существовали и более ранние тексты, принадлежавшие мавлане Надири, кази Ибрагиму и мулле Хусейну (Хасану) Кари, однако эти сочинения были утрачены⁵⁹.

На основе *«Бахаристан-и шахи»* была написана *«Тарих-и Хайдар Малик»* (история Хайдара Малика Чадуры). Работа содержит в себе сведения начиная от древней истории Кашмира (на основании *«Раджатарангини»*), и заканчивая прижизненными автору событиями (1618–1621 гг.)⁶⁰.

Нарайан Каул Аджиз, создавший свою *«Тарих-и Кашмир»* («История Кашмира») в 1710 г., представляет следующий этап развития персоязычной

⁵⁶Khalili Jahantigh, M. Baztab-i rivayat-ha-yi hamsan dar kitab-i Raj Tarangini va asar-i irani va sami [Отражение схожих повествований в книге Раджатарангини и иранских и семитских произведениях] // Pazhuhish-ha-yi adabi [Литературные исследования]. № 11. 1385 [2006/2007]. Р. 82–83.

⁵⁷Смирнова, А.М. Взгляд иранских исследователей на влияние культуры Большого Ирана в Кашмире // Проблемы Востоковедения. 2023. № 3 (101). С. 32.

⁵⁸Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. Р. 22.

⁵⁹Ibid. Р. 27.

⁶⁰Tayyibi Fard, Kazim. Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir: daricha-yi ba shinakht-i Kashmir-i tarikh [Хайдар Малик и книга истории Кашмира: окно в познание исторического Кашмира] // Guzarish-i Miras [Отчет о наследии]. № 5,6. 1392 [2013/2014], Р. 14–18.

историографии Кашмира⁶¹. В его сочинении присутствуют сведения о султанах и ранних правителях Могольской империи.

К XIX в. относится «*Тарих-и Кашир*» Бирбала Качру (1835 г.). Автор проливает свет на историю региона при поздних Моголах и афганских правителях, а также приводит обзор социально-экономической составляющей жизни местного населения⁶².

Более поздней работой на персидском языке, посвященной истории Кашмира, является одноименный труд мавлави Гулама Хасана Куйхами (1832–1898)⁶³, состоящий из трех томов. Однако, более важной его заслугой является спасение копии перевода на персидский одной древней *пураны*, выполненного муллой Ахмадом. Мавлави Гулам Хасан проанализировал этот перевод и включил в свою историю сведения о тридцати пяти древних правителях Кашмира (стоит отметить, что по мнению Кальханы, эти сведения были безвозвратно утеряны для истории)⁶⁴.

Важный пласт исторических работ по истории Кашмира, которые по своей сути в большей степени становились уже научной литературой, а не источниками, составляют труды местных ученых, написанные на урду и английском языках. Появление этих работ стало возможным благодаря изменениям в языковой политике региона в XIX в., что открыло новые возможности для документирования и исследования истории. Авторы подобных трудов, как правило, занимали значительное положение в обществе, что обеспечивало им доступ к источникам и архивам. Тематика этих работ отличалась широким охватом: от географии и археологии до фольклора, этнографии и истории отдельных общин и семей. Часть исследований носила преимущественно хронологический характер и была посвящена определенным историческим периодам, тогда как другие представляли собой комплексные энциклопедические своды знаний о регионе⁶⁵.

⁶¹Mattoo, I.A. Ajez, Narayan Kaul. Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ajez-narayan-kaul> (дата обращения: 25.01.2026).

⁶²Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 38.

⁶³Hasan, Pir Ghulam. Tarikh-i Hasan Kuyhami [История Хасана Куйхами]. Srinagar, 1954.

⁶⁴Ibid. P. 50–51.

⁶⁵Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 51.

Помимо локальных хроник, история Кашмира нашла отражение в крупных исторических произведениях на персидском языке.

Особое место в историографии Кашмира занимает *«Тарих-и Рашиди»* («Рашидова история») мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата, написанная в XVI в. Это произведение выделяется среди других исторических трудов о регионе тем, что по своей идее не является логическим продолжением *«Раджатарангини»*. Этот обособленный труд, посвящен прежде всего истории Моголистана и Восточного Туркестана (современный Синьцзян), а также прилегающих регионов Центральной Азии в XIV–XVI вв., и Кашмир здесь является лишь одним из регионов, где довелось побывать автору произведения.

Тем не менее, мирза Хайдар не только описывает политические события во время своего пребывания в Кашмире, но делает это с позиции непосредственного участника и очевидца, что придает тексту особую достоверность. Ценность *«Тарих-и Рашиди»* заключается также в том, что автор, предлагает взгляд на Кашмир с точки зрения правителя, а не только хрониста. Данный источник охватывает более широкий географический и политический контекст, связывая историю Кашмира с историей Центральной Азии, Моголистана и Индии. Наконец, язык и литературный стиль мирзы Хайдара делают его работу не только историческим источником, но и значимым литературным произведением⁶⁶.

Сведения о Кашмире также можно встретить в *«Зафар-нама»* («Летопись побед») Шараф ал-дина 'Али Йазди (XV в.). Это произведение было написано по заказу внука Тимура – Ибрагим-султана (1394–1435). Йазди использовал более ранние сочинения, а также дневники самого Тимура, но значительно расширил и дополнил имевшиеся данные⁶⁷. *«Зафар-нама»* Йазди охватывает период с рождения Тимура до его смерти (1336–1405) и содержит описания его военных кампаний, административных реформ и культурной деятельности. В произведении Кашмир упоминается преимущественно в связи с военными кампаниями Тимура в

⁶⁶Хайдар, Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан. 1996. С. 532–537.

⁶⁷Йазди, Шараф ал-дин 'Али. Зафар-наме / пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: издательство журнала «SAN'AT», 2008. С. 4.

Северной Индии в 1398–1399 гг. В тексте содержатся краткие характеристики природных условий региона, его стратегического значения и политической ситуации. Именно эти фрагменты о Кашмире из *«Зафар-нама»* позднее были заимствованы и переработаны в *«Тарих-и Рашиди»* мирзы Хайдара Дуглата.

Не обошли стороной Кашмир и авторы эпохи империи Великих Моголов. Уже в *«Бабур-нама»* («Летопись Бабура») основатель династии Бабур (1526–1530) упоминал о Кашмире в контексте своих военных кампаний и стратегических планов по завоеванию северных территорий Индии⁶⁸. В *«Табакат-и Акбари»* («Книга [исторических] разрядов Акбара») Низам ал-дина Ахмада и *«Айн-и Акбари»* («Уложения Акбара») Абу-л-Фазла содержатся сведения о завоевании Кашмира Акбаром в 1586 г. и последующем включении региона в состав Могольской империи⁶⁹, а также о его новом административном статусе⁷⁰. Кашмирские события также освещались в придворных хрониках более поздних могольских правителей, где долина описывалась как один из самых красивых и стратегически важных регионов империи. Мемуары могольского падишаха Джахангира (1605–1627) представляют собой ценный источник информации о Кашмире начала XVII в. Автобиографические записки правителя содержат детальные описания этого региона, основанные на личных наблюдениях падишаха во время его пребывания в долине⁷¹.

Несмотря на то, что настоящее диссертационное исследование опирается преимущественно на персоязычные источники, а также на переводы с санскрита, следует отметить, что письменная традиция описания Кашмира не ограничивалась этими языковыми культурами. Доисламский период истории региона нашел отражение в записках китайских буддийских паломников – в частности, Сюаньцзана (VII в.), чьи свидетельства содержат ценные сведения о религиозной и

⁶⁸Бабур-наме. Записки Бабура / пер. М. Салье; отв. ред. и авт. предисл. канд. ист. наук С.А. Азимджанова. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1958. С. 316.

⁶⁹Nizamuddin, Ahmad. The *Tabaqāt-i-Akbarī*: A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty-Eighth Year of the Reign of Akbar / trans. by B. De. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, Baptist Mission Press, 1936. Vol. 2, P. 129.

⁷⁰Allami, Abul Fazl. The *A'in-i Akbari* / trans. from the original Persian by Colonel H. S. Jarrett. Calcutta: Baptist Mission Press, 1891. Vol. 2, P. 347.

⁷¹The *Tūzūk-i-Jahāngīrī* or Memoirs of Jahāngīr. Vol. 2: From the Thirteenth to the Beginning of the Nineteenth Year of his Reign / trans. by Alexander Rogers and Henry Beveridge. London: Royal Asiatic Society, 1909–1914. P. 140.

культурной жизни долины до утверждения ислама⁷². В свою очередь, европейская традиция описания Кашмира берет начало в конце XVI в.: первые свидетельства принадлежат миссионерам, прибывшим в регион в составе свиты падишаха Империи Великих Моголов Акбара, а наиболее информативные записки были оставлены европейскими путешественниками в XVII–XVIII вв.⁷³. Таким образом, персоязычные источники, составляющие основу данного исследования, вписываются в более широкий многоязычный контекст письменной фиксации истории Кашмира.

Подводя краткий итог и исходя из вышеизложенного, можно сказать, что традиция написания хроник и трудов по истории Кашмира сохранялась на протяжении нескольких веков, и, хотя за это время в регионе сменилось несколько официальных языков, суть и форма таких работ оставалась практически неизменной до распространения здесь европейской научной традиции.

1.3 Исторический контекст написания сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир»

Для понимания исторического контекста создания «Ваки‘ат-и Кашмир» необходимо рассмотреть процесс исламизации региона, который определил культурную, религиозную и политическую ситуацию в Кашмире к моменту написания сочинения. Распространение ислама на этой территории, начавшееся значительно позднее, чем в других частях Индийского субконтинента, и последующее утверждение персидского языка как языка культуры и администрации создали уникальную историко-культурную среду, в которой формировалась кашмирская историографическая традиция. Именно эта традиция и породила такие произведения, как «Ваки‘ат-и Кашмир», отражающие многовековой опыт взаимодействия исламской и местной культур.

История распространения ислама в Индии в целом и в Кашмире в частности свидетельствует о том, что некоторые индийские территории подвергались

⁷² Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 54.

⁷³ Hasan, M. Kashmīr Under the Sultāns. Calcutta, 1959. P. 15.; Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 56.

нападениям войск халифата и сталкивались с мусульманским влиянием уже в первые годы ислама (VII в.). Однако из-за географической изоляции Кашмира он встретился с исламом значительно позднее.

Попытка мусульманского завоевания региона была предпринята в XI в. Махмудом Газневи (997–1030), однако его военная кампания не увенчалась успехом. Подлинное проникновение ислама началось через суфийскую проповедь. Булбул-шах Сухраварди (ум. 1326 г.)⁷⁴, суфий иранского происхождения, заложил основы для принятия ислама местным населением. Согласно выводам исследователя Ф. Муллашахи, миссионерская деятельность этого подвижника способствовала укоренению ислама, преимущественно в его шиитском варианте, среди жителей Кашмира⁷⁵.

Иранская историография рассматривает династию Шах-Миридов (1339–1561) как первую мусульманскую правящую династию Кашмира. В период их господства регион принял значительное число мусульманских переселенцев, главным образом выходцев из Ирана⁷⁶. К XIV в. ислам утвердился в качестве преобладающей религии региона.

Утверждение ислама сопровождалось усилением иранского культурного влияния и возвышением роли персидского языка. Исследователи отмечают, что персидский, став главным инструментом исламской проповеди в Кашмире, постепенно проник во все сферы общественной жизни. Особую роль в этом процессе сыграл султан Зайн ал-‘абидин из династии Шах-Миридов, проявлявший глубокий интерес к иранской словесности и культуре⁷⁷.

К концу XVI в. Кашмир был включен в состав Империи Великих Моголов (1526–1858). Новый этап распространения иранской культуры связан с деятельностью могольских правителей – Акбара (1556–1605), Джахангира (1605–1627) и Шах-Джахана (1627–1658), которые в основном проводили гибкую

⁷⁴Riahi Hossein, Mohammad. Naqsh va ta'sir-i shakhshiyat-ha-yi irani dar Kashmir [Роль и влияние иранских личностей в Кашмире] // Isfahan University Historical Research Quarterly Journal. № 4. 2014. P. 2.

⁷⁵Vazifedan Mullashakhi, Fatima. Kashmir va zaban-i farsi [Кашмир и персидский язык] // Studies of the Subcontinent. № 18. 1393 [2014/2015]. P. 139–160.

⁷⁶Riahi Hossein, Mohammad. Naqsh va ta'sir-i shakhshiyat-ha-yi irani dar Kashmir [Роль и влияние иранских личностей в Кашмире] // Isfahan University Historical Research Quarterly Journal. № 4. 2014. P. 2.

⁷⁷Ibid. P. 3.

конфессиональную политику, стремясь к гармонизации отношений между различными религиозными общинами и культурными традициями на просторах империи. Ко двору привлекались талантливые поэты, ученые и мастера искусств из Ирана и Индии⁷⁸. Пик развития персидского языка и литературы в индийских землях и Кашмире пришелся на правление Шах-Джахана. Будучи ценителем персидской поэзии, он поддерживал талантливых авторов, способствовавших распространению персидского языка.

Современные иранские исследователи, опираясь на персидские источники, объясняют распространение исламской культуры в Кашмире успешной деятельностью культурных и религиозных деятелей с XIV по XVII вв.⁷⁹. Вклад иранцев в распространение иранской культуры в Кашмире является важной темой для иранской научной школы⁸⁰.

В первой половине XVIII в. история Кашмира была тесно связана с событиями, происходившими в империи Великих Моголов и регионах, расположенных вокруг Кашмира. В начале века Кашмир был частью Могольской империи, которая переживала период упадка после своего расцвета в предыдущие века. При этом власть могольских правителей над удаленными регионами становилась все более слабой, и на территории Кашмира начали возникать внутренние беспорядки и междоусобные конфликты.

В 1739 г. персидский шах Надир завоевал Кашмир, что окончательно продемонстрировало упадок могольского господства в данном регионе.

В период между 1751 и 1819 гг. Кашмир находился под контролем правителей из афганской династии Дуррани (1747–1823⁸¹). Этот период характеризовался политической нестабильностью, междоусобицами и конфликтами в регионе.

⁷⁸Stein, B. A History of India / ed. David Arnold. Second edition. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2010. P. 165–168.

⁷⁹Riahi Hossein, Mohammad. Naqsh va ta'sir-i shakhshiyat-ha-yi irani dar Kashmir [Роль и влияние иранских личностей в Кашмире] // Isfahan University Historical Research Quarterly Journal. № 4. 2014. P. 3.

⁸⁰Смирнова, А.М. Взгляд иранских исследователей на влияние культуры Большого Ирана в Кашмире // Проблемы Востоковедения. 2023. No. 3 (101). С. 32

⁸¹В 1823 г. власть в Империи Дуррани перешла от племени Дуррани (Абдали) к племени Баракзай.

Таким образом, проведенный анализ указывает, что в период создания «Ваки‘ат-и Кашмир», т.е. приблизительно с 1730 по 1740-е гг., Кашмир оказался в эпицентре событий, связанных со сменой власти, влиянием различных правящих династий и внутренними конфликтами, вызванными ослаблением могольского влияния и борьбой за контроль над регионом.

1.4 Вопрос авторства и датировки сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир»

Автором сочинения является Мухаммад А‘зам Дидамари (ум. в 1765 г.)⁸², а ее полное название звучит как «*Ваки‘ат-и Кашимир*» (События Кашмира) или «*Тарих-и А‘зами*» (История А‘зама). Сведения о Мухаммаде А‘заме весьма скудны. Известно, что его отца звали Хайр ал-заман (B720, f. 3b), а сам он был членом суфийского тариката Накшбанди и увлекался поэзией. Его главным *муришдом* был муджаддидийский шайх Мухаммад Мурад⁸³.

Во Введении автор пишет, что начал работу над текстом в 1148 г.х. (1735/1736 г. н.э.), во время царствования Мухаммад-шаха из династии Великих Моголов. Написание было приостановлено примерно на 10 лет из-за неблагоприятных обстоятельств. Дополнения же были сделаны с конца 1159 до конца 1160 г.х. (между 1746 и 1748 гг. н.э.).

Анализируя указания, обнаруженные в сочинении, можно определить временные рамки событий, которые автор мог наблюдать лично или знать со слов непосредственных очевидцев. Согласно указанным автором датам, он начал работу над текстом в 1735–1736 гг. по григорианскому календарю и завершил ее в 1747–1748 гг. Важно отметить, что автор специально подчеркнул свое стремление зафиксировать события последних 50–60 лет (B720, f. 285a).

⁸²Этот год дает П.Н.К. Бамзай. См.: Banzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 38. В каталоге А.Т. Тагирджанова указаны и год рождения, и год смерти Мухаммада А‘зама, 1101–2 г.х. (1689–1690 г. н.э.) и 1185 г.х. (1771–1772 г. н.э.) соответственно, однако нам не удалось проследить происхождение этих данных. См.: Тагирджанов, А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. Т. 1, С. 226–227. В ходе исследования сведений о годе рождения не было обнаружено более нигде, а год смерти – только в работе П.Н.К. Бамзая. Поскольку убедительного опровержения уже устоявшейся в англоязычной научной литературе традиции датировки смерти Мухаммада А‘зама обнаружено не было, мы будем апеллировать к 1765 г. н.э.

⁸³Мухаммад Мурад является автором «Хасанат ал-абраар». См.: Akimushkin, O. A Rare Seventeenth-Century Hagiography of the. Naqshbandiyya-Mujaddidiyya Shaykhs // Manuscripta Orientalia. Vol. 7. № 1. 2001, P. 62–67.

Отсчитывая примерно пятьдесят лет назад от начала работы над сочинением, получаем, что автор стремился охватить период примерно с 1680х гг. Двенадцатилетний период работы над текстом свидетельствует о том, что его автор обладал достаточным жизненным опытом, и, вероятно, определенным социальным статусом, позволявшим осуществить столь масштабный проект и задействовать широкий круг источников.

Если предположить, что к началу работы автору было около тридцати лет, то он мог родиться в начале XVIII в. (предположим, 1706–1707 гг.). Таким образом, события, которые можно с уверенностью считать прижизненными автору, относятся к периоду с начала XVIII в. (примерно 1706–1707 гг.) до завершения сочинения в 1747–1748 гг.

События более раннего периода (условно 1685–1706 гг.) автор, вероятно, знал по рассказам старших современников и мог фиксировать их с определенной степенью достоверности, опираясь на свидетельства очевидцев. Что касается еще более ранних сведений, содержащихся в тексте, они, по всей видимости, были заимствованы из доступных автору исторических источников на персидском языке.

1.5 Место сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир» в корпусе источников по истории Кашмира

Основываясь на частотности упоминания «Событий Кашмира» в исследовательской литературе, можно сказать, что данный источник упоминается в предисловиях к работам, посвященным другим историческим источникам, или в обзорных работах по истории Кашмира⁸⁴.

Как отмечает автор, его труд не был первым историческим описанием Кашмира. Он сообщает, что использовал сведения из более ранних источников, включая санскритскую хронику «*Раджатарангини*», а также ряд персоязычных исторических сочинений о регионе, с которыми он был знаком:

⁸⁴Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. New Delhi: People's Publishing House, 1969. P. 14; Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 50; Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. P. xxii.

«Некоторые его [Кашмира] состояния в прежние времена индийские историки описывали из века в век, и за эту службу получали жалование от султанов. Их истории известны как "Раза Таранг". Когда из-за нестабильности правления султанов Кашмира их жалование было приостановлено, они прекратили писать. Некоторые мусульмане перевели часть этих историй на персидский язык и кратко записали события до своего времени. Среди них был мулла Хусейн Кари, да будет над ним милость, который составил краткое сочинение, а после него Хайдар Малик Чадура занялся описанием истории Кашмира. Однако в большинстве мест он восхвалял своих предков и опускал важные события и происшествия эпох. Прошло еще два-три века, и некоторые выдающиеся люди, имея в виду упомянутые книги, дополнили их до своего времени, составив трактаты на эту тему. Примерно в то же время один индус также написал очень краткую и сжатую версию⁸⁵» (B720, f. 3a–3b).

Основываясь на доступных для исследования данных, можно приблизительно проследить следующую цепочку основных исторических трудов, связывающих труд Мухаммада А'зама с древней кашмирской хроникой: «Ваки'ат-и Кашмир» – «*Тарих-и Хайдар Малик*» – «*Бахаристан-и шахи*» – утраченная работа муллы Хусейна Кари – ранние переводы «*Раджатарангини*», о которых уже упоминалось выше – «*Раджатарангини*»⁸⁶.

Таким образом, Мухаммад А'зам мог пользоваться как исходным текстом «*Раджатарангини*», при условии, что он владел санскритом (о чем нам не известно), так и переложениями этого текста на персидский язык разной степени давности и точности.

В конце Третьей главы своего сочинения автор приводит непронумерованный список из девяти исторических работ, на которые он опирался при написании своей (B720, f. 284b–285a).

⁸⁵Возможно, речь идет об «Истории» Нарайана Каула Аджеза.

⁸⁶Taayyibi Fard, Kazim. Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir: daricha-yi ba shinakht-i Kashmir-i tarikh [Хайдар Малик и книга истории Кашмира: окно в познание исторического Кашмира] // Guzarish-i Miras [Отчет о наследии]. № 5,6. 1392 [2013/2014]. P. 10; Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. P. 27.

«*Тарих-и Саййид ‘Али*» («История Саййида ‘Али»)– написана в 1579 г. Автор этого сочинения описывает распространение ислама в Кашмире Саййидом ‘Али Хамадани (1314–1384) и его сыном, политику султана Сикандара (1389–1413) по отношению к немусульманам, правление Зайн ал-‘абидина (1420–1470) и Хасан-шаха (1472–1484). Особое внимание уделено деятельности мирзы Хайдара Дуглата в Кашмире, основанной на личных наблюдениях автора. Период правления династии Чак освещен слабо, треть работы составляют биографии суфиев и других религиозных деятелей времен Султаната. Исследователи считают, что это самая ранняя из известных персидских хроник Кашмира, основанная на «Тарих-и-Кашмир» кази Ибрагима и других утраченных работах⁸⁷.

«*Тарих-и Рашиди*» мирзы Хайдара Дуглата. Автор сочинения лично дважды захватывал Кашмир: в 1533 г. из Кашгара и в 1540 г. из Лахора, после чего управлял долиной в течение десяти лет. Как уже было упомянуто выше, ценность этого сочинения заключается в живом описании архитектуры, земледелия, религиозной жизни и ремесленничества Кашмира того времени⁸⁸.

«*Тарих-и Хайдар Малик Чадура*». Хайдар Малик, потомок древнего кашмирского рода, в 1618–1621 гг. написал самую известную персидскую историю Кашмира. Он использовал те же источники, что и авторы других хроник, но дополнив их семейными традициями. Как очевидец периода правления династии Чак, он детально описал правление султанов и их борьбу с Моголами. Будучи шиитом, он писал беспристрастно, критикуя религиозную нетерпимость Йа‘куб-шаха (1586–1587)⁸⁹.

«*Риши-нама*» («Летопись Риши») Баба Насиба (XVI в.). Вероятно, имеется в виду Труд Баба Насиба «*Тазкира-и Машаих-и Кашмир*» («Жизнеописания шайхов Кашмира»). Текст, написанный в жанре житийной литературы, повествует о деятельности Нур ал-дина Риши и его последователей по исламизации кашмирской

⁸⁷Hasan, M. *Kashmīr Under the Sultāns*. Calcutta, 1959. P. 5.

⁸⁸Ibid P. 10.

⁸⁹Ibid. P. 8.

долины, содержит ценные материалы о религиозных полемике между индуистскими брахманами и мусульманскими духовными наставниками⁹⁰.

«*Асрар ал-абрар*» («Тайны праведников») Баба Дауда Мишкати. *Тазкира*, содержащая случайные исторические заметки и сведения о социальной жизни, написана в 1653 г.⁹¹.

«*Тухфат ал-фукара*» («Подарок принявшим обет добровольной бедности») и другие трактаты хазрата Муршиди Муради. О трудах Мухаммада Мурада подробно писал О.Ф. Акимушкин. Мухаммад Мурад создал несколько произведений суфийского характера: «*Рисала-йи дурад ал-назм*» («Послание о нанизанных жемчужинах») о принципах школы *хваджаган*, комментариев на двустиишие из «*Маснави*» Руми, сборник писем от своего наставника ‘Абд ал-Ахада. Особенно выделяется его труд «*Тухфат ал-фукара*», который по содержанию отличается от агиографического сочинения «*Хасанат ал-абрар*» («Добродетели праведных») и, судя по названию, посвящен духовным наставлениям для суфиев, давших обет добровольной бедности. В 1712 г. автор переработал «*Хасанат ал-абрар*», переименовав его в «*Хасанат ал-мукаррабин*» («Прелестные деяния приближенных к [Аллаху]»)⁹². Скорее всего, Мухаммад А‘зам, как ученик Мухаммада Мурада, воспользовался информацией из всех доступных ему трудов наставника.

«*Маасир-и ‘Аламгири*» («Деяния Аламгира») Мустайид-хана. Хроника посвящена царствованию падишаха Аурангзеба (1620–1707). Труд был создан после кончины правителя по заказу ‘Инайат Аллах-хана Кашмири, который служил последним секретарем при правителе⁹³. По объему данная работа уступает «*‘Аламгир-нама*» («Летопись ‘Аламгира»), которой Мухаммад А‘зам также мог воспользоваться, поскольку упоминает о «некоторых поздних [трудах], которые были составлены до середины эпохи ‘Аламгира» (B720, f. 285a).

⁹⁰Hasan, M. *Kashmīr Under the Sultāns*. Calcutta, 1959. P. 14.

⁹¹*Ibid.* P. 15.

⁹²Акимушкин, О. Ф. «Хасанат ал-абрар» шайха Мухаммал-Мурāда Кашмйрй – редкая агиография конца XVII в. шайхов братства накшбандийа-муджаддийа // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. Т. 1 (XXVI), С. 13–25.

⁹³Saqi, M. Kh. *Maasir-i ‘Alamgiri: A History of the Emperor Aurangzeb Alamgir (reign 1658-1707 A.D.)* / ed. by Sir Jadunath Sarkar. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1947. P. iii–iv.

Мухаммад А‘зам ссылается на еще две работы – «*Мунтахаб ал-таварих*» («Избранные истории») Хасан-бека и «*Дараджат-и са‘дат*» («Степени счастья») ходжи⁹⁴ Исхака Науджада, однако точно установить, что именно это за труды оказалось затруднительно. Исходя из исторического контекста можно предположить, что первый труд – это «*Мунтахаб ал-таварих*» ‘Абд ал-Кадира Бадайуни, в котором кашмирская тематика освещается в контексте истории царствования Акбара. Источник предоставляет ценные сведения о взаимоотношениях могольского правителя с династией Чак, а также содержит разрозненные упоминания о знаменитых духовных наставниках и писателях региона⁹⁵. «*Дараджат-и са‘дат*» ходжи Исхака Науджада, идентифицировать еще сложнее. Название труда является довольно распространенным для жизнеописаний суфийских святых, а имя автора можно весьма условно соотнести с ходжой Исхаком Кари, чей основной труд посвящен описанию чудес, совершенных его шайхом⁹⁶.

Как пишет сам Мухаммад А‘зам, толчком к созданию произведения послужил визит некоего почтенного Мир Мухаммада Йусуфа (представителя тарикатов Накшбанди и Кубрави) в Кашмир в 1148 г.х., который передал автору мнения некоторых высокопоставленных лиц из Индии о том, что в Кашмире нет достойных и выдающихся людей. Примечательно, что сам Мир Мухаммад Йусуф, познакомившись с местными учеными и посетив могилы выдающихся предшественников, признал «внешнее и внутреннее совершенство людей Кашмира». Тем не менее, уничижительные слухи о кашмирцах продолжили распространяться в Лахоре, и это побудило автора «в спешном порядке» составить сборник, документирующий достижения выдающихся кашмирцев. Автор продуманно подошел к структуре своего труда, включив для «соблюдения хронологического порядка и сохранения последовательности событий» сведения о

⁹⁴*Хваджа* (خواجه) – уважаемый, влиятельный человек; «господин» (уважительное обращение). См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 572. В современном русском языке устоялся вариант написания «*ходжа*», в связи с чем в данной работе термин будет употребляться именно в этой форме.

⁹⁵Hasan, M. *Kashmīr Under the Sultāns*. Calcutta, 1959. P. 9.

⁹⁶*Ibid.* P. 12.

султанах и правителях соответствующих эпох. Более того, автор завершает свое произведение информацией о современниках, недавно ушедших из жизни, чтобы органично связать историю предков с достижениями ближайших поколений, создав таким образом полноценное опровержение несправедливых суждений о Кашмире и его жителях (B720, f. 3b).

По словам автора, «События Кашмира» – это не первое его произведение в подобном жанре. В тексте несколько раз упоминаются две другие его работы: «*Ашджар-и хулд*» («Райские деревья») и «*Самарат ал-ашджар*» («Плоды деревьев»), на которые ссылается автор с целью сократить текст повествования «Событий Кашмира». Что касается «*Ашджар-и хулд*» или «*Ашджар ал-хулд*», это агиографический сборник, организованный по *силсила* (духовным цепочкам), составленный Мухаммадом А‘замом в первой четверти XVIII в. Насколько нам известно, списки этого текста хранятся в Сринагере и Ташкенте. С ташкентским списком в рамках своих исследований традиции тариката йасавийа работал профессор ДиУис⁹⁷. Насколько мы можем судить, «*Ашджар-и хулд*» представляет собой гораздо более ценное произведение как агиографический сборник, в то время как «Ваки‘ат-и Кашмир» несет ценность именно за счет исторических справок, анализ которых будет приведен ниже.

Резюмируя, можно сказать, что анализ источников, использованных Мухаммадом А‘замом, демонстрирует высокий уровень эрудиции автора и его стремление к комплексному освещению истории Кашмира. Характерной чертой источниковой базы выступает переплетение политико-исторических нарративов с религиозно-мистическими текстами. Наряду с классическими историческими хрониками («*Тарих-и Саййид ‘Али*», «*Тарих-и Рашиди*», «*Тарих-и Хайдар Малик Чадура*») автор активно использовал агиографические сочинения («*Риши-нама*», «*Асрар ал-абрар*») и суфийские трактаты своего наставника Мухаммада Мурада. Это позволило ему создать многоплановое повествование, охватывающее как

⁹⁷DeWeese, D. The Yasavī Presence in the Dasht-i Qipchaq from the 16th to 18th Century // Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th-early 20th Centuries). Wien, 2013. P. 59–60.

религиозную, социальную и культурную жизнь региона, так и политические события.

Временной диапазон персидских источников охватывает почти полтора столетия (примерно от 1579 до 1712 гг.), что обеспечивало автору возможность проследить историческую преемственность и эволюцию кашмирского общества от периода Султаната через эпоху правления династии Чак до могольского владычества. Привлечение как местных кашмирских хроник, так и общеимперских могольских источников свидетельствует о стремлении автора представить историю Кашмира в широком региональном контексте.

1.6 История обнаружения и бытования рукописи В720 из собрания ИВР РАН

Информация о рукописи «Ваки‘ат-и Кашмир» под шифром В720 представлена в нескольких каталогах: в фундаментальном труде Н.Д. Миклухо-Маклая «*Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР*» под номером 496⁹⁸; в справочнике «*Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР*» (Краткий алфавитный каталог) под номером 4556⁹⁹. Само сочинение «События Кашмира» упоминается в каталоге А.Т. Тагирджанова под номером 607¹⁰⁰; в каталоге «*Persian Manuscripts in the Library of the India Office*» Г. Эте под номером 513¹⁰¹, в каталоге «*Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library*» Г. Эте и К.Э. Захау под номером 319¹⁰², в каталоге «*Catalogue des Manuscrits Persans de la Bibliothèque Nationale*» Э. Блоше под номером 629¹⁰³, в каталоге «*Persian*

⁹⁸Миклухо-Маклай, Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3: Исторические сочинения. М.: Наука, 1975. С. 379–380.

⁹⁹Акимущин, О.Ф., Кушев, В.В., Миклухо-Маклай, Н.Д., Мугинов, А.М., Салахетдинова, М.А. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Часть I / Под редакцией Н.Д. Миклухо-Маклая. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. С. 599.

¹⁰⁰Тагирджанов, А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. Т. 1, С. 226–227.

¹⁰¹Ethé, H. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office. Vol. 1. Oxford: India Office, 1903. P. 204–205.

¹⁰²Ethé, H., Sachau, K.E. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library. Vol. 1 Oxford: Clarendon Press, 1889. P. 171.

¹⁰³Blochét, E. Catalogue des Manuscrits Persans de la Bibliothèque Nationale. Vol. 1. Paris: Imprimerie nationale, 1905–1934. P. 362–363.

Manuscripts in National Museum of Pakistan at Karachi» М. Ашрафа под номером 172 с пометой «в переводе на урду»¹⁰⁴.

1.7 Кодикологическое описание списков сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир» в собрании ИВР РАН и краткий текстологический анализ

В собрании ИВР РАН хранятся три списка сочинения под шифрами В2458, В663, В720, датированные 1170 и 1171 г.х. (1757/58 г. н.э.).

Список **В2458** представляет собой один из старейших датированных списков исторического сочинения о Кашмире, выполненный переписчиком Мухаммадом ‘Алимом Катибом 15 ша‘бана 1170 г.х., что соответствует 4 июля 1757 г. н.э.¹⁰⁵ Согласно колофону, список был изготовлен по заказу ходжи Мухаммада Анвара, вероятно, в Восточном Туркестане, хотя точное место переписки устанавливается лишь предположительно.

Список имеет средний формат: 21,5 × 13,7 см, что типично для персидских рукописей XVIII в., предназначенных для личного пользования. Объем рукописи составляет 412 листов. Текст расположен в 12 строк на странице, что обеспечивает хорошую читаемость и создает сбалансированную композицию листа. Рукопись выполнена на восточной бумаге каллиграфическим почерком *насталик*. Использована традиционная система цветового оформления: основной текст написан черной тушью, а названия частей (хотя и не везде последовательно) выделены красными чернилами, что облегчает ориентацию по тексту. Какого-либо декора в списке нет, но для оформления развернутых фронтисписов оставлено место. Форзац и несколько первых страниц, приклеенных к обложке, содержат более поздние, чем сама рукопись, стихи и упражнения по каллиграфии, для заметок оставлены широкие поля, на которых видны следы частого использования.

Картонный переплет, обтянутый кожей черного (снаружи) и красно-коричневого (внутри) цвета, украшен глубоким тиснением в форме заостренного

¹⁰⁴ Ashraf, M. *Persian Manuscripts in National Museum of Pakistan at Karachi*. Karachi: Anjuman Press, 1972. P. 101–102.

¹⁰⁵ Здесь и далее перевод дат из лунной хиджры в григорианское летосчисление выполняется при помощи электронного конвертера дат. [Электронный ресурс]. URL: <https://nurlu.narod.ru/taqvim.htm> (дата обращения: 29.04.2026).

овала посередине (*турундж*), двух ромбов над и под ним, и окантовки по периметру передней и задней обложек. Клапан также украшен тиснением в виде рамки по периметру, а в центре клапана расположен ромб с кругами по углам. Поверх ромба наклеен кусочек кожи красного цвета, повторяющий рисунок тиснения. Все тиснения выполнены в виде растительного орнамента.

История бытования рукописи прослеживается лишь с XX в.: она относится к коллекции, приобретенной советским востоковедом Е. Э. Бертельсом в 1930 г. в Бухаре¹⁰⁶.

В третьем выпуске каталога Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения отмечается, что текст данного списка сходен с рукописями сочинения, описанными в каталогах Рьё и других исследователей, что позволяет отнести его к основной текстологической традиции¹⁰⁷.

Особый интерес представляет запись, сделанная ниже колофона переписчика. Выполненная другим почерком, эта большая, но, к сожалению, во многом неразборчивая приписка датирована 10 зу-л-ка‘да 1170 г.х. (28 июля 1757 г. н.э.) — то есть сделана менее чем через месяц после завершения переписки основного текста. В приписке упоминаются имя автора сочинения и его название, имя заказчика списка ходжи Мухаммада Анвара, а также, имя Абу-л-Касима Мухаммада Аслама. Последний, как предполагается исследователями, был продолжателем данного исторического сочинения и, возможно, сыном автора¹⁰⁸. Упоминание этого имени в приписке, сделанной столь близко по времени к завершению переписки, может указывать на то, что рукопись создавалась в кругу, близком к автору и его семье, или что уже в 1757 г. существовала информация о продолжении труда.

Как один из старейших датированных списков сочинения практически сразу после завершения автором работы над текстом, рукопись B2458 имеет особую текстологическую ценность.

¹⁰⁶Миклухо-Маклай, Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Выпуск 3. Исторические сочинения. М.: «Наука» ГРВЛ, 1975. С. 379.

¹⁰⁷Там же. С. 378.

¹⁰⁸Dhar, S. Kalhana. Delhi: Sahitya Academi, 1998. P. 85.

Несмотря на физические повреждения (порванный первый лист и оборванные крышки переплета), рукопись сохранила основной текст в хорошем состоянии и продолжает оставаться важным источником для изучения как самого исторического сочинения о Кашмире, так и традиций рукописной книги XVIII в.

Рукопись **B720** представляет собой старый список исторического сочинения о Кашмире, созданный в XVIII в. Точная дата переписки не указана в колофоне, однако на листе 294а сохранилась неразборчивая приписка с датой 1171 г.х., что соответствует 1757–58 гг. н.э. Это делает данный список практически современным рукописи B2458 и позволяет предположить, что оба кодекса были созданы в одно и то же время, возможно, в ответ на повышенный интерес к этому историческому труду сразу после его завершения автором.

Список имеет вытянутый формат: 21,2 × 12 см, что несколько уже, чем формат рукописи B2458, при почти идентичной высоте. Объем рукописи составляет 298 листов, то есть значительно меньше, чем у B2458 (412 листов), что объясняется большей плотностью текста (текст расположен в 14 строк на странице, что на две строки больше, чем в B2458). Используется восточная система пагинации. Текстовое поле оставляет достаточно места для полей, которые активно использовались для маргинальных записей.

Рукопись выполнена на восточной бумаге тем же каллиграфическим почерком *насталик*, что и первый список. Цветовое оформление традиционно: основной текст написан черной тушью, заголовки (хотя и не везде последовательно) выделены красными чернилами.

Картонный переплет, обтянут кожей темно-коричневого (снаружи) и белого (внутри) цвета. Клапан не предусмотрен. Обе обложки украшены одинаково: тиснением в виде *турунджа*, двух ромбов над и под ним, резных уголков, нескольких окантовок по периметру, а также точками. Внутри тиснений растительный орнамент. Форзац и несколько первых страниц содержат стихи и надписи, напоминающие упражнения по письму, которые датируются позднее, чем сам список.

В отличие от списка В2458, переплет сохранился лучше, хотя сама рукопись претерпела некоторые повреждения и реставрацию.

Список В720 относится к коллекции рукописей Н. Ф. Петровского¹⁰⁹. За время работы в Средней Азии Н.Ф. Петровский изучил персидский и арабский языки и собрал крупную коллекцию мусульманских рукописей, которая с 1909 г. хранится в собрании ИВР РАН.

Ключевой особенностью данного списка является текстологическая аномалия в конце третьей части: на листе 265а имеется большой пропуск текста, замаскированный сплошным письмом. Сравнение с В2458 (ff. 366b–373b) показывает, что пропущен значительный фрагмент с важными историческими и биографическими сведениями. Однако этот текст не утрачен, а перемещен в конец рукописи (ff. 295a–298b), где включает биографические заметки о выдающихся современниках автора: суфиях, поэтах и других представителях культурной элиты эпохи.

Важной особенностью данного списка является наличие на полях большого количества приписок, дополняющих содержание основного текста.

Несмотря на наличие перестановки значительного фрагмента текста, рукопись В720 представляет большую ценность для текстологического изучения сочинения. Сравнение с В2458 показывает, что оба списка в целом сходны, но В720 сохранился гораздо лучше физически, что существенно облегчает работу по анализу содержания сочинения.

Список **В663** (точная дата создания не указана, что позволяет датировать рукопись лишь столетием в целом – XVIII в.) имеет формат 21,5 × 14 см, что делает его самым широким из трех описываемых списков. Объем рукописи составляет 283 листа, что близко к объему В720 (298 листов) и значительно меньше В2458 (412 листов), что объясняется более плотным расположением текста и наличием

¹⁰⁹Миклухо-Маклай, Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Выпуск 3. Исторические сочинения. М.: «Наука» ГРВЛ, 1975. С. 379.

идентичных с В720 композиционных особенностей. Текст расположен в 16 строк на странице – это максимальная плотность среди трех списков.

Данный список также выполнен без клапана, с картонным переплетом, обтянутым кожей, снаружи – черной, внутри – светло-коричневой.

Обе обложки украшены одинаковым тиснением – заостренный овал с растительным орнаментом в центре, квадратные и удлиненные ромбы в центральной части обложки и по краям. Поверх оттисков приклеены кусочки кожи светло-коричневого цвета, однако часть из них отсутствует.

В списке отсутствуют следы реставрации, а также какой-либо декор. Широкие поля и края листов чистые, на них практически нет следов чтения.

Текст выполнен черными чернилами почерком *насталик*, красный цвет использован для выделения особенно важных фрагментов и имен.

Список воспроизводит стандартную структуру сочинения с четкой локализацией начала каждого раздела.

Ключевой особенностью данного списка является наличие той же текстологической аномалии, что и в рукописи В720. В конце третьей части, на листе 248b, имеется большой пропуск текста. Пропущенный фрагмент приведен в конце списка, после Заключения.

Идентичность этой композиционной аномалии в обеих рукописях – В720 и В663 – имеет принципиальное текстологическое значение. Она свидетельствует о том, что оба списка восходят к одному протографу, в котором либо имелась лакуна, не замеченная переписчиком, либо были перепутаны листы, что привело к нарушению последовательности текста. Переписчик протографа механически воспроизвел эту особенность, а создатели В720 и В663, независимо копируя протограф, повторили ту же ошибку.

Более того, одинаковое восполнение лакуны – помещение пропущенного текста в конце рукописи – может указывать на то, что в протографе не было настоящей лакуны, а имелась лишь механическая перестановка листов или тетрадей. Переписчик протографа не заметил нарушения логической

последовательности и точно воспроизвел физический порядок листов, что было затем скопировано в обоих наших списках.

Списки В663 и В720 образует отдельную ветвь в текстологической традиции сочинения, отличную от ветви, представленной В2458. К этой же ветви принадлежит и рукопись Ленинградского университета, описанная А. Т. Тагирджановым¹¹⁰, что расширяет географию распространения данной версии текста. При этом в качестве базового источника для основного исследования была избрана рукопись В720, поскольку данный список имеет точную датировку, установленный провенанс и удовлетворительную степень сохранности, обеспечивающую возможность непосредственной работы с рукописью.

Как видно из текста сочинения, оно было начато в 1148 г.х. (ок 1735 г. н.э.), и охватывает историю Кашмира с древних времен до момента завершения работы над текстом – около 1746/1747 г. Работа разделена на Введение (*мукаддима*), посвященное описанию Кашмира, три части (История происхождения индуистских царей, История мусульманских царей и Кашмир при Тимуридах) и Заключение (*хатима*).

Необходимо упомянуть о существовании еще как минимум двух списков «Ваки'ат-и Кашмир» в других крупных книгохранилищах: библиотеке Алламы Икбала при Кашмирском университете и Национальной библиотеке Индии в Калькутте. При этом данные списки представляют собой более поздние переписанные варианты первоначального текста. Список из Кашмира был выполнен в 1263 г. х. (приблизительно 1847 г. н.э.). Что касается калькуттского списка, то год его создания определить точно не представляется возможным из-за плохой сохранности соответствующих записей, однако достоверно установлено, что работа над ним была завершена не ранее 1200 г.х., что существенно отдаляет его от времени создания оригинала и от периода изготовления списков из коллекции ИВР РАН.

¹¹⁰Тагирджанов, А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. Т. 1, С. 226–227.

Списки В2458 и В720 «Ваки‘ат-и Кашмир» из фондов ИВР РАН представляют собой наиболее ранние версии произведения среди доступных для исследования текстов, и вполне вероятно являются прижизненными автору¹¹¹.

Таким образом, проведенное источниковедческое исследование сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир» Мухаммада А‘зама Дидамари определяет ее значимое место в историографической традиции Кашмира. Созданная в период политических потрясений XVIII в., работа отражает стремление местной интеллектуальной элиты сохранить историческую память, органично соединяя политическую хронику с агиографическими материалами для защиты репутации кашмирского общества.

Особую ценность сочинению придает его промежуточное положение в цепи от санскритской «Раджатарангини» до персоязычных хроник Нового времени. Использование широкого круга источников демонстрирует высокий уровень научной культуры кашмирской историографии XVIII в. Сохранившиеся в ИВР РАН списки, вероятно, прижизненные автору, существенно повышают источниковедческую значимость сочинения.

¹¹¹Смирнова, А.М. Персидская рукопись XVIII века из коллекции ИВР РАН: Вклад в историографию Кашмира // Modern Oriental Studies. 2024. № 2, С. 128.

Глава 2. Сочинение «Ваки‘ат-и Кашмир» как исторический источник

Сочинение «Ваки‘ат-и Кашмир» представляет собой многоплановый исторический труд, который сочетает в себе элементы компилятивного источника, освещающего события прошлых эпох, и современной автору хроники, включающей описания событий, свидетелем которых он являлся. Разносторонний характер произведения проявляется не только в хронологическом охвате материала, но и в тематическом разнообразии: наряду с историческими сведениями автор включает географическое описание региона, этнографические наблюдения, а также информацию о религиозных традициях населения и административном устройстве Кашмира.

2.1 История Кашмира от древности до конца XVII в.: «Ваки‘ат-и Кашмир» как компилятивный исторический текст

Компилятивность в персидской историографии — это метод создания исторических сочинений путем сведения материалов из различных источников. Автор-компилятор выступал собирателем информации, объединяя фрагменты из ранних хроник, устных преданий и поэтических текстов, сохраняя их стилистические особенности. Этот подход был типичен для классической персидской историографии и отражал уважение к авторитету предшественников.

Персидские историки-компиляторы не были механическими переписчиками и нередко проявляли критический подход к источникам, хотя в рамках иных критериев, чем современная историография. Их критичность выражалась в отборе авторитетных источников, сопоставлении различных версий событий и оценке их достоверности. Авторы также структурировали материал, выстраивали хронологию, устраняли противоречия и добавляли собственные интерпретации.

Таким образом, компилятивность не исключала критического мышления — персидские историки работали в традиции, где авторитет источника преобладал

над индивидуальным анализом, но они сохраняли способность различать достоверное и сомнительное.

Если ориентироваться на рукопись В720, то листы 1b–3a «Событий Кашмира» традиционно для подобных сочинений украшены речевыми оборотами, восхвалениями Всевышнего и бейтами. С середины листа 3a начинается непосредственно информативная часть сочинения. Мухаммад А‘зам сообщает, что его труд будет посвящен Кашмиру, и обращает внимание на то, что до него об этом регионе уже был написан и переведен ряд исторических работ. Упомянутые им исторические сочинения не содержат сведений о повседневной жизни населения Кашмира, кроме того, за несколько веков, неохваченных предыдущими авторами, произошло много событий, достойных описания. Все это автор приводит в качестве причины, по которой он решил написать свой труд.

Композиционно «Ваки‘ат-и Кашмир» воспроизводит устоявшуюся схему персидских всеобщих историй, подобных «*Раузат ал-сафа*» («Сад чистоты») Мирхонда (XV в.) или «*Хабиб ал-сийар*» («Друг жизнеописаний») Хондемира (XVI в.)¹¹², с их хронологическим принципом изложения от древнейших времен до современности автору.

Однако существенное новшество заключается в замене привычного пролога о легендарных и древнеиранских царях (от Кайумарса до Сасанидов), или же истории мусульманских халифов, на изложение кашмирской мифо-исторической традиции по «*Раджатарангини*» (первая глава сочинения). Подобная модификация канонической структуры демонстрирует намерение включить локальную кашмирскую историю в универсальную персидскую историографическую парадигму, утверждая тем самым равноценность региональной династийной памяти с общеиранским историческим наследием и отражая процесс формирования самобытной культурной идентичности в рамках персоязычного литературного пространства.

¹¹²Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. Отв. ред. А. П. Баранников. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. С. 60–61.

Первая глава сочинения (B720, f. 10a–33a)¹¹³ представляет собой обширное изложение доисламской истории Кашмира от мифологических времен до начала XIV в. н.э. (725 г.х.). Автор описывает правление многочисленных династий индуистских правителей, начиная с легендарного мудреца Кашьяпы и заканчивая Ринчан-шахом, при котором началась исламизация региона.

Излагая исторические события, автор следует хронологическому принципу, последовательно описывая смену династий и отдельных правителей, указывая продолжительность их правления (с VI–III в. до н.э по XIV в. н.э.).

Автор признает, что опирается на санскритскую хронику «*Раджатарангини*» Кальханы, называя ее «*Раза-таранг*», однако неоднократно выражает сомнения относительно достоверности излагаемых событий, используя формулы «ответственность на передатчике», «знание у Аллаха», а также указывая на «преувеличения и диковины» (B720, f. 22a).

Несмотря на то, что текст Первой главы «Событий Кашмира» существенно сокращен по сравнению с текстом «*Раджатарангини*», удастся выделить определенный круг тем, интересовавший Мухаммада А'зама: справедливость и тирания правителей – автор подробно описывает справедливых царей (Викрамадитья, Лалитадитья) и осуждает тиранов (Михиракула, Андха); божественное воздаяние – постоянно подчеркивается, как несправедливые правители получают заслуженное наказание; строительная деятельность – детально описываются архитектурные проекты, особенно храмы и города; предзнаменования ислама – автор ищет и находит знаки грядущего прихода ислама, особенно в сюжете предке Шах-Мира (B720, f. 30b–31a); «катастрофа Зулджу» – подробное описание тюрко-монгольского нашествия как божественной кары за грехи (B720, f. 31a–31b).

Автор делает попытки адаптировать некоторые санскритские имена к персидско-арабской фонетической системе, однако многие имена удастся соотнести с их устоявшимися в научной литературе формами лишь исходя из

¹¹³Для обозначения глав автор сочинения использует термин *кисм* (قسم) – вид, род; сорт; категория; разряд; 2) редко часть, доля.

контекста. Так, например, например, Огонанда = Гонанда, Лалитадитья остается без изменений, Бакрамахита = Матригупта. Это показывает, что автор работал либо с устными источниками, либо, что более вероятно, с уже адаптированными текстами¹¹⁴.

Таким образом, Первая глава представляет собой попытку мусульманского автора инкорпорировать доисламскую историю Кашмира в исламскую историографическую традицию. Автор балансирует между необходимостью сохранить историческую память и исламской критикой «неверных» правителей. Особенно заметна попытка представить всю доисламскую историю как подготовку к приходу ислама, а катастрофы – как божественное наказание за отступление от праведности. Текст демонстрирует знакомство с местными историографическими традициями при их переосмыслении в исламском ключе.

Вторую главу сочинения «События Кашмира» (B720, f. 33a–114a) можно условно разделить на две части. Первая охватывает период исламского правления в Кашмире, начиная с обращения в ислам правителя Ринчан-шаха (VII в.х /XIV в. н.э.) и заканчивая правлением династии Шах-Мири до периода династии Чак (X в.х./XVI в. н.э.).

Повествование начинается с истории обращения Ринчан-шаха в ислам (Приложение II). Автор подробно описывает, как правитель, находясь в сомнениях относительно множества религиозных сект в стране, молился о божественном руководстве. Утром он увидел мусульманина, совершающего намаз, что стало знаком для принятия ислама (B720, f. 33a–34a). Этим мусульманином был Баба Булбул-шах, суфийский проповедник, который стал первым исламским наставником в Кашмире.

Автор последовательно описывает правление султанов династии Шах-Мири: Шамс ал-дин (1343–1354) – основатель династии (B720, f. 37b–38a);

¹¹⁴Смирнова, А.М. «Раджатарангини» в интерпретации персидских историков на примере рукописи «Ваки'ат-и Кашмир» Мухаммада А'зама Дидамари // Время не ждёт! Сборник статей памяти Евы Яковлевны Люстерник. СПб.: Издательский дом РХГА, 2026 (принято к публикации).

Шихаб ал-дин (1354–1373) – великий завоеватель, расширивший владения до Тибета и Индостана (B720, f. 38b–40b);

Кутб ал-дин (1373–1389) – поэт и строитель (B720, f. 40b–47a);

Сикандар (1389–1413) – активный строитель мечетей, разрушитель доисламских религиозных сооружений (B720, f. 47a–55b);

Зайн ал-‘абидин (1420–1470) – прозванный «великим падишахом», известен веротерпимостью и покровительством искусствам (B720, f. 55b–75a).

После Зайн ал-‘абидина начался период ослабления центральной власти. Правители Хайдар-шах (1470–1472), Хасан-шах (1472–1484) и их преемники не смогли поддержать прежнее могущество династии.

Значительное внимание уделено деятельности Мир Шамса ‘Ираки (XV в.), чье распространение шиитского учения в Кашмире привело к религиозному расколу в мусульманской общине региона.

Таким образом, наиболее интересные автору темы, представленные в этой части сочинения, по-прежнему касаются религиозной истории: Мухаммад А‘зам особенно подчеркивает процесс исламизации Кашмира и борьбу между суннитским и шиитским направлениями, а также моральной составляющей – каждый правитель оценивается с точки зрения религиозности и справедливости. Описываются архитектурные памятники региона, процессы строительства мечетей, суфийских обителей, мавзолеев. Кроме того, автора интересует династическая легитимность – в тексте присутствует освещение генеалогии и преемственности власти.

Вторая часть Второй главы повествует о приходе к власти династии Чак в Кашмире в (1553–1554 гг. н.э.), их правлении и последующем завоевании региона Акбаром Великим (1556–1605). История начинается с происхождения рода Чак от

Лангар Чака, который является представителем племени дардов¹¹⁵, и заканчивается подготовкой к могольскому завоеванию (B720, f. 99b–100a).

В 960–961 г.х. (1553–1554 гг. н.э.), когда власть в Кашмире перешла от угасающей династии султанов к роду Чак, в регионе случилось землетрясение, которое автор сравнивает с «землетрясением Судного дня (B720, f. 100b).

Первым правителем новой династии стал Гази-шах (962–971 гг.х. / 1555–1564 гг. н.э.), который не только укрепил власть династии Чак внутри страны, но и активно расширял территорию государства (B720, f. 101b–103a).

Тяжелым для Кашмира периодом стало правление ‘Али-шаха (978–986 гг.х. / 1570–1578 гг. н.э.). Его царствование совпало с катастрофическим голодом, вызванным несвоевременным снегопадом во время созревания риса (B720, f. 104b–106a).

Период правления Йусуф-шаха (986–994 гг.х. / 1578–1587 гг. н.э.) характеризовался политической нестабильностью и борьбой за власть. В это время происходили постоянные мятежи, временные захваты престола различными претендентами, что свидетельствовало о слабости центральной власти (B720, f. 106a–114a).

Последним независимым правителем из династии Чак стал Йа‘куб-шах (994–995 гг.х. / 1586–1587 гг. н.э.). Несмотря на военные успехи в борьбе против могольских войск, его правление было отмечено религиозными преследованиями суннитов (B720, f. 114a–134a).

Мухаммад А‘зам применяет здесь комплексный подход к историописанию. В центре внимания – династическая история с изложением генеалогий и механизмов передачи власти от происхождения рода Чак до их утверждения на престоле. Особое место в этой части сочинения занимают описания религиозных конфликтов, прежде всего противостояние шиитов и суннитов как главный фактор политической нестабильности. С большой детализацией представлены

¹¹⁵Племена дардов населяют территории Читрала, Йасина, Гилгита и долины Кханган в северном Пакистане. Они относятся к индоарийской этнической группе и говорят на дардских языках. См.: Hasan, M. *Kashmīr Under the Sultāns*. Calcutta, 1959. P. 19.

вооруженные столкновения во время междоусобиц. Характерной чертой является внимание к знамениям и предзнаменованиям: природные бедствия интерпретируются как божественные знаки политических перемен.

Во Второй главе сочинения Мухаммад А'зам ссылается на такие работы, как «Зафар-нама», «Тарих-и Рашиди», а также «Тарих-и Хайдар Малик» и несколько других местных хроник без упоминания авторов и названий. Кроме того, он опирается на народные предания (например, о происхождении рода Чак) и на слова современников – цитирует мавлану Ахмада, муллу Мухаммада Амина Мустагни.

Третью главу сочинения также можно условно разделить на две части. Первая содержит исторический нарратив, охватывающий период с конца XVI до второй половины XVII вв. и посвященный истории Кашмира под властью империи Великих Моголов. Вероятно, автор компилировал «Акбар-нама» Абу-л-Фазла¹¹⁶ для периода завоевания Кашмира Акбаром, «Падшах-нама» для правления Шах-Джахана¹¹⁷ и ранние части хроник Аурангзеба, например, упомянутую самим автором «Маасир-и 'Аламгири» Мустайид-хана.

Повествование выстроено по хронологическому принципу, следуя правлениям падишахов: Акбар (1586–1605), Джахангир (1605–1627), Шах-Джахан (1628–1658), начало правления Аурангзеба (1658–1707). Внутри каждого царствования применяется устойчивая композиционная схема:

- завоевание/утверждение власти (для Акбара – подавление династии Чак);
- последовательность назначений *субадаров*¹¹⁸ с точными датами правления;
- административные реформы и налоговая политика в регионе;

¹¹⁶«Акбар-нама» – официальная хроника правления третьего падишаха Великих Моголов Акбара, написанная по его заказу придворным историком и биографом Абу-л-Фазлом. См.: Allami, Abu-l-Fazl. Akbar nama. Tarikh-i Gurkaniyan-i Hind [Акбар-нама. История Гурканидов Индии] / be kushesh: Gulam Riza Tabatabai Majd [Редактор: Гулам Риза Табатабаи Маджд] Vol. 1. Tehran: Anjuman-i Asar va Mafakhir-i Farhangi [Ассоциация памятников и культурного наследия], 1385 [2006].

¹¹⁷Падшах-нама – группа произведений, написанных как официальная история правления могольского императора Шах-Джахана I. См.: Elliot, H. M. Shah Jahan. Lahore: Hafiz Press, 1975.

¹¹⁸Субадар (صوبه دار) – в Могольской империи наместник области (*суба*).

- строительная деятельность;
- природные бедствия и социальные кризисы;
- религиозные конфликты.

Компилируя могольские хроники, автор применяет селективную стратегию: опускает общеимперские события (войны в Декане, дворцовые интриги, кроме войны за престол между сыновьями Шах-Джахана) и сохраняет только сведения, касающиеся Кашмира.

Глава начинается с описания завоевания Кашмира войсками империи Великих Моголов во время правления падишаха Акбара (B720, f. 114a–117b). Отрывок демонстрирует важную закономерность: военная победа не означала автоматической политической интеграции. Формальное включение Кашмира в состав империи (ок. 1586 г.) сопровождалось почти тридцатилетним периодом сопротивления династии Чак (до 1021 г.х./1612–1613 г. н.э.), что говорит о слабости новой власти.

Автор объясняет успех моголов не военным превосходством, а внутренней слабостью Кашмира: междоусобицами и конфессиональным расколом между суннитами и шиитами. Эта интерпретация может отражать как реальное положение дел, так и идеологическую установку источника на представление могольской власти как силы, приносящей порядок в раздираемый противоречиями регион.

Анализ переходного периода (B720, f. 134a–136b) раскрывает основное противоречие ранней могольской администрации в Кашмире между требованиями фискальной централизации и интересами местных элит. Реформы *субадара* шайха Хасан-бека (ок. 1590 г.) – введение денежного жалования и установление прямого контроля над областями – были направлены на устранение коррупционных практик местных чиновников. Восстание мирзы Йадгара в 1592 г. представлено как конфликт внутри элит: источник специально подчеркивает отсутствие массовой поддержки мятежа, что указывает либо на успешную нейтрализацию моголами местной знати, либо на пристрастность автора.

Частая смена наместников (семь *субадаров* за период правления Акбара) является значимым показателем. Эта практика могла преследовать несколько целей: предотвращение укоренения региональных властных группировок, наказание за неэффективность управления или поиск оптимальной модели администрации. Назначение раджи Тодар Мала¹¹⁹ и строительство крепости на горе Маран демонстрируют продуманную стратегию долгосрочного присутствия через создание административных и материальных символов имперской власти (B720, f. 136a).

Показательным является эпизод с купцом Устадом 'Али (B720, f. 136a), который через прямую связь с падишахом смог добиться смещения наместника (конец 1590-х гг.). Этот случай раскрывает сложную систему отношений в империи, где простые подданные использовали родственные связи с правящим кругом для противодействия региональной администрации. Данный механизм служил одновременно инструментом контроля центра над наместниками и источником нестабильности местного управления.

Период правления Джахангира (1605–1627; B720, f. 142a–145a) отмечен интенсивной фиксацией кризисных событий: эпидемия 1615/1616 г., унесшая «множество жизней за сорок дней», пожар 1618/1619 г., уничтоживший «десять-двенадцать тысяч домов» и соборную мечеть Сикандара Бутшикана. Автор связывает пожар с религиозной напряженностью между суннитами и шиитами, что указывает на сохранение конфессионального конфликта как постоянного фактора дестабилизации.

Критическое описание правления И'тикад-хана (с 1032 г.х./ок. 1623 г. н.э.), введившего «монополизацию сбора шафрана, конфискации фруктов и разнообразных штрафов», показывает типичную для периферии проблему: наместники, назначаемые на короткий срок, действовали в личных интересах и стремились максимально извлечь ресурсы, что подрывало экономическую

¹¹⁹Раджа Тодар Мал (1503–1589) был индийским министром и военачальником, служил министром финансов (*диван-и ашраф*) империи Моголов во время правления Акбара I. См.: Das, Kumudranjan. Raja Todar Mal. Calcutta: Saraswat Library, 1979.

устойчивость региона. Параллельно источник отмечает семь визитов Джахангира в Кашмир, что указывает на особую значимость региона для падишаха – вероятно, как летней резиденции (B720, f. 144a).

В период правления Джахангира Кашмиром управляли несколько *субадаров*: Килидж-хан (1015–1019 гг.х. / ок. 1606–1610 гг. н.э.), Хашим-хан (1019–1022 гг.х. / ок. 1610–1613 гг. н.э.), Сафдар-хан (1022–1024 гг.х. / ок. 1613–1615 гг. н.э.), Ахмад-бек (1024–1027 гг.х. / ок. 1615–1618 гг. н.э.), Дилавар-хан (1027–1029 гг.х. / ок. 1618–1620 гг. н.э.), Ирадат-хан (1029–1032 гг.х. / ок. 1620–1623 гг. н.э.) и И‘тикад-хан (с 1032 г.х. / ок. 1623 г. н.э.).

Период Шах-Джахана (1628–1658; B720, f. 158b–164b) отмечен попыткой религиозно-правовой легитимизации могольского присутствия. Отмена *субадаром* Зафар-ханом (1632–1633 гг.) налогов, «противоречащих шариату» (налог на деревья, принудительное возделывание шафрана), представляет собой не столько облегчение налогового бремени, сколько переформатирование фискальной системы в религиозно приемлемые формы. Эта стратегия указывает на признание властью необходимости согласования имперских практик с исламскими нормами для укрепления легитимности.

Голод 1057 г.х. (1647–1648 г. н.э.) при *субадаре* Тарбийат-хане, несмотря на попытки падишаха организовать помощь, демонстрирует ограниченные возможности могольской администрации в реагировании на природные катаклизмы в регионе. Интенсивная строительная деятельность *субадара* ‘Али Мардан-хана (1061–1068 г.х./1650–1657 гг. н.э.) – дворцы, сады, караван-сарай, ремонт горных дорог – свидетельствует об экономической стабилизации региона и инвестициях в инфраструктуру, связывающую Кашмир с остальной империей.

Краткая характеристика войны за престол между сыновьями Шах-Джахана, где Аурангзеб представлен как человек, действующий для «исправления государственных дел», отражает идеологическую позицию автора сочинения и поддержку им победителя в династическом конфликте.

В такой же стилистике написаны фрагменты о правлении Аурангзеба (B720, f. 183a–184a, 190b–193b): его правление характеризуется как «период расцвета

наук, искусств и благочестия». Эта риторика контрастирует с более критичным описанием предшествующих периодов, что может объясняться либо реальными изменениями ситуации в регионе, либо временной близостью автора к эпохе Аурангзеба и необходимостью соблюдения идеологической лояльности (Приложение III).

Кашмир в этом повествовании фигурирует преимущественно в контексте рутинной смены администрации и церемониальных визитов.

Характерным примером компиляции является описание крупного пожара в Сринагаре (B720, f. 193a). В основном тексте событие датировано правлением Ифтихар-хана (1083 г.х./1672–1673 г. н.э.), но автор добавляет оговорку: «согласно известному рассказу, пожар произошел при Кавам ал-дин-хане», назначенном четырьмя годами позже. Столкнувшись с противоречием между письменным источником и устной традицией, автор фиксирует обе версии, не выбирая между ними.

Подводя итоги анализа первой части **Третьей главы** сочинения, можно сказать, что несмотря на то, что описываемые события не являются прижизненными автору, текст обладает определенной источниковедческой ценностью. В нем отражены административно-управленческие аспекты, которые дают читателю представление о системе управления Кашмиром как провинцией Могольской империи. Описывается назначение и сменяемость *субадаров*, взаимодействие между центральной властью и местной администрацией, налоговая политика и финансовые реформы, а также земельные отношения (упоминания о *джагирах*¹²⁰, *халисе*¹²¹). Эта часть главы освещает социально-религиозную жизнь региона, торговые связи, а также масштабную строительную деятельность Моголов в области архитектуры и сельского хозяйства.

¹²⁰ *Джагир* (جاگیر) – с персидского букв. «державший место», земельный надел, который султаны, эмиры, чиновники и подобные им выдают, чтобы обрабатывать землю и присваивать ее урожай. Dehkhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 5, P. 7364. Господствующая форма феодального землевладения в Империи Великих Моголов XVI–XVIII вв.

¹²¹ *Халисе* (خالصه) – государственные земли; удельные имения; земли, составляющие собственность правительства. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 532.

Несмотря на связь с империей Великих Моголов, повествование сосредоточено на местных кашмирских реалиях, что делает источник особенно ценным для изучения региональной истории. Как источник XVIII в., описывающий события прошлых веков, текст отражает историческую память и способы интерпретации прошлого, сложившиеся в ту эпоху.

2.2 Кашмир в позднемогольский период (конец XVII – начало XVIII в.): «Ваки‘ат-и Кашмир» как хроника современника событий.

Как было упомянуто выше, условная граница между историческими сведениями, почерпнутыми из источников, и событиями, очевидцем которых мог стать Мухаммад А‘зам, приходится примерно на 1690-е гг. До этого временного рубежа автор опирается на документальные свидетельства и устные предания, что отражается в более обобщенном характере повествования. После 1690-х гг. стиль изложения меняется: появляется больше отсылок на личные воспоминания или на воспоминания старших современников, детальных описаний повседневных практик и административных особенностей. Эта трансформация повествования указывает на переход от историографической компиляции к описанию современных автору событий, которые он мог наблюдать непосредственно или узнавать от своих современников.

Вторая половина **Третьей главы сочинения**, на наш взгляд, может считаться источником исторических событий, прижизненных автору. Условно, ее можно разделить на четыре временных блока: 1680–1690-е гг., 1689–1707 гг., 1707–1719 гг. и 1719–1730-е гг.

Правление кашмирского *субадара* Ибрагим-хана и формирование нарративных стратегий автора (1680–1690-е гг.)

Первый фрагмент с описанием исторических событий содержит сведения о Кашмире во время правления *субадара* Ибрагим-хана (около 1091–1094/1096 г.х., что соответствует примерно 1680–1685 гг. н.э.) (B720, f. 203a–205a).

Композиционно Мухаммад А'зам структурирует описание этого периода вокруг трех типов событий: стихийных бедствий, внешних военных угроз и внутренних беспорядков (Приложение V).

Период второго правления Ибрагим-хана был отмечен серией стихийных бедствий. Сначала Кашмир пострадал от сильного наводнения, которое разрушило дома и привело к многочисленным жертвам. Затем регион пережил мощное и продолжительное землетрясение. Описание последствий землетрясения содержит примечательную деталь: автор сообщает, что состоятельные жители начали строить сейсмоустойчивые дома. Эта конкретная информация о технологическом ответе на природную катастрофу выделяется на фоне традиционных топов описания бедствий и указывает либо на личное наблюдение автора, либо на опрос очевидцев.

В военно-политической сфере произошло вторжение калмыков в Большой Тибет, что заставило раджу Тибета просить помощи у могольских правителей через Ибрагим-хана. Сын Ибрагима, Фидайи-хан, был направлен с войсками из Кабула для поддержки раджи, в результате чего калмыки были разбиты, а правитель Тибета вместе с богатой добычей был доставлен в Кашмир. Включение этого эпизода в кашмирскую хронику примечательно: автор демонстрирует провинциальную перспективу на имперскую геополитику, где Кашмир выступает не просто объектом управления, но активным участником региональной политики. Описание добычи следует канонам могольской военной историографии, но акцент на роли кашмирского наместника может отражать местный патриотизм автора.

В этот период в Кашмире также наблюдались внутренние беспорядки. Когда информация о них достигла Аурангзеба, он принял решение о смене *субадара* и *кази*. Автор не детализирует характер беспорядков, используя обобщающий термин *фитна*, что типично для ситуаций, когда историограф либо не располагает подробной информацией, либо сознательно избегает спорных деталей. Это контрастирует с детальными описаниями более поздних конфликтов, подтверждая гипотезу о различных источниковых базах для разных периодов.

Новым *субадаром* Кашмира был назначен бывший *субадар* Лахора Хифз Аллах-хан (ок 1095–1097 г.х. или 1684–1686 гг. н.э.). Хифз Аллах-хан успешно восстановил порядок в течение двух лет. Позже он был направлен в Джамму, а его заместителем был назначен Абу-л-Фатх-хан. После года службы Абу-л-Фатх-хана его сменил шайх Абу-л-Фатх, при котором в регионе случился голод.

Описание периода 1680-х гг. демонстрирует переходный характер нарративной стратегии Мухаммада А‘зама. С одной стороны, сохраняются традиционные риторические приемы (топосы стихийных бедствий, лаконичные характеристики правителей), с другой – появляются элементы детализации (сейсмоустойчивое строительство, топография), предвосхищающие очевидческое повествование более поздних разделов.

Типология правителей и риторика легитимации (1689–1707 гг.)

В следующих отрывках описывается история правления нескольких кашмирских *субадаров* в начале XII в.х. (конец XVII – начало XVIII вв.). Эти фрагменты особенно показательны для анализа авторской оценочной системы, поскольку Мухаммад А‘зам последовательно применяет бинарную модель характеристики правителей: тиран и справедливый государь (B720, f. 220a–222a; 223b–224b).

Начинается повествование с назначения Музаффар-хана, сына Шайиста-хана, который занял пост в 1101 г.х. (1689/1690 г. н.э.). Его правление отмечено жестокостью, введением новых налогов и притеснениями населения. Через год он был смещен падишахом (Приложение VI).

Его сменил брат Абу Наср-хан в 1103 г.х. (1691/1692 г. н.э.), который оказался не лучше предшественника. При нем продолжились злоупотребления, особенно в сфере налогообложения. Абу Наср-хан находился на посту около пяти-шести лет. Примечательно, что автор прямо указывает на династическую преемственность между братьями, но оценивает их идентично негативно, что

может отражать более глубокий конфликт между семейством и кашмирскими элитами.

После Абу Наср-хана правителем стал Фазил-хан (мирза Бурхан) в 1109 г.х. (1697/1698 гг. н.э.). Описание Фазил-хана представляет собой образцовый портрет идеального правителя в исламской традиции. В отличие от предшественников, он проявил себя как справедливый и милосердный правитель. Фазил-хан отменил многие несправедливые налоги, проявлял уважение к ученым и шайхам, занимался строительством мечетей, караван-сараев, бань и других общественных зданий. Фазил-хан правил три с половиной года, затем подал в отставку.

После отставки Фазил-хана, Ибрагим-хан в третий раз был назначен наместником Кашмира (Приложение VII). Он старался справедливо управлять областью, не делая особых различий между шиитами и суннитами, и заботился о благополучии народа. Частное упоминание конфессиональной политики Ибрагим-хана отражает центральную напряженность кашмирского общества позднемогольского периода. В период его правления в Кашмире объявился самозванец, выдававший себя за Шах Шуджа Бахадура (брата падишаха Аурангзеба), которого Ибрагим-хан отпустил. Автор сочинения не счел важным остановиться на этом событии более детально.

Этот эпизод примечателен по нескольким причинам. Во-первых, появление самозванца, претендующего на идентичность брата падишаха, отражает политическую напряженность в Империи Великих Моголов, связанную с войной за престолонаследие при Аурангзебе. Во-вторых, решение Ибрагим-хана отпустить самозванца вместо его ареста и отправки ко двору представляет собой либо акт милосердия, либо политическую осмотрительность (чтобы не втягивать себя в потенциально опасный дворцовый конфликт).

Также в это время в Кашмир прибыл Арслан-хан, племянник правителя Кашгара 'Абд Аллах-хана, который должен был возглавить кампанию по завоеванию Кашгара. Однако экспедиция была отменена после анализа трудностей и малой выгоды от этого предприятия. Арслан-хан был направлен в войска Кабула. Этот эпизод демонстрирует, что Кашмир мог выполнять функции своеобразного

плацдарма для потенциальных операций в Центральной Азии, хотя географические и логистические реалии делали такие экспедиции нецелесообразными.

После пяти лет управления Кашмиром Ибрагим-хан был назначен наместником Ахмадабада¹²², а новым наместником Кашмира стал Навазиш-хан Руми, который назначил своим заместителем муллу Ашрафа. Однако, тот еще не успел прибыть в Кашмир, как пришла весть о смерти падишаха Аурангзеба, погрузившая империю Великих Моголов в хаос.

Несколько листов (B720, f. 224b–225b) автор уделяет личности падишаха Аурангзеба (‘Аламгира), представляя его как успешного завоевателя и благочестивого мусульманского правителя, который стремился управлять в соответствии с шариатом и вел войны против «неверных», а также судьбе его пяти сыновей и последовавшей за его смертью борьбе за престол.

В целом, на основании текста можно сделать вывод, что Кашмир при Аурангзебе (1660–1700-е гг.) находился под жестким контролем Могольской империи, несмотря на частую смену наместников. Основную напряженность создавали религиозные противоречия между суннитами и шиитами, требовавшие вмешательства центральной власти. Сам Аурангзев, известный своей приверженностью строгому суннитскому исламу, внимательно следил за ситуацией в провинции, что подтверждается его личными визитами и быстрой реакцией на проблемы.

Субадары занимались развитием инфраструктуры, строительством мечетей и садов, однако их индивидуальные качества существенно влияли на местную политику и благосостояние населения.

Кризис престолонаследия в Империи Великих Моголов и его отражение в Кашмире (1707–1719 гг.)

Очередной фрагмент сведений о состоянии Кашмира (B720, f. 233b–237b) тесно связан с рассказом автора о судьбе нового падишаха империи Великих

¹²²Ахмадабад – сейчас город и административный центр одноименного округа на западе Индии, штат Гуджарат.

моголов. Эта композиционная особенность – чередование общеимперской и провинциальной перспективы – становится устойчивой чертой повествования, отражая растущую взаимозависимость между династическими кризисами в центре и административным хаосом на периферии.

Мухаммад А‘зам описывает правление Бахадур-шаха I (Шах ‘Алам Бахадур), который был вторым сыном падишаха Аурангзеба. После смерти отца Бахадур-шах победил своего брата А‘зам-шаха в битве под Агрой (Акбарабадом), а позднее подавил восстание другого брата, Камбахша, в Декане.

После его смерти в 1712 г. разгорелась война за престол между его четырьмя сыновьями: Джахандар-шахом, ‘Азим ал-Шаном, Рафи‘ ал-Шаном и Джахан-шахом. В этой борьбе победил старший сын, Джахандар-шах, устранивший всех братьев с помощью визиря Зулфикар-хана.

Однако правление Джахандар-шаха было недолгим. Его племянник Фаррух-Сийар (сын ‘Азим ал-шана), бывший правителем Бенгалии, поднял восстание. В решающем сражении под Агрой в 1713 г. Джахандар-шах потерпел поражение из-за предательства части войска и бежал в Дели, где был предан своим же визирем и его отцом Асад-ханом. Фаррух-Сийар беспрепятственно занял трон империи Моголов. Эти события отражают стремительный упадок империи после смерти Аурангзеба, когда частые войны за престолонаследие способствовали ослаблению центральной власти и будущему распаду государства.

Что касается ситуации непосредственно в Кашмире (Приложение VIII), после восшествия на престол Бахадур-шаха в 1707 г. Навазиш-хан, бывший *субадаром* Кашмира, был смещен через год правления. Его сменил Джа‘фар-хан, который назначил своим заместителем ходжу ‘Абд Аллаха Дахбиди. Правление Джа‘фар-хана ознаменовалось притеснениями местного населения и злоупотреблениями власти.

После смерти Джа‘фар-хана временным правителем стал ‘Ариф-хан (кази Мухаммад Фарук), занявший должность заместителя *субадара* по финансовым делам. Указание на финансовую специализацию должности отражает усложнение административного аппарата: управление провинцией все больше делится между

военно-политическим руководством и финансовым управлением, что создает почву для институциональных конфликтов. Затем *субадаром* был назначен Ибрагим-хан (получивший титул ‘Али Мардан-хана), который вскоре умер, и Навазиш-хан во второй раз стал *субадаром*.

‘Ариф-хан, ставший заместителем Навазиш-хана, отличался честностью и хорошей службой, за что получил титул Аманат-хана. Эта позитивная характеристика контрастирует с общим тоном описания периода и может отражать либо личное знакомство автора с ‘Ариф-ханом, либо его репутацию в кашмирской среде. Однако в 1123 г.х. (1711/1712 г. н.э.) Навазиш-хан был отстранен от управления провинцией.

В этот период Кашмир пережил серьезные бедствия – сильное наводнение, разрушившее большинство домов и посевов, а затем крупный пожар, уничтоживший около 30-40 тысяч домов в двадцати кварталах Сринагара.

‘Инайат Аллах-хан, назначенный *субадаром* Кашмира, прибыл в регион в конце месяца раби‘ ал-аввал 1124 г.х. (апрель-май 1712 г. н.э.). Его правление длилось около восьми-девяти месяцев, в течение которых он назначил на ключевые посты своих родственников. В этот период местный вождь Мухаммад Музаффар, бывший слуга правителей Пакхли¹²³, воспользовался нестабильностью и захватил территории Дар и Кама в районе Камрадж¹²⁴, которые входили в *джагир* самого *субадара*. Захват *джагира* наместника представляет собой прямой вызов центральной власти и свидетельствует о растущей автономизации локальных предводителей. ‘Инайат Аллах-хан организовал военную экспедицию для подавления этого выступления, однако не смог довести дело до конца из-за политического переворота в столице империи (Приложение IX).

Период 1707–1712 гг. демонстрирует прямую корреляцию между династическими кризисами в центре империи и административной нестабильностью в Кашмире. Каждая смена императора влечет за собой ротацию

¹²³Пакхли – в настоящее время входит в состав Хазарейского округа Северо-Западной пограничной провинции Пакистана.

¹²⁴Камрадж – сейчас район в провинции Сринагар индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

провинциальных наместников, которые не успевают установить эффективный контроль над регионом.

Очередной фрагмент, содержащий информацию об исторических событиях в Кашмире (B720, f. 241a–242b), хронологически охватывает период правления в Могольской империи Фаррух-Сийара (1713–1719) и демонстрирует дальнейшее углубление административного кризиса (Приложение X).

‘Инайат Аллах-хан был смещен с должности наместника Кашмира, и эта должность перешла к Садат-хану Бахадуру. Управление Кашмиром было нестабильным, с частыми сменами наместников и их заместителей. Администрация Садат-хана подвергалась критике за притеснения и незаконные поборы.

В этот период произошла серия волнений в регионе Музаффарабада¹²⁵. В тексте говорится о том, что местные чиновники *фудждари*¹²⁶ подняли мятеж. Они пытались захватить контроль над территорией, подняв горцев на восстание. Мухаммад Хайбат, сын Мухаммада Музаффара (вероятно, местный правитель или военачальник), действовал поспешно и арестовал мятежников.

В процесс решения этой проблемы вмешался ‘Абд ал-‘Азим-хан, *диван* провинции, который был знатного иранского происхождения. Упоминание иранского происхождения чиновника примечательно: оно может указывать либо на продолжающуюся миграцию иранских элит в Могольскую Индию, либо на потомка более ранних мигрантов, чья этническая идентичность оставалась показателем престижа.

‘Абд ал-‘Азим-хан несколько месяцев работал над исправлением ситуации: освободил пленных, принудил Мухаммада Мугр ал-дина (сына Мухаммада Хайбата) выплатить контрибуцию и восстановил порядок. Кроме того, был

¹²⁵Музаффарабад – сейчас город и округ в регионе Азад Кашмир, формально под управлением Пакистана.

¹²⁶*Фудждари* – административно-военная должность в системе управления Могольской империи. В языке урду *фудждар* (فوجدار) – полицейский чиновник; начальник военных сил в округе, районный военный комендант. См.: Rekhta Dictionary: Urdu to Hindi, English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rekhtadictionary.com/meaning-of-faujdaar> (дата обращения: 29.04.2026).

арестован и наказан ‘Абд ал-Раззак, землевладелец из Пунча¹²⁷, с которого взыскивали полагающиеся налоги (*харадж*) и подношения (B720, f. 241b–242a).

Этот эпизод демонстрирует несколько важных аспектов провинциального управления: военные и гражданские ветви власти действовали параллельно, иногда вступая в конфликт; чиновник, ответственный за финансы, мог вмешиваться в военно-политические кризисы; восстановление порядка включало не только военное подавление, но и переговоры, выплаты и компромиссы; центральная власть пыталась восстановить налоговые поступления даже в условиях мятежей. Детальность описания действий ‘Абд ал-‘Азим-хана предполагает, что автор либо имел доступ к административным документам, либо получил информацию непосредственно от участников событий.

Далее происходила частая смена кашмирских наместников: А‘зам-хан управлял менее года, затем власть вновь перешла к ‘Али Мухаммад-хану примерно на год, после чего наместником был назначен Ихтирам-хан (родственник Садат-хана), который пробыл на этой должности всего 17 дней.

После череды изменений ‘Инайат Аллах-хан, вернувшийся из хаджа, был снова назначен *субадаром* Кашмира. Фактическим наместником стал Мир Ахмад-хан, который управлял провинцией около трех лет, начиная с 1129 г.х. (1716/1717 г. н.э.).

Эти события иллюстрируют типичные проблемы провинциального управления в Могольской империи периода ее упадка: злоупотребления чиновников, восстания местного населения, частая смена администрации и попытки центральной власти контролировать ситуацию в отдаленных регионах.

Также на примере административной системы Кашмира, наблюдается децентрализация власти Могольской империи начала XVIII в. Вместо прямого управления *субадаров* появляется многоуровневая иерархия с заместителями наместников, имеющими собственный аппарат. *Субадары* оставались при дворе, делегируя управление провинциями своим представителям. Это увеличивало

¹²⁷Пунч – пограничный административный район, индийская союзная территория Джамму и Кашмир; регион Азад Кашмир, формально под управлением Пакистана.

бюрократию, способствовало коррупции и злоупотреблениям. Местное население страдало от незаконных поборов, а центральная власть могла только периодически менять администрацию в ответ на жалобы.

Фаррух-Сийар характеризуется как справедливый и благочестивый правитель, ценивший достойных людей, *улемов*¹²⁸, поэтов и даже художников. Его кончина вызвала скорбь среди народа и стала причиной смут во многих регионах.

Период ослабления центральной власти и кашмирский аспект политического кризиса Империи Великих Моголов (1720–1740-е гг.)

В следующем отрывке (B720, f. 250b–251b) автор описывает политический кризис в Империи Великих Моголов начала 1720-х гг., когда власть фактически находилась в руках братьев саййидов из семейства Барха. Они последовательно возвели на трон двух марионеточных правителей – Рафи‘ ал-дараджата и Рафи‘ ал-даулу (Шах-Джахана II), каждый из которых правил лишь около полугода. После их смерти саййиды посадили на трон Мухаммад-шаха. Однако могольская аристократия противостояла влиянию саййидов: Низам ал-Мулк начал борьбу против их ставленников в Декане, а Мухаммад Амин-хан организовал убийство одного из братьев – Хасан ‘Али-хана. Оставшийся Саййид ‘Абд Аллах-хан попытался поднять мятеж, выдвинув нового претендента, но потерпел поражение и был казнен. Это привело к окончательному утверждению Мухаммад-шаха в качестве самостоятельного правителя (Приложение XI).

Этот фрагмент особенно важен для понимания авторской позиции, поскольку период «правления саййидов» традиционно рассматривается историографией как апогей кризиса могольской государственности¹²⁹. Автор приводит эту историческую справку о центральной власти как контекст перед описанием дальнейших событий в провинции Кашмир (B720, f. 252a–256b).

¹²⁸ *Улемы* (араб. علماء «знающие, ученые») — собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама. См.: Прозоров, С. М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 239.

¹²⁹ Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. New Delhi: People's Publishing House, 1969. P. 329.

Несколько последующих сюжетов описывают политическую историю Кашмира в период 1730–1740-х гг. После годичного правления А‘зам-хана, ‘Инайат Аллах-хан в третий раз получил пост *субадара* Кашмира, назначив своим заместителем Фахр ал-дина Мухаммад-хана. В тексте приводится подробная родословная ‘Инайат Аллах-хана, который происходил из знатного рода и был потомком кази Мусы Шахида. Его мать Биби Марьям имела связи при дворе падишаха Аурангзеба, что способствовало карьерному росту ‘Инайат Аллаха. Этот биографический экскурс выполняет в тексте важную риторическую функцию: автор апеллирует к традиционным могольским критериям легитимности – знатному происхождению и близости к императорскому двору.

На этом фоне история ‘Акидат-хана Бахадура и Агар-хана Дидамогула читается как иллюстрация деградации управленческих практик. Смещение ‘Акидат-хана «в результате интриг» в 1140 г.х. (1727/28 г.), арест Агар-ханом своего заместителя Абу-л-Баракат-хана «без причины», последовавшие народные волнения и смещение Агар-хана в 1141 г.х. (1728/29 г.) образуют характерную для источника нарративную схему: произвол наместника, недовольство населения, отстранение от должности.

Затем управление Кашмиром перешло к Амир-хану, а его заместителем вновь стал Абу-л-Баракат-хан. Позже Абу-л-Баракат-хана на посту заместителя сменил Ихтирам-хан, при котором в городе произошли серьезные беспорядки из-за нехватки зерна. Этот эпизод заслуживает особого внимания, поскольку во время волнений толпа убила двух ученых мужей – мавлану ‘Инайат Аллаха (Фазилат Аллах-хана), главного судью, и мавлану Мухаммада Ашрафа, великого муфтия. Убийство двух мусульманских богословов предстает как символ социального распада, нарушения порядка в Кашмире. Включая этот эпизод, Мухаммад А‘зам характеризует кризис не только как политический, но и как моральный, и религиозный, что усиливает риторический эффект всего повествования о 1730-х гг. (Приложение XII).

В последующий период произошли два значительных события: неудачный военный поход против мятежников из Музаффарабада в 1144 г.х. (1731/32 г. н.э.),

во время которого погибли многие влиятельные люди, и пожар в *ханаке*¹³⁰ Файз Пана Алийа Амирийа, который полностью уничтожил здание. В 1146 г. (1733/34 г.) *ханака* была восстановлена усилиями Абу-л-Баракат-хана (B720, f. 261b–264a).

Еще один небольшой фрагмент (Приложение XIII) описывает серию событий, происходивших в Кашмире в период 1148–1150 г.х. (примерно 1735–1737 гг. н.э.). В это время управление регионом перешло к Дил Далир-хану, который был назначен правителем после смещения Амир-хана. Однако Дил Далир-хан задержался в Лахоре, оставив управление своему заместителю Абу-л-Баракат-хану, и вскоре скончался.

Фрагмент Приложения XIII демонстрирует характерный для автора прием совмещения природных и социальных катастроф в едином нарративном потоке. Сначала Кашмир постигли серьезные природные бедствия. В начале 1148 г.х. (1735 г. н.э.) произошло сильное наводнение, затопившее поля и дома за пределами города. Затем, в ночь двадцать второго числа месяца зу-л-ка‘да того же года (4 апреля 1736 г.), регион поразило мощное землетрясение, которое разрушило множество домов в городе и деревнях. Повторные толчки продолжались около трех месяцев.

После этих природных катастроф начались социальные волнения. Возник конфликт между жителями Кашмира и Абу-л-Баракат-ханом. Ситуация осложнилась, когда местные *мансабдары*¹³¹ во главе с Мухаммадом Джа‘фаром Кантом выразили недовольство отношением к ним властей и пренебрегли своими обязанностями по защите территорий от враждебных племен.

Пятнадцатого раджаба (вероятно, 1149 г.х.) (19 ноября 1736 г. н.э.) произошло сражение между населением и силами заместителя, в котором последние потерпели поражение. Вооруженное противостояние населения с

¹³⁰*Ханака* (خانگاه/ خانقاه) – суфийская обитель, место совместного проживания и отправления религиозных предписаний суфиев. См.: Прозоров, С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 272.

¹³¹Слово «منصبداران» (*мансабдаран*) с персидского/урду переводится на русский как «должностные лица», «чиновники» или «государственные служащие». См.: Rekhta Dictionary: Urdu to Hindi, English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rekhtadictionary.com/meaning-of-mansab-e-daar> (дата обращения: 28.04.2026). В контексте Могольской империи это слово часто обозначало людей, занимающих определенные административные должности (*мансабы*) в государственной иерархии.

силами Абу-л-Баракат-хана и последовавшие поджоги, уничтожившие по данным источника от 15 до 20 тысяч домов, описаны как следствие накопившегося недовольства.

Конфликт достиг кульминации 14 мухаррама 1150 г.х. (14 мая 1737 г. н.э.), когда Мухаммад Джа‘фар со своими сторонниками и жителями города атаковали Абу-л-Баракат-хана. Заместитель наместника потерпел окончательное поражение, его дом был сожжен, а имущество разграблено. В результате Абу-л-Баракат-хан был вынужден отправиться в Лахор, а его место занял Джалал ал-дин-хан. Однако и при новом заместителе волнения продолжились.

Продолжение событий описывается в следующем фрагменте (Приложение XIV). После смещения Дил Далир-хана правителем Кашмира был назначен Фахр ал-даула Бахадур, брат Раушан ал-даулы. Первоначально он отправил в Кашмир своего заместителя Кази-хана, а в конце года прибыл туда лично.

Жестокость нового наместника, несправедливые обвинения жителей в организации беспорядков и незаконном хранении зерна подаются как превышение допустимых норм управления. Показательно, что именно поток жалоб, достигших падишаха, становится механизмом смещения Фахр ал-даулы: в нарративе Мухаммада А‘зама политический центр могольского государства сохраняет роль инстанции справедливости даже в период своей слабости.

Таким образом, в 1730-е гг. Кашмир переживал кризис не только в результате политической нестабильности, но также из-за стихийных бедствий и социальных потрясений. Регион страдал от частой смены правителей, административного хаоса и жестоких методов управления.

Одним из самых значительных исторических событий, упомянутых в тексте, является индийский поход Надир-шаха (1738–1740). Этот сюжет включен в кашмирскую хронику как событие общеисторического масштаба. Автор последовательно излагает падение Сефевидов, афганское правление в Иране и возвышение Надир-шаха, придавая тем самым своему сочинению черты труда по всеобщей истории (B720, f. 267b–270b).

Мухаммад А'зам описывает вторжение Надир-шаха в Могольскую империю, подробно освещая битву при Карнале (1739 г.) как ключевое сражение кампании, а также резню в Дели, унесшую тысячи жизней. Среди погибших он особо выделяет двух кашмирских ученых – муллу 'Абд Аллаха и муллу Аман Аллаха. Упоминание их гибели выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно вписывает Кашмир в контекст общеисламской трагедии, с другой – преломляет это масштабное историческое событие через призму региональной истории, придавая ему локальное измерение.

Автор отмечает, что Надир-шах оставался в Дели около двух месяцев, за это время он собрал огромные богатства, включая знаменитый Павлиний трон и алмаз «Кух-и нур» (Гора света). Он заключил мир с могольским падишахом, оставив ему основную часть Индии, включая Кашмир, но присоединив к своим владениям Пешавар и Кабул. После этого Надир-шах покинул Дели, наказал непокорные афганские племена и отправился в Туркестан (B720, f. 270b–271b).

Что касается кашмирцев, то, как следует из текста сочинения, народ Кашмира сохранил лояльность законному могольскому правителю (Приложение XVI). После вторжения Надир-шаха в Индию в 1739 г. его представитель Фахр ал-даула попытался установить власть персидского шаха в Кашмире. Это включало два символических акта легитимации власти в исламской традиции: чеканку монет с именем нового правителя (Надир-шаха) – важный признак суверенитета; упоминание имени Надир-шаха в пятничной проповеди (*хутбе*) – религиозная легитимация власти. Однако кашмирцы оказали сопротивление этим символическим действиям: сперва они отказали Надир-шаху в чеканке монет и хутбе, а затем и вовсе выгнали его представителя из Кашмира (B720, f. 271b).

Этот эпизод показывает, что несмотря на военное поражение Моголов от Надир-шаха, жители отдаленной провинции сопротивлялись символическим проявлениям власти захватчика. Данная ситуация иллюстрирует важность легитимности власти в глазах подданных и возможности пассивного сопротивления населения даже в условиях военного превосходства противника.

Наиболее обширный фрагмент сочинения (B720, f. 271b–278b, Приложение XV) посвящен событиям, свидетелем которых Мухаммад А‘зам мог стать в процессе написания сочинения. Это объясняет как детальность изложения, так и повышенную эмоциональную насыщенность текста.

Основная сюжетная линия повествует о противостоянии двух правителей: ‘Инайат Аллах-хана, назначенного падишахом *субадаром* Кашмира (1738–1740), и его заместителя Абу-л-Баракат-хана.

Назначенный падишахом *субадар* ‘Инайат Аллах-хан поначалу демонстрировал эффективное управление, однако конфликт с заместителем Абу-л-Баракат-ханом – обусловленный финансовыми и административными разногласиями – дестабилизировал регион. Противостояние приобрело затяжной характер: стороны поочередно брали верх в вооруженных столкновениях, а землевладельцы Пунча выступили на стороне Абу-л-Баракат-хана, сместив баланс сил. В 1740-1741 гг. Абу-л-Баракат-хан восстановил контроль над столицей, тогда как ‘Инайат Аллах-хан укрылся в Сопуре¹³². Предпринятая попытка примирения между противоборствующими сторонами закончилась трагически – 7 сафара 1154 г.х. (24 апреля 1741 г. н.э.) ‘Инайат Аллах-хан был вероломно убит по приказу землевладельцев Пунча.

Это убийство обнажило глубокую слабость могольского управления как института: центральная власть оказалась неспособна гарантировать даже базовые нормы политического взаимодействия, что открыло пространство для доминирования региональных военных группировок.

После этого убийства Абу-л-Баракат-хан стал полноправным правителем Кашмира, но вскоре вступил в конфликт с теми же землевладельцами Пунча, которые ранее были его союзниками. Они совершили нападение на его дом, но потерпели поражение. В качестве возмездия за убийство ‘Инайат Аллах-хана, в 1155 г.х. (1742/1743 г. н.э.) Абу-л-Баракат-хан казнил всех инициаторов заговора, а также около 400-500 их сторонников. За это «возмездие» Абу-л-Баракат-хан

¹³² Сопур (или Сопор) – сейчас город в районе Барамула индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

получил от могольского двора титул Бахадура. Центральная администрация империи была готова легитимизировать любую силу, способную удерживать регион под номинальным контролем.

Далее основные события разворачиваются вокруг конфликта между правителем Кашмира Абу-л-Баракат-ханом и его бывшим слугой Бабр Аллахом. Абу-л-Баракат-хан, допустил серьезную ошибку, назначив Бабр Аллаха комендантом области Камрадж и предоставив ему значительную независимость и власть над войсками. Бабр Аллах воспользовался этим положением, вступил в союз с враждебными горными племенами из районов Музаффарабада и Пунча, и начал притеснять местное население.

В конце месяца рамадан 1157 г.х. (октябрь 1744 г. н.э.) в Сринагаре начались бои, в результате которых Бабр Аллах одержал верх. Абу-л-Баракат-хан был выдан врагу своими предполагаемыми сторонниками. Последовал период насилия и грабежей со стороны горных союзников Бабр Аллаха.

Ситуация изменилась только с прибытием Джан Нисар-хана Бахадура Шир Джанга, назначенного заместителем правителя. Он с помощью хитрости выслал Абу-л-Баракат-хана из города, а затем, заманив Бабр Аллаха под предлогом примирения, казнил его. Однако Шир Джанг пробыл в Кашмире всего пару месяцев и вскоре отбыл ко двору, не решив других проблем региона.

Политическим событиям сопутствовал социально-экономический кризис. Во-первых, из-за нескольких лет политических беспорядков, потери пахотного скота и несвоевременных дождей, наступил сильный голод. Цены на продовольствие достигли невероятных высот: как пишет автор, за рупию нельзя было купить два *сира*¹³³ риса. Люди умирали семьями, и ситуация с захоронением тел стала настолько критической, что их сначала бросали в реку, а затем просто оставляли лежать на земле. Треть населения погибла от голода, еще треть бежала из региона, и только треть выжила. Дети продавались за бесценок (две-три *танга*), а обычная пища, такая как маш, чечевица и ячмень, стала считаться лекарством.

¹³³Сир (سير) – мера веса, равная приблизительно 75 г. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 2, С. 79.

Кроме того, в этот период в регионе случилось два стихийных бедствия – песчаная буря и наводнение, что еще сильнее усугубило продовольственный кризис. (B720, f. 276b–277a).

Описанные Мухаммадом А‘замом события 1738–1744 гг. в Кашмире демонстрируют, как накладывались друг на друга несколько факторов: соперничество между наместниками, неспособность центральной делийской администрации эффективно контролировать регион, усиление местных военных группировок и природные бедствия. Центральная власть в итоге справилась с непосредственным кризисом, однако условия, его породившие, остались прежними.

Таким образом, анализ политических событий, освещенных в сочинении Мухаммада А‘зама, демонстрирует эволюцию историографического повествования от компилятивного изложения к свидетельствам очевидца. Временная граница 1690-х гг. четко разделяет текст на две части: до этого рубежа автор опирается на документальные источники и устные предания, а после – на личные наблюдения и свидетельства современников.

Описываемые события 1680–1740-х гг. отражают системный кризис имперского управления. Частая смена наместников (некоторые правили менее года), децентрализация власти через систему заместителей, коррупция и злоупотребления администрации стали характерными чертами позднегомогольского периода. Сочинение Мухаммада А‘зама представляет собой свидетельство заката могольского владычества в Кашмире, фиксируя момент перехода от имперского порядка к региональной нестабильности, которая в конечном итоге привела к установлению афганского, а затем сикхского господства в регионе.

2.3 Социально-экономическое и административное устройство Кашмира в представлении Мухаммада А‘зама

Административное деление региона демонстрирует особенности его политического и социального устройства. Анализ территориальной структуры позволяет выявить принципы организации власти, механизмы ее распределения и систему сбора налогов в конкретном обществе.

Сочинение «События Кашмира» является источником информации по административному устройству Кашмира, когда тот входил в состав империи Великих Моголов.

Если говорить в целом об особенностях административного деления могольской империи, то территориально она была разделена на *субы*, которые, в свою очередь, подразделялись базовые налогооблагаемые территориальные единицы – *парганы* или *махалы*¹³⁴.

В процессе исследования данного сочинения была установлена частотность употребления ряда лексических единиц, среди которых как терминологическая, так и общеупотребительная лексика, обозначающих некоторые административные единицы, характеризующие Кашмир XVIII в. Это:

Суба(صوبه)¹³⁵ – провинция

Остан (استان)– провинция

Паргана (پرگنه)– округ

Махал (محل)– район

Мауза ‘ (موضع) – местность/ деревня

Карийа (قریه) – деревня

Махалла(محلّه) – квартал / деревня

Йайлак (بیلاق)– горное летнее пастбище, кочевье

¹³⁴Moosvi, Sh. The Economy of the Mughal Empire, C. 1595: A Statistical Study. Delhi: Oxford University Press, 1987. P. 9–10.

¹³⁵ Следует упомянуть, что, так как термины «суба», «паргана» и «махалла» в отношении административного деления в Индии уже стали привычными для использования в русском языке в таком виде, в данной работе они также будут писаться в соответствии с устоявшейся нормой. Написание же остальных административных наименований будет выдержано в традиции передачи персидских слов кириллическим алфавитом.

Шахр (شهر) = *балад* (بلد) = *дийар* (ديار) = *иклим* (اقلیم) – автор использует все эти слова для обозначения Кашмира как территории или области.

Если говорить о термине «провинция», то автор, говоря о самом Кашмире, применяет термин *суба*, и *субадар* для наместника, соответственно. Эта должность назначалась падишахом, таким образом, *субадар* Кашмира назначался падишахом из династии Великих Моголов. Помимо Кашмира, в тексте под наименованием *суба* упоминаются Лахор и Акбарабад (Агра).

В тексте также упоминается термин *остан*. Под этим наименованием автор упоминает иранский Мешхед, когда рассказывает о человеке, который переехал жить в Иран в соответствующую провинцию (B720, f. 225b). Однако, более часто этот термин используется в значении усыпальница – *арамгах*. В словаре Му‘ина для слова *остан* также приведено значение *арамгах* – усыпальница¹³⁶.

Далее следует административная единица под названием *паргана*, несколько таких единиц входили в состав одной *субы*: Камрадж¹³⁷, Андаркот¹³⁸, Вулар¹³⁹, Барамула¹⁴⁰ – все эти топонимы можно увидеть на современной карте Кашмира.

Паргана представляла собой территориально-налоговую единицу в составе *субы* (провинции), которая включала несколько деревень, тогда как *махал* являлся чисто фискальной единицей, часто использовавшейся как синоним *парганы*, но иногда представлявшей собой меньшую и более конкретную единицу для сбора налогов. Основное различие заключается в том, что *паргана* была комбинированной территориально-налоговой единицей, в то время как *махал* представлял собой преимущественно финансовое подразделение, используемое для оценки и взимания податей.

В настоящее время в административном делении Индии и Пакистана существует единица под названием *техсил*. В основном *техсил* состоит из города,

¹³⁶Mo‘in, Mohammad. Farhang-e Fārsi-ye Mo‘in [Словарь персидского языка Мухаммада Му‘ина]. Tehran: Adna, 1381 [2002/2003]. P. 135.

¹³⁷Камрадж – сейчас район в провинции Сринагар индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹³⁸Андаркот – город с большим археологическим значением, округ Барамула индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹³⁹Вулар – населенный пункт недалеко от Авантипура, в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹⁴⁰Барамула (или Барамулла) – город и округ индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

который служит его центром, и некоторого числа деревень. Иногда в состав *техсила* могут входить и дополнительные города. С большой долей вероятности можно сказать, что *техсил* по своей сути схож с *парганой*.

Самой маленькой административной единицей в сочинении называется деревня – *карийа*. Из таких деревень состоит *паргана*.

Наравне с термином *карийа* упоминаются также *махалла* и *мауза*¹⁴¹. *Махалла*, как правило, используется в значении квартал или район города, когда автор перечисляет известных ему кашмирских деятелей и места их рождения и смерти. Например, место жительства автора, на основании которого сконструирована его фамилия – Дидамар, упоминается под наименованием *махалла*, то есть район Сринагара (B720, f. 75b, 99a, 279b).

*Мауза*¹⁴² – термин, который можно перевести как «место», «местность» или «деревня». Это наименьшая административная единица, соответствующая отдельному населенному пункту или деревне. *Мауза*¹⁴³ используется преимущественно в *хатиме*, которая посвящена интересным природным объектам Кашмира, таким, как озеро, пещера или источник, и используется в значении «местность». Например, *мауза*¹⁴¹ Авантипур¹⁴¹ или Чандракот¹⁴². Интересно отметить, что в языке урду, который сейчас занимает место основного языка в Кашмире, *мауза*¹⁴³ используется в значении «деревня».

В контексте административного устройства Кашмира при Великих Моголах существовал институт *тханы*¹⁴³ – военно-административной единицы, создававшейся в стратегически важных горных районах и на опасных перевальных путях. Эти укрепленные посты возводились для охраны границ империи Великих Моголов в целом и кашмирской *субы* в частности, а также обеспечения безопасности торговых и военных дорог, проходивших через труднодоступную местность.

¹⁴¹Авантипур – сегодня город в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹⁴²Чандракот – деревня недалеко от нынешней Барамулы, индийская союзная территория Джамму и Кашмир.

¹⁴³Habibi, ‘Abdul Hay. Tarikh-i Afghanistan dar asr-i Gurganiyan-i Hind. [История Афганистана в эпоху Гурганидов (Моголов) Индии]. Kandahar, 1389 [2010]. P. 209–210.

Каждая *тхана* управлялась *тханадаром* (B720, f. 274a) – военным командиром, ответственным за оборону вверенного участка и командование расквартированным гарнизоном. Учитывая горный рельеф и пограничное положение Кашмира, система *тхан* играла особенно важную роль в поддержании могольского контроля над регионом и защите от внешних угроз со стороны соседних территорий.

Отдельно хотелось бы отметить такие лексические единицы, как *шахр* (уст. страна); *балад* (город; страна; область); *дийар* (место обитания; область, край; страна); *иклим* (страна, край; область; округ). Этими словами автор часто называет сам Кашмир в значении большой территории, и использует эти слова как синонимы.

Единожды в тексте упоминается термин тюркского происхождения *йайлак* – зимовье, кочевье, предместье гор (B720, f. 286b).

Некоторую путаницу вызывает близость значений терминов *карийа* и *мауза*‘.

Карийа – это собственно деревня или село, базовая населенная единица. Слово *карийа* происходит от арабского корня и обозначает непосредственно поселение сельского типа. *Мауза*‘ – это административная территориальная единица, которая может включать в себя одну или несколько деревень (*карийа*) с прилегающими земельными угодьями. *Мауза*‘ представляет собой более сложную территориально-административную концепцию, обозначающую местность или район в составе махала. Таким образом, *карийа* обозначает именно населенный пункт как таковой, а *мауза*‘ – более широкое понятие территориальной единицы в административной системе, которая могла включать деревни, сельскохозяйственные земли и природные ресурсы.

Таким образом, система административного деления Кашмира в XVIII в. выглядела следующим образом: *суба* – *паргана* – *махал* – *мауза*‘ – *карийа*.

Также в тексте фигурируют «*махалы* без определенных *мауза*‘» или «*махалы* без фиксированных населенных пунктов». Это означает, что в Кашмире существовали административные округа (*махалы*), которые не имели четко закрепленных за ними деревень или поселений (*мауза*‘). То есть, это были

территориальные единицы с неопределенными границами или составом входящих в них населенных пунктов.

Из контекста можно понять, что всего во времена автора, согласно описям, кашмирская *суба* включала в себя пятьдесят пять *махалов*, «общий доход которых составляет двадцать восемь *куруров* дирхамов»¹⁴⁴. Из этих пятидесяти пяти махалов сорок девять – это собственно Кашмир, а шесть оставшихся – Большой и Малый Тибет, Киштвар¹⁴⁵, Гилгит¹⁴⁶, Барсала¹⁴⁷ и Сарсала¹⁴⁸. Автор подчеркивает, что с течением времени могольская администрация постепенно утратила реальную власть над шестью внешними для Кашмира *махалами*, сохранив лишь номинальный контроль над двумя Тибетами и Киштваром через систему подношений и дани.

Вместе с этим двенадцать *махалов* были особыми административными единицами – «*махалы* без фиксированных населенных пунктов». Семь из них вообще не приносили систематического дохода в казну (Пакхли¹⁴⁹, Вардудж¹⁵⁰, Дхамиял¹⁵¹, Дхамтур¹⁵², Кашиал, Камлак, Кухсал¹⁵³), а пять, хотя и не имели определенных *мауза*¹⁵⁴, все же приносили доход (Бангил¹⁵⁴, Пунч, Раджаури¹⁵⁵, Адавин¹⁵⁶ и Наушахра¹⁵⁷). Это свидетельствует о том, что они, вероятно, представляли собой пограничные территории или области со специальным административным статусом.

В тексте упоминается, что тридцать семь *махалов* объединяли в общей сложности 3270 *карийа* (Приложение XVIII).

¹⁴⁴В словаре Рубинчика *курур* – 500 тысяч, полмиллиона См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 2, С. 322.

¹⁴⁵Киштвар – сегодня округ в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹⁴⁶Гилгит – сегодня административный центр Пакистанского региона Гилгит-Балтистан.

¹⁴⁷Барсала – сегодня деревня в регионе Азад Кашмир, формально под управлением Пакистана.

¹⁴⁸Сарсала – сегодня деревня в округе Гуджарат, Пенджаб, Пакистан.

¹⁴⁹Пакхли – в настоящее время данный населенный пункт входит в состав Хазарейского округа Северо-Западной пограничной провинции Пакистана.

¹⁵⁰Вардудж – населенный пункт в провинции Бадахшан, Афганистан.

¹⁵¹Дхамиял – сейчас деревня в округе Равалпинди в провинции Пенджаб, Пакистан.

¹⁵²Дхамтур – сейчас населенный пункт в провинции Хайбер-Пахтунхва, Пакистан.

¹⁵³Соответствия с современными населенными пунктами установить пока не удалось.

¹⁵⁴Бангил – населенный пункт недалеко от нынешней Барамулы, индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹⁵⁵Раджаури или Раджоури – сейчас город и округ в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹⁵⁶Адавин – сейчас Анантнаг, город и округ в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

¹⁵⁷Наушахра – сейчас город и округ провинции Хайбер-Пахтунхва, Пакистан.

Следует отметить, что в ходе диссертационного исследования не удалось обнаружить такого подробного списка административных единиц Кашмира ни в исторических источниках, к которым мог обращаться Мухаммад А'зам, ни в научной литературе. Существует ряд исследований, посвященных административной системе империи Великих Моголов, где подробно объясняются особенности административного деления страны и даже приводятся списки *парган* для некоторых *суб*¹⁵⁸. Однако, для кашмирской *субы* таких списков не приводится. Таким образом, «Ваки'ат-и Кашмир» представляет собой ценный источник по административной истории Кашмира эпохи Великих Моголов, содержащий детальную информацию об административном делении региона, которая не была зафиксирована в современных научных исследованиях и, возможно, не сохранилась в других исторических документах.

Во Введении автор идентифицирует город Сринагар как административный центр («центр провинции»), указывает на его статус резиденции правителей («город, где жил правитель»), а также отмечает временные рамки этого статуса («в старые времена до окончания правления правителей Кашмира») Эта историческая ретроспектива демонстрирует понимание автором политической эволюции региона и смены центров власти (B720, f. 5b).

Административная система Кашмира была построена по принципу центрального подчинения. Во главе провинции стоял *субадар* (наместник), назначаемый непосредственно падишахом. В качестве синонима автор текста в равной степени использует также словосочетание *назим*¹⁵⁹ *субы*.

Субадар имел *найиба* (заместителя), который часто фактически осуществлял повседневное управление регионом. Помимо этого, существовали

¹⁵⁸См.: Moosvi, Sh. The Economy of the Mughal Empire, C. 1595: A Statistical Study. Delhi: Oxford University Press, 1987; Saran. P. The Provincial Government of the Mughals, 1526-1658. Allahabad: Kitabistan, 1941.

¹⁵⁹*Назим* (ناظم) – устроитель, распорядитель. См.: Dekhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998, Vol. 14, P. 22191.

специализированные должности: *кази*¹⁶⁰ (судья), *мушириф*¹⁶¹ (контролер), а также различные военно-административные чины вроде *мансабдаров*.

Интересной особенностью было то, что *субадары* часто получали в управление территории в качестве *джагира* – земельных пожалований с правом сбора налогов. Так, район Дачан Кхавара в области Камраддж входил в *джагир* самого *субадара* ‘Инайат Аллах-хана (В720, f. 236а).

В начале XVIII в. наблюдается характерная трансформация административной системы. Вместо прямого управления *субадаров* появляется многоуровневая иерархия с заместителями наместников, имеющими собственный аппарат. *Субадары* все чаще оставались при дворе, делегируя управление провинциями своим представителям – *найибам*. Это увеличивало бюрократию и способствовало коррупции. Показательным примером служит назначение Навазиш-хана Руми *субадаром* Кашмира, который назначил своим заместителем муллу Ашрафа, но тот даже не успел прибыть в регион из-за смерти падишаха Аурангзеба (В720, f. 234а).

Одной из главных проблем административной системы Кашмира была крайняя нестабильность. Смена наместников происходила с поразительной частотой: некоторые правители находились в должности менее года, а Ихтирам-хан пробыл *субадаром* всего 17 дней.

Налоговая система включала традиционные исламские налоги: *харадж* (поземельный налог) и различные подношения. Назначаемые наместники не всегда добросовестно исполняли свои обязанности, нередко злоупотребляя предоставленными им полномочиями. Население Кашмира подвергалось тяжелому налоговому бремени при таких правителях. Одним из таких налогов был *чаут* – налог в размере одной четверти от урожая или доходов¹⁶². Помимо этого, жители

¹⁶⁰*Кази* (قاضی) – судья; казий, кази; общепринятое название мусульманского судьи-чиновника, назначаемого правителем и отправляющего правосудие на основе шари’ата. См.: Прозоров, С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 125.

¹⁶¹В персидском *мушириф* (مشرف) – возвышающийся, господствующий, доминирующий; в урду – чиновник или служащий (казначейства), который заверяет счета и документы, наблюдатель, ревизор, инспектор. См.: Rekhta Dictionary: Urdu to Hindi, English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rekhtadictionary.com/meaning-of-mushrif> (дата обращения: 20.01.2026)

¹⁶²*Чаут* (от санск. «одна четверть») – налог в размере одной четверти, взимаемый с урожая или доходов. См.: Chhabra, G S. Advance Study in the History of Modern India. Vol. 1. New Delhi: Lotus Press, 2005. P. 62.

были обязаны платить налог на содержание псарни для охотничьих собак правителя и налог на охоту.

В тексте упоминается *фудждари* – военно-административная единица, что указывает на существование территориального деления с военно-административными функциями (B720, f. 241b).

Мансабдары представляли военно-служилую знать, получавшую земельные пожалования в обмен на военную службу. В 1730-х гг. местные *мансабдары* во главе с Мухаммадом Джа‘фаром Кантом выразили недовольство властями и пренебрегли своими обязанностями по защите территорий (B720, f. 265b).

Административная система учитывала региональные особенности. Отдельно управлялись такие области как Музаффарабад, Пунч, Киштвар, Джамму. Правители этих регионов могли иметь значительную автономию, что иногда приводило к конфликтам с центральной администрацией Кашмира.

Сочинение не лишено личных наблюдений Мухаммада А‘зама. Так, здесь фигурирует упоминание о «нескольких тысячах деревень» в прошлом, что указывает на высокую плотность населения и развитую систему сельских поселений. Однако, автор отмечает сокращение количества населенных пунктов из-за «бедствий и несчастий», что свидетельствует о демографических сдвигах и исторических катаклизмах в регионе.

Автор приводит свои мысли о военно-оборонительных особенностях, отмечая, что местность практически непреодолима для внешних завоевателей без поддержки местного населения. Текст также косвенно указывает на существование определенной политической автономии и самоуправления в регионе (B720, f. 6a).

Автор отмечает, что в его бытность (B720, f. 285b) в регионе наблюдался достаточно высокий уровень безопасности на дорогах, что говорит о стабильной социальной обстановке, низком уровне преступности и эффективном управлении: поддержание такого уровня безопасности предполагает наличие эффективной системы управления и поддержания порядка со стороны властей.

Что касается экономических аспектов, то некоторое их количество также можно наблюдать в тексте сочинения. Мухаммад А‘зам пишет об улучшении и

реорганизации рыночной инфраструктуры на фоне данных, взятых им из «Тарих-и Рашиди».

В заключительной части сочинения (B720, f. 285b) автор отмечает «дешевизну зерна и других товаров» и экономическую «умеренность» жизни, что можно интерпретировать как отсутствие чрезмерного расслоения и относительно справедливое распределение ресурсов.

Также автор отдельно останавливается на теме производства кашмирских шалей. Кашмирская шаль представлена как уникальный товар, который не имеет аналогов в арабских и персидских странах, что говорит о региональной специализации и монополии на определенный сегмент рынка (B720, f. 292b). Описание шали как изделия с исключительными характеристиками (изящество, качество, мягкость, легкость, долговечность) указывает на высокий уровень мастерства и развитие производственных технологий в регионе. Упоминание о том, что «большинство людей в мире получают пользу» от шалей через «использование или через торговлю и коммерцию», свидетельствует о включенности региона в международные торговые сети и экспортной ориентации производства.

Тем не менее, отрывок демонстрирует классический пример экономического парадокса: регион производит товар, известный далеко за его пределами, который создает значительную экономическую ценность, но непосредственные производители этой ценности не получают справедливой доли дохода. Ткачи описываются как одни из «самых слабых и беспомощных людей» региона, они «никогда не видят благополучия и всегда остаются нуждающимися и истощенными», а обозначение их как отдельного «племени» может указывать на их принадлежность к определенной социальной касте или группе с фиксированным низким статусом в обществе.

Еще одним значимым для Кашмира промыслом автор называет ледовый промысел. (B720, f. 290a–290b). Упоминание о том, что «множество людей живут и зарабатывают на этом промысле», указывает на формирование целого экономического уклада вокруг добычи льда. В сословной структуре общества первой половины XVIII в. это означало появление профессиональной группы со

своим местом в социальной иерархии, со специфическими навыками и экономическими интересами. Мухаммад А'зам отмечает высокое качество кашмирского льда и пишет о том, что его добычей в регионе занимаются круглый год. Любопытным является тот факт, что, по мнению автора, об этой особенности Кашмира до него никто не писал.

Описание земельных ресурсов выявляет разнообразие сельскохозяйственных угодий:

- орошаемые земледельческие угодья;
- богарные земли (неорошаемые);
- цветники;
- фруктовые сады;
- естественные луга с полыньёю;
- природные ландшафты с разнообразной флорой.

Примечательно, что автор упоминает о том, что в регионе имеются земли, непригодные для земледелия из-за избыточной влажности, однако их используют как «цветущие сады для развлечения людей». Это говорит о высоком уровне эстетического освоения ландшафта и, возможно, об избыточности сельскохозяйственных угодий, позволяющей не использовать всю доступную землю под посевы.

Таким образом, экономические описания в сочинении Мухаммада А'зама формируют целостный образ Кашмира как региона с исключительными природными условиями и разнообразным хозяйственным потенциалом. Автор фиксирует развитую аграрную базу, уникальные промыслы (производство шалей, добыча льда) и включенность региона в международные торговые сети. Вместе с тем текст обнажает внутренние противоречия: экономическое процветание региона соседствует с социальным неравенством, а производители материальных благ остаются на низших ступенях общественной иерархии.

Административное устройство Кашмира отражает общие тенденции упадка Могольской империи XVIII в.: ослабление центральной власти, рост автономии региональных элит, нестабильность административного аппарата и неспособность эффективно контролировать отдаленные провинции.

2.4 Религиозная и культурная жизнь Кашмира по данным сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир»

Представляется несколько непростой задачей отразить религиозно-культурный аспект жизни Кашмира с опорой на данное сочинение, поскольку текст в целом является сборником кратких справок о выдающихся религиозных и культурных деятелях региона. Тем не менее, в тексте существует ряд конкретных примеров, на которые необходимо обратить внимание.

Так, в заключительной части сочинения автор подчеркивает, что поскольку население Кашмира выделялось своей религиозностью, он находит уместным назвать Кашмир вторым после Мавераннахра по соблюдению законов шариата (B720, f. 285b). Мавераннахр был значимым центром исламской учености, поэтому такое сравнение весьма почетно. Также говорится о постепенном исчезновении храмов «идолопоклонников» в результате распространения ислама, упоминаются руины в Мартанде как свидетельства доисламского прошлого региона и высказываются оценочные суждения о «свете ислама» и «прочной религии» (B720, f. 9a), которые отражают мусульманскую перспективу автора.

Несмотря на то, что настоящая глава в целом посвящена событиям, современным жизни автора источника, представляется необходимым начать рассмотрение религиозной составляющей с исламизации Кашмира, поскольку данный подход позволит выявить специфику религиозного развития региона к моменту создания исследуемого текста. Обращение к историческому контексту принятия ислама кашмирским обществом дает возможность проследить трансформацию религиозной ситуации в регионе и понять те ее особенности, которые непосредственно наблюдал автор.

Религиозная политика правителей Кашмира XIV–XVIII вв.

Как уже упоминалось выше, принятие ислама Ринчан-шахом (1320–1323) произошло благодаря мистическому откровению и встрече с Баба Булбул-шахом. Была построена первая *ханака* и соборная мечеть, что положило начало исламской инфраструктуре в регионе. Центральной темой религиозной истории Кашмира быстро становится противостояние между суннитами и шиитами. Особую роль играет фигура Шамса 'Ираки, который «сочинил и распространил книгу под названием "*Ахват*" по шиитскому вероучению». (B720, f. 85b–86b).

Различные султаны проводили разную религиозную политику. Султан Сикандар (1398–1413) активно боролся с немусульманским населением: «разрушил множество храмов неверных», «было сожжено три *харвара*¹⁶³ нитей *зуннаров*¹⁶⁴ людей, которые стали мусульманами» (B720, f. 49b). В то же время султан Зайн ал-'абидин (1420–1470) проявлял религиозную терпимость: «в его дни индусы и мусульмане, даже все приверженцы религий не имели между собой разногласий» (B720, f. 56b).

Прибывший в 1540 г. в Кашмир мирза Мухаммад Хайдар представлен как борец за суннитскую традицию. Он «явно восстановил в этой местности суннитские обычаи, поджег *ханаку* Джадибал, извлек кости Шамса 'Ираки и сжег их», а также «учинил большие разрушения и наказания в отношении шиитов». Его правление показано как период восстановления «правильной» религии после периода «отклонений» (B720, f. 91a).

Особенно драматично описывается религиозная политика правителей из династии Чак. Правление Хусейн-шаха (до 978 г.х. / до 1570 г. н.э.) ознаменовалось серьезными религиозными конфликтами. Правитель активно продвигал шиитский мазхаб, что привело к напряженности с суннитским большинством населения. Кульминацией стала казнь двух суннитских муфтиев, что вызвало проклятия народа и заложило основу длительной вражды между религиозными общинами.

¹⁶³*Харвар* (خوار) – варьирующаяся по районам мера веса. В словаре Ю.Я. Рубинчика равна 300 кг. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 550.

¹⁶⁴*Зуннар* (زنار) – грубый волосяной пояс, который обязаны были носить христиане как подданные мусульманских правителей. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 766.

Интересно упоминание о том, что Хусейн-шах в разные дни недели проводил время с разными группами населения, а «в субботу – с брахманами и пандитами», что показывает сосуществование ислама с местными индуистскими традициями (B720, f. 104a).

Йа‘куб-шах Чак (994–995 гг.х. / 1586–1587 гг. н.э.) также занимался религиозными преследованиями суннитов. Казнь почитаемого народом кази Мусы за отказ включить в азан шиитские формулы окончательно настроила население против правителя (B720, f. 113a–114a).

В начале Третьей главы сочинения упоминается, что в период завоевания Кашмира войсками Акбара регион переживал внутренние междоусобицы, среди которых были столкновения на религиозной почве между суннитами и шиитами. Этот фактор ослаблял Кашмир и облегчил его завоевание могольской армией (B720, f. 114a–117b).

Более подробно религиозное противостояние описано в период правления *субадара* Зафар-хана (1633–1640). Конфликт начался в местности Майа Сума во время сбора тутовых ягод, когда шииты публично оскорбляли почитаемых суннитами лиц, что вызвало возмущение суннитской общины. Представители суннитов обратились к шариатскому судье Абу-л-Касиму, который вынес постановление против оскорбителей. Однако Зафар-хан, будучи наместником, медлил с исполнением наказания, вызвав народное недовольство.

В этот конфликт вмешался влиятельный суфийский шайх накшбандийского тариката ходжа Хаванд Махмуд. Под давлением общественности и авторитета ходжи правитель был вынужден наказать виновных, но позже отправил жалобу падишаху, в результате чего ходжа Хаванд Махмуд был вызван ко двору и покинул Кашмир (B720, f. 158b–164b).

При правлении Ибрагим-хана (1660/1661) был разрешен религиозный спор между суннитами и шиитами о принадлежности мечети Арут. В результате мечеть осталась в руках суннитов, что свидетельствует о политической поддержке суннитской общины (B720, f. 190b–193b).

При *субадаре* Сайф-хане (1665–1666) велось важное религиозное разбирательство против Хусейна Малика Чадуры, обвиненного в оскорблении сподвижников Пророка. Несмотря на поддержку шиитской знати, падишах Аурангзеб приказал казнить обвиняемого, что вызвало дополнительную напряженность между суннитскими и шиитскими общинами (B720, f. 190b–193b).

Этот случай демонстрирует не только остроту религиозных противоречий в Кашмире, но и влияние центральной власти на религиозные дела в провинции, а также жесткую просуннитскую политику Аурангзеба.

Также, во время правления Сайф-хана произошло знаменательное событие: правитель Большого Тибета Дилдил Бахмал принял ислам и начал строительство соборной мечети (B720, f. 190b–193b). Это свидетельствует о религиозной экспансии ислама за пределы непосредственно Кашмира и влиянии могольской власти на распространение ислама в прилегающих регионах.

В период правления Мубариз-хана (1667/1668) Кашмир посетил ‘Абд Аллах-хан, правитель Кашгара, отрекшийся от престола из-за конфликта с сыном и направлявшийся в хадж. Мубариз-хан оказал ему достойный прием и выделил значительные средства из казны (B720, f. 190b–193b). Это событие указывает на религиозные связи между мусульманскими регионами Центральной Азии и важность Кашмира как транзитного пункта для паломников.

Субадар Кавам ал-дин-хан (1675–1678) привнес в жизнь кашмирцев специальный метод наказания преступников – «*тахта кулах*»¹⁶⁵ (B720, f. 190b–193b). Это свидетельствует о развитии местной системы наказания с учетом исламских норм (Приложение IV).

Один из наиболее серьезных религиозных конфликтов произошел во время второго правления Ибрагим-хана (1680–1685 гг.). В тексте описывается, как частная ссора между шиитом ‘Абд ал-Шукуром и суннитом Садиком переросла в масштабное межконфессиональное противостояние (B720, f. 203a–205a).

¹⁶⁵*Тахта кулах* (تخته کلاه) – вид наказания: деревянная шляпа с колокольчиками, которую надевают на головы преступников, чтобы пристыдить их. См.: Dehkhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 5, P. 6518.

Особенностью этого конфликта было то, что он быстро приобрел политический характер: Ибрагим-хан, пытаясь защитить шиитов, встретил сопротивление со стороны кази Мухаммада Йусуфа и суннитского большинства. Конфликт привел к массовым поджогам и убийствам. Шиитский квартал Сринагара Хасанабад был сожжен, а на политическом уровне произошел раскол: Фидайи-хан (сын Ибрагим-хана) поддержал шиитов, а кабульские ханы и местная знать встали на сторону суннитов.

Кульминация конфликта наступила, когда Ибрагим-хан был вынужден выдать 'Абд ал-Шукура, который затем был казнен вместе с сыновьями и зятем. Примечательно, что конфликт не прекратился даже после этого – был убит предводитель шиитов Баба Касим. Лишь вмешательство падишаха Аурангзеба, назначившего нового *субадара* и *кази*, смогло стабилизировать ситуацию.

Субадар Абу Наср-хан, пришедший к власти в 1103 г.х. (1691/1692 г. н.э.), казнил некоего Рустама Манту по обвинению в богохульстве, а также изгнал из Кашмира некоего Мир Хусейна из Сабзивара, так как с его деятельностью связали необычное природное явление в месяц рамадан, когда днем внезапно наступила тьма, а затем вновь появилось солнце, что привело к нарушению поста мусульманами.

После Абу Наср-хана правителем стал Фазил-хан в 1109 г.х. (1697/1698 гг. н.э.). Важнейшим религиозным событием в период правления Фазил-хана стало прибытие в Кашмир священной реликвии – волоса Пророка Мухаммада, приобретенного ходжой Нур ал-дином в Биджапуре¹⁶⁶. Это событие вызвало большое религиозное воодушевление среди местного населения. (B720, f. 220a–222a; 223b–224b).

В период правления 'Инайат Аллах-хана с 1124 г.х. (апрель-май 1712 г. н.э.) произошло несколько случаев религиозных преследований, включая казнь Халил-бека курда, обвиненного в отступничестве от веры, и принудительное обращение в ислам некоего человека вместе с его детьми. (B720, f. 233b–237b).

¹⁶⁶Биджапур – город в индийском штате Карнатака.

К началу XVIII в., конфликты на религиозной почве вышли за пределы суннитско-шиитских. Наиболее подробно описан религиозный конфликт между мусульманами и индусами, начавшийся в 1132 г.х. (1719/1720 г. н.э.) (B720, f. 252a–256b). Этот конфликт был спровоцирован деятельностью некоего Мухтави-хана, который начал активно продвигать строгое соблюдение шариатских предписаний в отношении немусульман (*зиммиев*).

Субадар Мир Ахмад-хан (1717–1720), понимая сложность ситуации и влияние индусов, не решался ввести эти ограничения. Однако Мухтави-хан сумел собрать вокруг себя многочисленных учеников и простолюдинов, что привело к эскалации конфликта. Мусульмане начали принуждать индусов спешиваться с лошадей, угрожать им и наказывать их на улицах. Ситуация быстро ухудшилась, перейдя к разрушению домов и захвату имущества индусов.

Попытка Мир Ахмад-хана восстановить порядок спровоцировала народные волнения и столкновения, в результате которых многие сторонники Мухтави-хана были убиты, а в городе случился пожар, уничтоживший целые кварталы.

После убийства Мухтави-хана в результате заговора местных чиновников, события приняли еще более трагический оборот. Разъяренные простолюдины напали на шиитов в квартале Джадибал, обвиняя их в сговоре с индусами и причастности к убийству Мухтави-хана. Множество шиитов было убито, была разрушена *ханака* Мир Шамса 'Ираки.

Сын убитого Мухтави-хана, мулла Шараф ал-дин, занял место отца и продолжил его дело, что еще больше осложнило ситуацию.

Для урегулирования ситуации в Кашмир был направлен Сайф ал-даула 'Абд ал-Самад-хан, который в начале 1134 г.х. (1721/1722 г. н.э.) вошел в город с большим войском. Он схватил муллу Шараф ал-дина с его сторонниками и вновь разрешил индусам носить тюрбаны, ездить на лошадях и надевать роскошные одежды, что было запрещено в течение полутора лет. Ситуацию в регионе усугубил голод, начавшийся вскоре после религиозных столкновений.

Этот религиозный конфликт и последовавший за ним голод стали одними из самых тяжелых испытаний для Кашмира в первой половине XVIII в.

В 1154 г.х. (1741/1742 н.э.), когда *субадаром* был Абу-л-Баракат-хан, в Кашмире вновь вспыхнули религиозные конфликты. Ходжа ‘Ала ал-дин Накшбанди и Хаджи ‘Атик Аллах Кадири стали центральными фигурами смуты, что привело к столкновениям с представителями власти у Зайна Кадал¹⁶⁷. Несколько кварталов было сожжено, Хаджи ‘Атик Аллах был казнен, а ходжу ‘Ала ал-дина вместе с другими религиозными деятелями отправили к властям.

Строительство религиозных объектов в Кашмире

Сочинение содержит многочисленные упоминания о строительстве, восстановлении и ремонте религиозных сооружений, что свидетельствует о важности материального воплощения исламской культуры в Кашмире.

В 1027 г.х. (1618/1619 г. н.э.) произошел крупный пожар, уничтоживший около 10–12 тысяч домов, включая главную соборную мечеть, построенную ранее султаном Сикандаром Бутшиканом. Причиной пожара называется религиозная напряженность между суннитами и шиитами, что еще раз подчеркивает остроту межконфессиональных отношений. Мечеть впоследствии была восстановлена маликом Мухаммадом Наджи (B720, f. 142a–145a).

Хайдар Малик Чадура занимался восстановлением канала Лачхам Кул, что было важно для водоснабжения соборной мечети и прилегающих кварталов. Это показывает внимание к инфраструктуре, обеспечивающей функционирование религиозных учреждений.

Субадар Ислам-хан (1663/1664) построил кирпичную мечеть Мусалла на площади Идгах на месте старой деревянной, а также благоустроил территорию мечети ‘Али, срубив старые тутовые деревья и посадив платаны. Это свидетельствует о продолжавшемся благоустройстве религиозных сооружений и замене деревянных построек на более долговечные кирпичные (B720, f. 190b).

Субадар Ифтихар-хан (1672/73–1676/77) построил мечеть вблизи мавзолея муллы Мухаммада Парсы. В его правление случился пожар, уничтоживший

¹⁶⁷Зайна Кадал – район в Сринагаре.

значительную часть города, включая соборную мечеть, которая затем была восстановлена по указу падишаха. (B720, f. 190b–193b)

Роль женщин в распространении ислама в Кашмире

В анализируемом тексте отчетливо прослеживается значительная роль женщин на религиозном поприще средневекового исламского общества. Женщины выступали не только как благочестивые последовательницы суфийских учений, но и как активные участницы формирования религиозной инфраструктуры и духовной жизни общества.

Ладжма-хатун, дочь визира султана Сикандара Бутшикана (1389–1413) и впоследствии супруга малика Джалал ал-дина, представляет собой пример женщины из высших слоев общества, активно участвовавшей в религиозной жизни. Будучи мюридом известного суфийского шайха Мир Саййида Мухаммада Хамадани, она не ограничилась духовной практикой, но воплотила свою веру в конкретных делах, осуществив масштабный инфраструктурный проект – строительство водного канала для обеспечения *ханаки* водой. Тот факт, что канал получил название Ладжма-кул в ее честь, свидетельствует о признании обществом значимости ее вклада (B720, f. 82a).

Наиболее впечатляющим примером женской благотворительности является деятельность Салих Маджи, сестры Каджи Чака и супруги Мухаммад-шаха (1484–1486). Мухаммад А‘зам отмечает, что она лично боролась с прошиитским влиянием Мир Шамс ал-дина ‘Ираки и осуществила грандиозный проект по восстановлению разрушенной суннитской *ханаки*, вложив значительные по тем временам средства – 3000 рупий и 60000 танга. Ее социальная программа поражает масштабом благотворительности: раздача 1200 отрезков украшенного сукна мастерам, 5000 головных уборов рабочим, организация угощения для 10000 человек и учреждение регулярной помощи бедным. Юридическое оформление пожертвований *вакфной* грамотой с печатью правителя и назначение попечителя свидетельствуют о ее понимании институциональных механизмов и стремлении

обеспечить долгосрочное функционирование созданной системы (B720, f. 86b–87a).

Особенно примечательна фигура Санка-биби, которая в период пребывания у власти в Кашмире Исма‘ил-шаха (1540е гг.) достигла выдающихся высот в духовной практике, превзойдя в подвижничестве и аскетизме даже мужчин. Ее роль как духовной наставницы шайха Ник-риши демонстрирует, что женщины могли занимать позиции религиозного лидерства, направляя мужчин на путь духовного служения. Сакральность ее личности подчеркивается тем, что рядом с ее мавзолеем находится место, почитаемое как могила пророка Мусы (B720, f. 95a–95b).

В начале правления Джахангира (1605–1627) Айша-биби, дочь шайха Ибрагима и супруга шайха Хайдара, воплощала идеал женской праведности своего времени. Ее духовный авторитет был настолько велик, что после смерти ее гробница в районе Дивасар стала местом паломничества. Материальное наследство, которое она оставила и которое было распределено между жителями деревни, указывает не только на ее благосостояние, но и на социальную ответственность и религиозность (B720, f. 149b).

Сахиба-бегум представляет пример эффективного женского управления религиозными институтами. После смерти мужа, хазрата ходжи Му‘ин ал-дина, в 1085 г.х. (1674/1675г. н.э.), когда все три сына также скончались в юном возрасте, она взяла на себя полную ответственность за управление *ханакой*. Ее административные способности были настолько выдающимися, что организованная ею работа служителей и система обеспечения обитателей комплекса «осталась памятной для людей того времени» (B720, f. 196a).

Таким образом, текст «Событий Кашмира» демонстрирует, что женщины в средневековом исламском обществе региона активно участвовали в его религиозной жизни разными способами: строительство религиозной инфраструктуры, масштабная благотворительность, духовное наставничество и управление религиозными комплексами.

Официальное признание их деятельности через *вакфные* грамоты, государственные печати и народное почитание свидетельствует об институциональной интегрированности женской религиозной практики в социальную структуру того времени.

Культурная жизнь Кашмира

Культурные нововведения касались в основном садово-паркового устройства, поскольку Кашмир, как не однократно упоминается в сочинении, являлся любимым местом отдыха падишахов.

В тексте содержатся многочисленные упоминания о создании садов могольскими наместниками и правителями:

- при Зафар-хане (1633–1640) были обустроены два новых сада: Зафарабад и Голшан. Он также культивировал в Кашмире новые виды растений, ранее там не произраставшие: лилии, розы, вишни (B720, f. 158b–164b).
- Сайф-хан (1665–1666) известен облагораживанием сада Сайфабад на берегу озера Дал (B720, f. 190b–193b).
- Кавам ал-дин-хан (1675–1678) устроил сад в районе Идгах (B720, f. 190b–193b).

Таким образом, на основании текста можно сделать вывод, что религиозно-культурная жизнь Кашмира с приходом ислама представляла собой сложную структуру. В основе социальных процессов лежала напряженность между суннитской и шиитской общинами, которая периодически выливалась в открытые конфликты. К началу XVIII в. религиозная напряженность усложнилась с появлением мусульмано-индуистских столкновений.

Могольская администрация активно проводила политику исламизации через строительство мечетей, внедрение шариатских норм и преследование вероотступников. При этом центральная власть, особенно при Аурангзебе,

непосредственно вмешивалась в религиозные дела провинции, демонстрируя особую значимость Кашмира в религиозной политике империи.

Важную роль в жизни общества играли духовные лидеры – суфийские шайхи и *кази*, которые не только решали религиозные вопросы, но и влияли на политические процессы, иногда противостоя официальным наместникам. Религиозное мировоззрение глубоко проникло в повседневность: природные явления и бедствия получали сакральное истолкование.

Культурное развитие Кашмира в этот период представляло собой синтез исламских традиций с местными практиками. Наряду с религиозными сооружениями, наместники создавали сады по могольской традиции, адаптируя персидско-исламскую эстетику к местному ландшафту.

Автор представляет Кашмир как сложный культурно-религиозный комплекс, где различные исламские течения взаимодействовали с локальными традициями под управлением могольской административной системы.

2.5 Этнографические сведения о Кашмире, представленные в тексте «Ваки‘ат-и Кашмир»

Ряд сюжетов, представленных в тексте «Событий Кашмира», отражают богатую картину религиозно-мифологических представлений кашмирцев первой половины XVIII в. Эти сюжеты представляют собой ценный этнографический материал, отражающий повседневные религиозные практики, верования и обычаи кашмирцев того периода.

Описанные в тексте церемонии у источников демонстрируют центральное место водных культов в аграрном цикле кашмирцев. Практика обращения к источникам перед началом земледельческих работ указывает на сохранение древних доисламских верований, где вода почиталась как священная стихия. Примечательно, что люди воспринимали источники как одушевленные сущности, способные откликаться на человеческие просьбы и молитвы, что характерно для анимистического мировоззрения.

Ритуальные трапезы и жертвоприношения овец у источников свидетельствуют о вере в необходимость задабривания духов воды для обеспечения успешного сельскохозяйственного сезона. Музыкальное сопровождение и веселье указывают на общинный характер ритуалов, которые, помимо сакрального значения, выполняли и социально-консолидирующую функцию.

Сюжет о ручье Утарланг¹⁶⁸ (B720, f. 286b), где приготовление определенных видов мяса вызывает снегопад, иллюстрирует сложную систему пищевых табу и веру в причинно-следственные связи между человеческими действиями и природными явлениями. Этот элемент отражает экологическое сознание кашмирцев, сформировавшееся в результате многовекового опыта проживания в горной местности, где природные катаклизмы могли нести серьезную угрозу.

Обычай испытания судьбы у источника Пхало¹⁶⁹ (B720, f. 287a) представляет собой уникальную мантическую практику, где вода выступает в роли прорицателя: «Они [люди] наполняют маленькие глиняные сосуды рисом, пишут на них свои имена, закрывают их и бросают в этот источник. Спустя час в тот же день эти сосуды всплывают. У обладателя счастливой судьбы рис выходит приготовленным и чистым, а у того, кто имеет несчастливую судьбу, еда выходит такой же [как была брошена]». Такие гадания были распространены в весенний период, что указывает на их связь с аграрным циклом и стремлением заранее определить успешность предстоящего сельскохозяйственного сезона. Использование риса в этом ритуале подчеркивает его значимость как основной продовольственной культуры региона.

Упоминание мечети, построенной Миром Мухаммадом Хамадани, рядом с которой находится предполагаемый колодец Вавилона с ангелами Харутом и Марутом, является примером религиозного синкретизма (B720, f. 289a). Сохранение древних деревянных конструкций мечети свидетельствует об уважительном отношении к исламскому наследию, в то время как вера в

¹⁶⁸Мухаммад А'зам отмечает, что ручей находится в паргане Лар. Сегодня Лар – город и муниципальный округ в округе Гандербал, индийская союзная территория Джамму и Кашмир.

¹⁶⁹Мухаммад А'зам отмечает, что источник находится в паргане Камрадж.

подземный колодец с ангелами отражает влияние коранических и мифологических представлений.

Описание целебного источника 'Айн ал-Афунат («источник гниения») показывает развитие народной медицины и бальнеологии среди кашмирцев (B720, f. 291a). Рациональное наблюдение о потенциальном содержании серы в воде и ее эффективности при определенных заболеваниях указывает на зарождение эмпирического подхода к лечению, который, однако, все еще тесно переплетался с сакральными представлениями о чудесном исцелении.

Таким образом, религиозно-мифологические представления жителей Кашмира первой половины XVIII в. представляют собой сложный комплекс верований и практик, в котором сосуществуют элементы исламской религии, доисламских культов и местных обычаев. Водные источники играли центральную роль в духовной жизни и повседневных практиках кашмирцев, выступая как объекты поклонения, инструменты гадания и средства исцеления. Аграрные культы и сезонные ритуалы демонстрируют глубокую связь населения с природным циклом и зависимость от сельскохозяйственной деятельности. Синкретизм религиозных представлений отражает историю региона с его последовательной ассимиляцией различных культурных влияний при сохранении самобытных традиций.

Исследуемое сочинение содержит ценные этнографические материалы, предоставляющие возможность проследить изменения в архитектуре, хозяйственной деятельности и культуре досуга кашмирского общества на протяжении двух столетий. Мухаммад А'зам, комментируя более ранние исторические свидетельства и сопоставляя их с современной ему действительностью, создает многослойную картину кашмирской жизни, где древние традиции сосуществуют с новыми социальными практиками.

Так, во Введении (B720, f. 4b–9a) представлен фрагмент из исторического текста «Тарих-и Рашиди», в котором мирза Мухаммад Хайдар Дуглат описывает, каким ему предстал Кашмир в XVI в. Из этого текста Мухаммад А'зам взял описание архитектурных особенностей региона и жилищ местных жителей: в

основном местность была застроена многоэтажными постройками тикового дерева (до пяти этажей), состоящими из нескольких жилых помещений, веранд и балконов, а также ремесленных мастерских, отмечается оригинальность архитектурного стиля. Улицы и переулки были вымощены тесаным камнем, что свидетельствует о развитой городской культуре. Также в отрывке говорится о высокой плотности населения (Приложение I).

Особое внимание в отрывке уделено тутовым деревьям, которые выращивались преимущественно для шелководства, которым славился регион.

Отрывок из текста «Тарих-и Рашиди» был приведен автором для демонстрации изменений в состоянии региона: Мухаммад А'зам отмечает, что в отличие от периода «тимуридских султанов», в его бытность в Кашмире наблюдался заметный упадок, и архитектура, которую красочно описывал мирза Хайдар, уже не вызывала столько восхищения.

В середине XVIII в. Кашмир славился своей культурой досуга, центральное место в которой занимали водные прогулки по живописным озерам региона. Прогулки имели коллективный характер и сопровождались трапезами на природе. Участники наслаждались интеллектуальными беседами о книгах, музыкальными выступлениями с использованием *рабаба*¹⁷⁰. «Плавность движения лодок позволяла даже писать без усилий» (B720, f. 290a).

Отдельно автор упоминает соколиную охоту на водоемах. Для этой цели использовались специально предназначенные озера, например, Васкура¹⁷¹, Хушхал Сар¹⁷². Охота отличалась высоким уровнем организации: участники выпускали ястребов и соколов с лодок, а после успешной охоты птицы садились на воду с добычей, где их подбирали. После кормления птиц снова отправляли на охоту. Количество используемых ловчих птиц могло достигать сотни, а приготовление пойманной дичи происходило прямо в лодках (B720, f. 290b).

¹⁷⁰*Рабаб* (رباب) – одно-двухструнный смычковый инструмент арабского происхождения. Dehkhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 8, P. 11878.

¹⁷¹Озеро Васкура, или Васкура Сар – пресноводное озеро, расположенное примерно в 13 км к западу от города Гандербал в деревне Васкура округа Гандербал, индийская союзная территория Джамму и Кашмир.

¹⁷²Хушал Сар – озеро, расположенное в Сринагаре, индийская союзная территория Джамму и Кашмир.

Во Введении автор также упоминает красоту местных женщин, которая была известна среди персидских поэтов, что свидетельствует о культурных связях с персидским миром и существовании определенного стереотипа о внешности кашмирцев. Также в тексте есть отсылка на представления о медицине: автор пишет о том, что местные фрукты «подходят большинству темпераментов», что отражает представления о гуморальной теории, распространенной в традиционной медицине региона (B720, f. 5a).

Таким образом, зафиксированные в тексте этнографические детали позволяют реконструировать не только религиозные представления, но и социальную организацию, хозяйственный уклад и экологическое сознание кашмирцев XVIII в. Местное население обладало глубоким пониманием природных процессов и выработало сложную систему адаптации к окружающей среде, облеченную в форму религиозных верований и ритуалов.

2.6 Географические представления Мухаммада А'зама

Введение и Заключение «Событий Кашмира» представляют интерес для исследования в качестве справочного материала по исторической географии региона (Приложение I, XVIII).

Во Введении (B720, f. 4b–9a) автор представляет детальное географическое описание Кашмира, демонстрируя хорошее знание географической науки и астрономии.

Астрономическое положение:

Автор точно определяет расположение Кашмира в системе климатов, распространенной в исламской географии:

- расположен в «четвертом климате» (традиционное деление обитаемого мира на семь климатов в арабо-персидской географии);

- широта указана как $33^{\circ}54'$ и 35° от экватора (некоторая непоследовательность в данных);
- долгота 105° от «Блаженных островов» (имеются в виду Канарские острова, ранее служившие точкой отсчета долгот).

Автор отмечает, что географически Кашмир относится к Хорасану, что позволяет предположить, что сочинение было создано в период, когда данные территории рассматривались как части одной культурно-географической общности, а также подробно описывает границы Кашмира, используя четкие кардинальные направления:

- южная граница: горы Кухистана, далее в направлении Дели;
- северная граница: земли Бадахшана и Хорасана;
- западная граница: местность Пакхли, населенная афганскими племенами;
- восточная граница: начало тибетских земель.

Примечательно, что автор использует различные географические маркеры для обозначения границ: природные объекты (горы), политические единицы (Дели, Бадахшан, Хорасан), этнические территории (афганские земли) и культурно-географические регионы (Тибет).

В тексте представлены точные сведения о размерах Кашмира:

- протяженность с востока на запад: около 40 *фарсахов*;
- протяженность с юга на север: 20 *фарсахов*.

Использование *фарсаха* (*парсанга*) как единицы измерения расстояния (приблизительно 5-6 км) характерно для персидской географической традиции. Такая детализация размеров территории свидетельствует о стремлении автора к точности и научному подходу в описании региона.

Описание природы Кашмира в тексте разделяется на два ключевых элемента:

горное обрамление – автор представляет Кашмир как территорию, окруженную горами;

внутренняя равнина – описывается как «плоская пустыня», расположенная среди гор.

Термин «пустыня» здесь, вероятно, используется не в современном понимании (засушливая бесплодная область), а в значении «равнина» или «плоскость», что подтверждается последующим описанием этой территории как плодородной.

Автор подчеркивает следующие характеристики внутренней части Кашмира:

- высокая степень заселенности («тысячи тысяч населенных деревень»);
- обилие водных ресурсов («чистоводные источники»);
- богатая растительность («зелень и цветы»).

При этом он уделяет особое внимание растительности Кашмира, разделяя ее на несколько категорий:

- плодоносящие деревья в горных и степных областях;
- климатически ограниченные культуры, не произрастающие в регионе;
- импортируемые фрукты из близлежащих теплых регионов – сахарный тростник, манго, хурма и апельсины.

Такое подробное описание свидетельствует о внимании автора к хозяйственно-экономическим аспектам региона. Он отмечает качество местных плодов («достаточно хороши», «подходят при любом состоянии»), что указывает на положительную оценку сельскохозяйственного потенциала Кашмира.

Что касается климатических особенностей региона, автор демонстрирует понимание зависимости сельскохозяйственных возможностей от климатических условий. Он указывает на кашмирские «склонность к похолоданию» и «сильные снегопады», применяет термин «*гярмси́рные* фрукты» (от перс. «*гярмси́р*» – теплая

область), обозначая теплолюбивые культуры. Это свидетельствует о научном подходе автора, связывающего климатические условия с экономико-хозяйственными возможностями региона.

В тексте также можно встретить описание городской жизни и гидрографии Кашмира. Главный город провинции – Сринагар – расположен в центре равнины, на расстоянии одного *фарсаха* от подножия гор с западной и восточной сторон. Автор сравнивает его с известным исламским центром – Багдадом («как в Багдаде здесь протекает широкая река»), а главная водяная артерия города – Джелам – сравнивается с Тигром, что подчеркивает ее полноводность и указывает на сходную с Тигром гидрологическую особенность – мощная река, берущая начало из одного родника (исток Джелама здесь называется Веринаг) (B720, f. 5b–6a).

В сочинении также есть упоминание о речной инфраструктуре региона: говорится о тридцати мостах «из сцепленных кораблей», и конкретизирует наличие семи мостов в самом Сринагаре. Водная инфраструктура была высокоразвитой – путь от Исламабада до Барамулы можно было преодолеть за сутки. Вдоль маршрута существовала развитая система снабжения, где можно было приобрести все необходимое. Указание на наличие специфического типа речных переправ является ценной информацией, поскольку дает понимание уровня технологического развития региона, интенсивности транспортного сообщения и значимости реки как транспортной артерии. (B720, f. 290a).

Что касается Джелама, автор прослеживает полный путь реки от истоков в Кашмире через Пенджаб, окрестности Пешавара до Мултана и указывает на трансформацию реки в Инд и ее впадение в Аравийское море (B720, f. 5b).

В *хатиме* (B720, f. 285a–293b) также упоминается большое количество горных источников воды. Их описание в большей степени связано с мифологическими и суеверными представлениями кашмирцев, однако топонимика этих водных ресурсов вполне реальная.

Во Введении представлено развернутое описание транспортной системы Кашмира, позволяющее сделать важные выводы о геополитическом положении и экономическом потенциале региона.

Описание дорог Кашмира показывает его стратегическое положение как связующего узла между несколькими ключевыми регионами. Хорасанское направление – «очень трудный путь», что говорит о сложных горных условиях на западе. Северное направление через Гилгит к Бадахшану – важный торговый маршрут, связывающий Кашмир с Центральной Азией, путь через Вардудж – хотя он короче, его труднопроходимость (невозможность использования вьючных животных) существенно ограничивает торговые возможности. Направление к Индостану описывается как еще более сложное, что показывает естественную изолированность Кашмира с юга, хотя оно постепенно улучшалось при различных правителях. Тибетское направление – относительно более простое, хотя путь в Малый Тибет сопряжен с опасностями из-за ядовитой растительности (B720, f. 6a).

Особую ценность представляет упоминание о транзитных маршрутах, связывающих Кашмир с Кашгаром, Хотаном, Лхасой и далее с Китаем, Туркестаном и Тураном. Это позволяет рассматривать регион как важный узел на древних торговых путях.

Уже во Введении Мухаммад А'зам привносит историческую перспективу, упоминая, что город «во времена прежних правителей был хорошо обустроен и населен». Это говорит о том, что автор имеет представление об исторической динамике развития региона.

Таким образом, географическое представление автора о Кашмире демонстрирует синтез научно-географических знаний (координаты, размеры в традиционных для того времени единицах измерения, четкое определение границ) и эмоционально-оценочного восприятия края как места исключительного плодородия и благоденствия. Это сочетание характерно для художественно-географической литературы, где научное описание часто переплеталось с элементами восхищения природными богатствами описываемых территорий.

В целом на основе проведенного в данной главе исследования и сделанных выводов можно говорить, что сочинение «Ваки'ат-и Кашмир» предстает как уникальный комплексный источник информации, сочетающий элементы хроники,

этнографического описания и географического трактата, отражающий переходный период в истории Кашмира от могольского владычества к последующим политическим изменениям.

Глава 3. Источниковедческая критика и значение сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир»

Приступая к источниковедческой критике сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир», необходимо отметить, что компилятивные исторические источники, созданные спустя значительное время после описываемых событий, представляют серьезные аналитические трудности для исследователя, учитывая необходимость уточнения хронологии, выявления фактологических искажений, установления субъективных предпочтений автора в отборе материала и т.д.

3.1 Сравнительный анализ «Ваки‘ат-и Кашмир» с другими историческими источниками

Первостепенная проблема изучения «Ваки‘ат-и Кашмир» касается источниковедческой базы историографа XVIII в. Довольно часто труднодоступность для современного исследователя тех материалов, которыми мог пользоваться автор, или же вообще их отсутствие затрудняет верификацию представленных сведений.

Первую главу «Событий Кашмира» не целесообразно рассматривать в качестве исторического источника, поскольку в этой части автор описывает не прижизненные ему события, а древнюю, доисламскую историю Кашмира. Тем не менее, данная часть интересна для изучения в качестве справочного материала для лучшего понимания социально-экономической и политической обстановки в Кашмире до прихода ислама, а также она придает целостность повествованию.

Как уже было сказано ранее, в ходе диссертационного исследования было выяснено, что при написании Первой главы Мухаммад А‘зам опирался на текст «Раджатарангини» («Река царей» или «Поток царей») Кальханы (завершена к 1150 г.). Помимо Раджатарангини как первоисточника, в Первой главе Мухаммад А‘зам, ссылается на персоязычные труды муллы Хусейна Кари и Хайдара Малика Чадуры.

По итогам проведения сравнительного анализа текста «Ваки‘ат-и Кашмир» с текстом «Раджатарангини», можно сразу сказать, что структурно персидская версия довольно четко повторяет оригинал. В отношении самого текста, невооруженным глазом видно, что по объему описание древней истории Кашмира Мухаммада А‘зама в разы меньше, чем «Раджатарангини». Так, в рукописи В720 Первая глава занимает всего лишь листы 10а–33а, тогда как «Раджатарангини» в переводе Стейна – это издание в трех томах¹⁷³.

«Раджатарангини» Кальханы включает: мифологическое происхождение Кашмира и первых правителей (книга 1); период VI в. до н.э. – VI в.н.э. с правлением Маурьев и Кушанов (книги 2–4); расцвет при династии Каркота VII–X вв. и правление Утпала IX–X вв. (книги 5–6); правление первых королей династии Лохара (книга 7). Джонараджа продолжил описание до начала мусульманского правления (до 1420–70 гг.)¹⁷⁴.

Сравнение «Раджатарангини» Кальханы с «Ваки‘ат-и Кашмир» выявляет значительные сокращения в персидском тексте. Описания династии Гонанды I (VI–III вв. до н.э.) существенно сжаты, с акцентом на избранных фактах (В720, f. 12а–15а)¹⁷⁵. При этом Мухаммад А‘зам поясняет произношение некоторых санскритских имен. Следует отметить, что санскритские имена переданы автором на персидском языке в своеобразной, скорее, подражательной, нежели, точной манере.

В персидской версии отсутствуют упоминания о правителях Гонанде III и Хираньякше, их достижения приписываются другим правителям (В720, f. 15а–18а)¹⁷⁶. Династия Пратападиты (167 до н.э.–25 н.э.) представлена без четкого разграничения от предыдущей, с минимальной информацией о каждом правителе (В720, f. 18а–19b)¹⁷⁷.

¹⁷³Stein, M.A. Kalhaṇa's Rājatarāṅgiṇī: A Chronicle of the Kings of Kashmir. In 3 vol. London: Archibald Constable and Company Ltd, 1900.

¹⁷⁴Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 35–37.

¹⁷⁵Stein, M.A. Kalhaṇa's Rājatarāṅgiṇī: A Chronicle of the Kings of Kashmir. London: Archibald Constable and Company Ltd, 1900. Vol. 1, P. 12–33.

¹⁷⁶Ibid. P. 33–55.

¹⁷⁷Ibid. P. 56–71.

Для династии Гонанды II (25-625) хронология сохранена точно, но объем сведений сокращен, с особым вниманием к Праварасене II и смене династии (B720, f. 19b–22a)¹⁷⁸. Описание династии Каркота (625-855) наименее точно, с нарушением хронологии и признанием автором недостатка согласованной информации (B720, f. 22b–23b)¹⁷⁹.

Династия Утпала (855-1012) передана с сохранением всех имен, но значительными сокращениями (B720, f. 23b–24b)¹⁸⁰. Для династии Лохара (1003-1339) хронология сохранена, но описания минимальны, с пропуском двух последних правителей (B720, f. 24b–27a)¹⁸¹.

Описание упадка династии Лохара и прихода мусульманских правителей демонстрирует сходство с текстом Джонараджи¹⁸², но Мухаммад А'зам добавляет даты событий, отсутствующие в оригинале, что указывает на использование дополнительных источников.

В заключении Первой главы Мухаммад А'зам критически оценивает сведения о доисламских правителях Кашмира, признавая их преувеличенными, и предпочитает лаконичное изложение для большей объективности (B720, f. 33a).

Датировки правлений раджей в «Ваки'ат-и Кашмир» редко совпадают с «Раджатарангини», что, вероятно, связано с использованием автором не оригинального текста, а его персидских переложений. Точные даты появляются только в конце Первой главы.

Сравнительный анализ «Раджатарангини» Кальханы и персидской адаптации Мухаммада А'зама Дидамари выявляет, что персидский текст представляет собой существенно сокращенную версию оригинала с фокусом на хронологии правителей и ключевых событиях¹⁸³.

¹⁷⁸Stein, M.A. *Kalhana's Rājatarāṅgiṇī: A Chronicle of the Kings of Kashmir*. London: Archibald Constable and Company Ltd, 1900. Vol. 1, P. 72–119.

¹⁷⁹Ibid. P. 120–185.

¹⁸⁰Ibid. P. 186–266.

¹⁸¹Stein, M.A. *Kalhana's Rājatarāṅgiṇī: A Chronicle of the Kings of Kashmir*. London: Archibald Constable and Company Ltd, 1900. Vol. 1, P. 267–402; Vol 2, P. 1–268.

¹⁸²Dutt, J.C. *The Rājatarāṅgiṇī of Jonarāja*. (The Kings of Kashmira 2nd Series) Delhi: Gian Publishing House, 1986. P. 1–32.

¹⁸³Смирнова, А.М. «Раджатарангини» в интерпретации персидских историков на примере рукописи «Ваки'ат-и Кашмир» Мухаммада А'зама Дидамари // *Время не ждёт! Сборник статей памяти Евы Яковлевны Люстерник*. СПб.: Издательский дом РХГА, 2026 (принято к публикации).

Несмотря на сокращения, персидский историк так или иначе сохранил антропонимическую лексику, адаптировав санскритские имена к персидской фонетике. Значимые легенды и предания, характеризующие правление раджей, также были включены в адаптацию. Важно отметить сохранение социально-экономических, политических и административных аспектов, а также топонимики и географического описания Кашмира, что свидетельствует о комплексном подходе к отражению исторической картины региона.

Также в отношении «Событий Кашмира» можно с уверенностью сказать, что автор исследуемого произведения опирался на материалы *«Тарих-и Рашиди»*, который, в свою очередь, черпал информацию из более раннего источника – *«Зафар-нама»*.

Как уже было упомянуто выше, *«Тарих-и Рашиди»* – это персоязычное историческое сочинение XVI в., написанное мирзой Хайдаром Дуглатом (1499–1551). «Рашидова история» содержит личные воспоминания автора о современных ему событиях, включая завоевание Кашмира¹⁸⁴. *«Тарих-и Рашиди»* считается одним из наиболее авторитетных источников по истории региона и активно использовался последующими историками для написания трудов о Центральной Азии и сопредельных территориях. В произведении *«Зафар-нама»* Шараф ал-дина ‘Али Йазди сведения о Кашмире представлены в контексте военных кампаний Тимура в Индии в конце XIV в. Йазди характеризует Кашмирскую долину как горную территорию со сложным рельефом, что повлияло на стратегическое решение Тимура направить основные силы против более доступных равнинных областей. Автор дает лаконичные описания топографических особенностей региона, его природно-климатических условий и внутривнутриполитического устройства¹⁸⁵.

Впоследствии эти текстовые материалы послужили источником для мирзы Хайдара Дуглата при создании *«Тарих-и Рашиди»*, в котором он существенно

¹⁸⁴Haidar, Mirza Dughlat Muhammad. Tarikh-i Rashidi [История Рашиди] / be tashih-i Abbas Quli Ghaffari Fard [под ред. А.К. Гаффари Фард]. Tehran: Markaz-i nashr-i miras-i maktub [Центр публикации письменного наследия], 1383 [2004/2005]. Р. 26–27.

¹⁸⁵Йазди, Шараф ал-дин ‘Али. Зафар-наме / пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: издательство журнала «SAN'AT», 2008. С. 247–248.

дополнил и детализировал информацию о Кашмире, используя собственный административный опыт и труды предшественников¹⁸⁶.

В «Событиях Кашмира» автор ссылается на тексты Йазди и мирзы Хайдара во Введении и приводит пересказ отрывка из «*Тарих-и Рашиди*» (B720, f. 7a, 7b–9a). Однако в сочинении есть и другие явно заимствованные фрагменты без указания на исходный текст. Так, например, сюжет о гадании на мисках с рисом, брошенных в воду (B720, f. 287a–b), а также несколько сюжетов об источниках, из которых вода начинает бить после определенных ритуалов и молитв, Мухаммад А‘зам позаимствовал из «*Тарих-и Рашиди*»¹⁸⁷. По-видимому, автор вдохновился небольшим фрагментом, где также были описаны несколько природных чудес Кашмира, и в своем произведении создал уже отдельный раздел с таким названием, включив в него сведения из «*Тарихи-и Рашиди*» и дополнив их описаниями в похожем стиле.

Такая преемственность источников создает определенную цепочку текстов, где каждый последующий автор использовал и переосмысливал материалы предшественников. Особенно показательным это проявляется в описаниях географического положения Кашмира и характеристик его природных условий. Хотя в анализируемом тексте эти сведения часто представлены в измененном порядке по сравнению с «*Тарих-и Рашиди*», сопоставительный анализ ясно демонстрирует текстуальное сходство между источниками.

Сравнительный анализ структуры и содержания исследуемого «Ваки‘ат-и Кашмир» с «*Бахаристан-и шахи*» – произведение неизвестного автора, содержащее историю Кашмира от восшествия на престол Ринчаны до 1614 г. – выявляет интересные параллели и различия между этими двумя историографическими источниками по истории Кашмира. Несмотря на ограничения, связанные с отсутствием оригинального персидского текста «Бахаристан-и шахи» и необходимостью работать с английским переводом¹⁸⁸,

¹⁸⁶Haidar, Mirza Dughlat Muhammad. *Tarikh-i Rashidi* [История Рашиди] / be tashih-i Abbas Quli Ghaffari Fard [под ред. А.К. Гаффари Фард]. Tehran: Markaz-i nashr-i miras-i maktub [Центр публикации письменного наследия], 1383 [2004/2005]. P. 610–611.

¹⁸⁷Ibid. P. 613.

¹⁸⁸Bahāristān-i Shāhī. *A Chronicle of Medieval Kashmir* / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991.

предварительное сопоставление позволяет выделить ряд важных наблюдений относительно взаимосвязи между этими произведениями.

Структурное сходство между двумя текстами проявляется в общих принципах организации исторического материала, последовательности изложения событий и подходе к периодизации истории Кашмира. Оба произведения следуют хронологическому принципу построения нарратива, уделяя особое внимание деятельности отдельных правителей и ключевым политическим событиям региона. Как в *«Бахаристан-и шахи»*, так и в *«Событиях Кашмира»* повествование перемежается с биографиями отдельных религиозных деятелей. Хотя деление на главы и разделы явно является более поздним дополнением, каждый переход от исторического повествования к жизнеописанию в обоих текстах четко обозначается при помощи специальных фраз. В *«Бахаристан-и шахи»* это, например: «Во времена правления этого султана процветало большое количество знаменитых святых»¹⁸⁹ или «Во времена правления этого благочестивого царя выдающиеся и известные ученые прибывали в эту землю из различных городов и мест»¹⁹⁰. В *«Событиях Кашмира»* встречаются такие фразы: «Упоминание о высокочтимых лицах, которые в его время появились на свет и покинули этот мир» (B720, f. 58b); «Упоминание шайхов, которые появились на арене во времена султана и до того времени отошли в мир иной» (B720, f. 71a) и т.п.

Однако детальное рассмотрение показывает, что исследуемое сочинение не является простым воспроизведением или копированием *«Бахаристан-и шахи»*. Различия в изложении фактов, акцентах на определенных событиях и стилистических особенностях свидетельствуют о том, что автор либо пользовался дополнительными источниками, либо привносил собственную интерпретацию исторических событий.

Как уже было сказано выше, существует еще одна работа по истории Кашмира, связывающая более ранние и несохранившиеся источники с более

¹⁸⁹Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. P. 38.

¹⁹⁰Ibid. P. 72.

современным, включая «События Кашмира» – «*Тарих-и Хайдар Малик*». Начатая в 1027 г.х. (1618 г. н.э.)¹⁹¹ и завершенная около 1030 г.х. (1621 г. н.э.)¹⁹², работа представляет собой обширный исторический труд, состоящий из двух основных частей. Первая часть посвящена истории Кашмира и охватывает листы 1b–237a, завершаясь словами: «До сих пор история царей Кашмира доведена до конца. Теперь начинается история царей провинций». Вторая часть (B720, f. 238a–387b) содержит общую историю современных автору династий различных регионов Ирана, Турана и Мавераннахра, структурированную в шести разделах. Она включает историю Тахиридов (821–873); Саффаринов (861–900); Саманидов (900–999); Буидов (945–1055); Газневидов (962–1186); Гуридов (1148–1215); Сельджукидов (1038–1141); Хорезмшахов (1097–1221); Атабеков: Ильдегизиды в Иранском Азербайджане (1136–1225), Салгуриды в Фарсе 1148–1287); Исмаилитов (XI–XII вв.) и Каракитаев (1124–1218) – раздел I, могольских правителей (1526–1621)¹⁹³ – раздел II; правителей Ирана после султана Абу Сайида (1454–1469) от Чобанидов (XIV в.) до Сарбедаров (XIV в.) – раздел III; Тимура (1370–1405) и его преемников (XV – нач. XVI вв.) – раздел IV; султанов Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу раздел (вторая половина XV в.)– V; а также султанов Мавераннахра и Хорасана после 906 г.х. (1501 г. н.э.) – раздел VI. Завершение второй части фразой «История Кашмира завершена» подтверждает единство произведения, которое, предположительно, основано на труде «*Лубб ат-таварих*» («Суть историй»)¹⁹⁴¹⁹⁵.

В ходе сравнительного анализа текстов двух сочинений было установлено, что Первая глава «Событий Кашмира» (B720, f. 10a–33a) воспроизводит главу о

¹⁹¹ Hasan, Haidar Malik ibn Malik. *Tarikh-i mulk-i Kashmir* [История государства Кашмир]. Рукопись №5130, библиотека Меджлиса Национального совета Ирана. Р. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://ketabpedia.com/download/6576> (дата обращения: 14.01.2026).

¹⁹² Taayyibi Fard, Kazim. *Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir: daricha-yi ba shinakht-i Kashmir-i tarikhi* [Хайдар Малик и книга истории Кашмира: окно в познание исторического Кашмира] // *Guzarish-i Miras* [Отчет о наследии]. № 5,6. 1392 [2013/2014]. Р. 16.

¹⁹³ Год завершения книги «Тарих-и Хайдар Малик».

¹⁹⁴ Ethé, H. *Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office*. Oxford: India Office, 1903. Vol. 1, P. 202–203.

¹⁹⁵ Всеобщая история с древнейших времен до 948 г.х. (1541–1542 гг. н.э.), автор Йахйя ибн ‘Абд ал-Латиф Казвини умер в 962 г.х. (1555 г. н.э.).

доисламских правителях из истории Хайдар Малика с заметными сокращениями¹⁹⁶. Однако те фрагменты, которые Мухаммад А'зам решил включить в свой текст, переданы практически без изменений, сохраняя оригинальную формулировку и стилистические особенности источника. Данное наблюдение подтверждает тесную связь между рассматриваемыми сочинениями и указывает на их принадлежность к единой традиции. Также, это свидетельствует о том, что сочинение Хайдар Малика скорее всего было промежуточным звеном между *«Раджатарангини»* и сочинением Мухаммада А'зама.

В то же время последующий раздел о мусульманских династиях у Мухаммада А'зама, напротив, представлен значительно обширнее, чем у его предшественника. Мухаммад А'зам безусловно опирается на текст Хайдара Малика, о чем свидетельствует общая структура повествования и разнообразие поэтических вставок, характерных для оригинального произведения. Однако автор не ограничивается механическим копированием источника, а стремится видоизменять текст, избегая дословного повторения и демонстрируя собственный литературный стиль. Более того, Мухаммад А'зам открыто признает свою зависимость от предшественника, делая прямые отсылки на Хайдара Малика и упоминая его имя в тексте (B720, f. 143a).

Примечательно, что Мухаммад А'зам в своем сочинении не приводит прямых ссылок на *«Джахангир-нама»* («Летопись Джахангира») (XVII в.), однако описание географического положения и природных особенностей Кашмира во Введении его труда напоминает сокращенную версию детального описания этого региона, оставленного падишахом Джахангиром. Это сходство вряд ли случайно, учитывая, что Джахангир питал особую любовь к кашмирской долине и совершил туда несколько путешествий. Падишах не только регулярно отдыхал в Кашмире, наслаждаясь его климатом и природными красотами, но и фиксировал свои наблюдения с почти научной точностью, описывая географические границы,

¹⁹⁶Hasan, Haidar Malik ibn Malik. Tarikh-i mulk-i Kashmir [История государства Кашмир]. Рукопись №5130, библиотека Меджлиса Национального совета Ирана. Р. 4–132. [Электронный ресурс]. URL: <https://ketabpedia.com/download/6576> (дата обращения: 14.01.2026).

климатические особенности, флору и фауну региона¹⁹⁷. Причина, по которой Мухаммад А'зам не сделал отсылку к тексту «Джахангир-нама», возможно заключается в том, что он мог почерпнуть эти сведения из какого-то промежуточного источника, который, в свою очередь, был составлен с опорой на мемуары Джахангира.

Проведенный источниковедческий анализ «Событий Кашмира» Мухаммада А'зама демонстрирует сложную многоуровневую структуру источниковой базы, характерную для средневековой мусульманской историографии. Исследование выявляет две основные традиции написания исторических сочинений, которые переплетаются в данном произведении.

Первая традиция представлена общими историческими сочинениями по истории Ирана и Центральной Азии, а также специализированными работами, такими как «Зафар-нама» Шараф ал-дина 'Али Йазди и «Тарих-и Рашиди» мирзы Хайдара Дуглата, которые включали сведения о Кашмире в контексте более широких исторических процессов. Вторая традиция восходит к собственно кашмирской историографической школе, берущей начало в санскритских источниках и представленной такими произведениями, как «Бахаристан-и шахи» и «Тарих-и Хайдар Малик».

Автор демонстрирует двойственный подход к работе с источниками: с одной стороны, он практически дословно воспроизводит целые разделы из «Тарих-и Хайдар Малик» (особенно главу о доисламских правителях), с другой стороны, творчески перерабатывает материал, расширяя разделы о мусульманских династиях и дополняя повествование собственными стилистическими решениями. Характерно, что автор не всегда указывает источники заимствований, что затрудняет полную реконструкцию его источниковой базы.

Структурное и содержательное сходство с «Бахаристан-и шахи» свидетельствует о существовании устойчивых традиций в кашмирской историографии, включающих хронологический принцип изложения и регулярное

¹⁹⁷The Tūzuk-i-Jahāngīrī or Memoirs of Jahāngīr. Vol. 2: From the Thirteenth to the Beginning of the Nineteenth Year of his Reign / trans. by Alexander Rogers and Henry Beveridge. London: Royal Asiatic Society, 1909–1914. P. 140–146.

включение биографий религиозных деятелей. Однако «События Кашмира» не является простой компиляцией, а представляет собой самостоятельное произведение, автор которого стремился создать целостный нарратив истории региона, опираясь на авторитетные источники, но привнося собственную интерпретацию событий.

3.2 Достоверность приводимых в «Ваки‘ат-и Кашмир» сведений

Фрагменты «Событий Кашмира» с описанием исторических событий не лишены фактологических ошибок и неточностей.

Так, в рассматриваемом сочинении обнаруживается существенное историографическое несоответствие, требующее детального анализа. Автор, описывая биографию кашмирского правителя Зайн ал-‘абидина (1418–1419, 1420–1470), ссылается на хронику «Зафар-нама»¹⁹⁸ как на источник сведений о его пленении Тимуром (1370–1405). Согласно этой версии, Зайн ал-‘абидин (также известный как Шахи-хан), сын султана Сикандар-шаха (1389–1413), будучи еще наследником, был отправлен своим отцом к Тимуру с дарами и прошениями, после чего якобы был увезен завоевателем в Самарканд и заключен в тюрьму, откуда освобожден только после смерти Тимура (B720, f. 47b, 55b).

Однако изучение текста «Зафар-нама» показывает, что Мухаммад А‘зам допустил серьезную ошибку идентификации. В действительности, в хронике завоеваний Тимура речь идет о другом Зайн ал-‘абидине – султани Фарса, сыне Шаха Шуджи, а не о кашмирском принце¹⁹⁹. Данная омонимия привела к ошибочному переносу биографических данных с одной исторической личности на другую. Подобные смешения были распространены в хрониках и компиляциях,

¹⁹⁸«Зафар-нама» (Книга побед) – официальная хроника завоеваний Амира Тимура, созданная Шараф ал-дином ‘Али Йазди около 1424–1425 гг. на персидском языке. Труд основан на более ранней версии Низам ал-дина Шами (1404 г.). Это панегирическое сочинение содержит детальные сведения о военных кампаниях, административной политике, географии империи Тимуридов и дипломатических отношениях с соседними государствами. Несмотря на идеализацию Тимура, «Зафар-нама» остается ценным историческим источником, оказавшим значительное влияние на историографическую традицию Средней Азии, Ирана и Индии.

¹⁹⁹Йазди, Шараф ал-дин ‘Али. Зафар-наме / пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: издательство журнала «SAN'AT». С. 120, 167.

особенно когда авторы работали с множеством источников без возможности их перекрестной верификации.

На первый взгляд данная ошибка вызывает необходимость критически переоценить достоверность информации о политических связях между Кашмиром и Самаркандом. Более того, упоминание о том, что кашмирский принц «приобретал некоторые науки и обычаи» (B720, f. 55b) в Самарканде, может быть также результатом данной историографической ошибки.

Тем не менее, данный сюжет можно рассмотреть как пример компилирования исторических сведений, где достоверные данные переплетаются с ошибочными интерпретациями. Мухаммад А'зам корректно передает ключевой исторический факт о дипломатических отношениях между кашмирским султаном Сикандар-шахом и Амиром Тимуром. Действительно, согласно источникам, включая *«Зафар-нама»*, Сикандар-шах проявил политическую мудрость, избрав путь дипломатии вместо военного сопротивления. Он отправил дары и выразил формальное подчинение Тимуру, что позволило Кашмиру избежать разрушительного вторжения. Однако далее автор, возможно преднамеренно, приписывает кашмирскому наследнику Зайн ал-'абидину биографические обстоятельства его тезки из Фарса.

Этот прием мог преследовать несколько целей: легитимацию власти кашмирских правителей через связь с престижной империей Тимура, использование топоса «образовательного плена» для обоснования культурного трансфера от Тимуридов к Кашмиру, и создание правдоподобной хронологической последовательности, поскольку правление Зайн ал-'абидина действительно следовало за эпохой Тимура. Также это позволило создать более драматичную и символически насыщенную версию истории, в которой будущий кашмирский правитель получает непосредственный опыт пребывания при дворе Тимура и знакомства с административными и культурными практиками его империи. Такая компиляция, сочетающая точные и ошибочные сведения, свидетельствует о творческом подходе хронистов к историческому материалу, где для автора важнее

было не буквальное следование фактической точности, а создание целостного нарратива.

Примечательно, что данная историографическая ошибка не осталась локализованной в рамках средневековых сочинений, но продолжает воспроизводиться в современных научных исследованиях на персидском языке. Ряд историков по-прежнему включают сведения о пленении кашмирского Зайн ал-‘абидина Тимуром в свои работы по истории Кашмира²⁰⁰.

Любопытный фрагмент связан с сюжетом о гибели в Кашмире 1551 г.²⁰¹ мирзы Хайдара Дуглата²⁰².

Мухаммад А‘зам приводит две версии гибели мирзы Мухаммада Хайдара. По одной из них, во время военных действий мирза в одиночку зашел в переулок, где к нему обратился некий мясник и спросил его имя. Поскольку мирза плохо владел кашмирским языком, мясник понял, что перед ним могол, поднял топор и нанес смертельный удар по голове. Согласно другой версии, мирза отправился на встречу с претендентами на власть, чтобы разрешить недоразумения и прекратить беспричинную вражду, но по дороге произошел несчастный случай (B720, f. 92a–92b).

Сведения Мухаммада А‘зама требуют сопоставления с данными других источников, в которых описание гибели мирзы Хайдара нередко противоречат

²⁰⁰Seyed Naseri, Hamid Reza. Kashmir (guzashta, hal, ayanda): daricha-yi ba tarikh-i Kashmir [Кашмир (прошлое, настоящее, будущее): окно в историю Кашмира]. Tehran: Sazman-i farhang va irtibat-i islami [Организация исламской культуры и коммуникаций], 1399 [2020/2021]. P. 41; Niyazmand, Muhammad Sadiq. Kashmir ke Farsi Shu‘ara [Персидские поэты Кашмира]. Srinagar: Awais Waqas Publishing House, 1994. P. 11–12.

²⁰¹Историки до сих пор не пришли к единому мнению относительно точной даты смерти мирзы Хайдара. Согласно «Бахаристан-и шахи», он погиб в 957 г.х. (что соответствует 1550 г. н.э.). Эту датировку подтверждает хронограмма на могильной плите мирзы Хайдара. См.: Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. People's Publishing House, 1969, P. 234. Тем не менее, существуют альтернативные версии: Хайдар Малик датирует это событие 959 г.х., а Абу-л-Фазл – 958 г.х. (1551 год н.э.). Западные историки, основываясь на могольских хрониках, склоняются к 1551 году, и именно эта дата на сегодняшний день считается наиболее признанной в научном сообществе. Смирнова, А.М. Гибель мирзы Хайдара Дуглата: рукопись «События Кашмира» и проблема историографических расхождений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т 48. С. 000–000 (зарегистрировано в редакции).

²⁰² Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат (1499–1551) представляет собой одну из наиболее известных фигур XVI в. в истории Центральной Азии. Он родился в знатной семье влиятельного монгольского рода дуглат, которая на протяжении веков играла ключевую роль в политической жизни Моголистана и сопредельных территорий. Как уже упоминалось выше, наибольшую известность мирза Мухаммад Хайдар получил как автор труда «Тарих-и Рашиди», однако он также являлся военным деятелем. В 30-х гг. XVI в. опасаясь за собственную жизнь, Мухаммад Хайдар был вынужден направиться в Индию, ко двору Бабуридов в Лахоре. Там он сумел организовать завоевание Кашмира и установить в нем свое правление от имени династии Бабуридов.

приведенным выше версиям. Согласно источнику «*Бахаристан-и шахи*» (ок. 1614 г.), мирза Хайдар погиб от смертельного удара копьем, нанесенного неким Камалом Дуни²⁰³. Хайдар Малик Чадура в своем историческом труде (1618–1621 гг.) приводит версию о гибели от рук мясника²⁰⁴, которая в точности совпадает с одной из версий Мухаммада А‘зама. Мухаммад А‘зам использовал труд Хайдара Малика в качестве источника, сохранив не только фактическую канву событий, но и характер изложения. В более поздней работе (XIX в.) «*Тарих-и Хасан*» написано, что мирза Хайдар погиб в темноте по причине несчастного случая²⁰⁵, что может говорить об изменениях в восприятии данного события кашмирским обществом.

Могольская историографическая традиция демонстрирует иной подход к освещению событий. Абу-л-Фазл в «*Акбар-нама*» (конец XVI в.) приводит две версии: гибель от руки того же Камала Дуни во время ночного нападения в Сринагаре либо случайное поражение стрелой от собственного слуги²⁰⁶. Фиришта в начале XVII в. в «*Тарих-и Фиришта*» («История Фиришты») упоминает сразу три версии – гибель от стрелы оружейника Шаха Назара в ночной темноте, убийство мясником и удар мечом Камала Дуни – однако сам же подчеркивает, что на теле мирзы Хайдара была обнаружена только рана от стрелы, фактически опровергая две последние версии²⁰⁷.

Анализ сведений о гибели мирзы Хайдара из научной литературы и исторических источников говорит о том, что гибель мирзы Мухаммада Хайдара не вызывала особого интереса и споров в российской историографии, где исследователи в целом сходились в общих чертах описания этого события – мирза Мухаммад Хайдар погиб в ходе военных действий в Кашмире. Согласно

²⁰³Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. P. 145.

²⁰⁴Hasan, Haidar Malik ibn Malik. Tarikh-i mulk-i Kashmir [История государства Кашмир]. Рукопись №5130, библиотека Меджлиса Национального совета Ирана. P. 243. [Электронный ресурс]. URL: <https://ketabpedia.com/download/6576> (дата обращения: 14.01.2026).

²⁰⁵Hasan, Pir Ghulam. Tarikh-i Hasan Kuyhami [История Хасана Куйхами]. Srinagar, 1954. Vol. 2, P. 260.

²⁰⁶Abu-l-Fazl. Akbar namah. Tarikh-i Gurkaniyan-i Hind [Акбар-нама. История Гурканидов Индии] / be kushesh: Gulam Riza Tabatabai Majd [Редактор: Гулам Риза Табатабаи Маджд] Vol. 1. Tehran: Anjuman-i Asar va Mafakhir-i Farhangi [Ассоциация памятников и культурного наследия], 1385 [2006], P. 296.

²⁰⁷Ferishta, Mahomed Kasim. Tarikh-i-Ferishta or History of the Rise of the Mahomedan Power in India / ed. and collected from various manuscript copies by Major-General John Briggs, assisted by Munshi Mir Kheirat Ali Khan Mushtak of Akberabad. Vol. 2 Bombay: Government College Press, 1831, P. 693.

материалам В.В. Бартольда, он гибнет во время восстания местного населения²⁰⁸, в предисловии к переводу «*Тарих-и Рашиди*» А. Урунбаева, А. Джалиловой и О.Ф. Епифановой написано, что мирза Хайдар погиб во время противостояния горному племени²⁰⁹, а в сборнике работ П.А. Юдина указано на гибель во время стычки с горным племенем от стрелы собственного стрелка²¹⁰. В англоязычной историографии также принята версия о случайном попадании стрелы²¹¹.

Таким образом, анализ информации о гибели мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата из различных источников выявляет существенные расхождения в историографических версиях. Российская и англоязычная историография в основном придерживается концепции случайной гибели во время военных действий (от собственного стрелка или в ходе столкновений с горными племенами). Кашмирские и могольские источники предлагают иные версии – от удара копьём до несчастного случая в темноте.

Автор «Событий Кашмира» приводит две локальные версии: убийство мясником топором из-за языковых различий и несчастный случай по дороге на переговоры. Учитывая, что труд Хайдара Малика Чадуры служил основным источником для Мухаммада А‘зама, совпадение версии о мяснике становится естественным и подтверждает преемственность кашмирской историографической традиции.

Сочинение «События Кашмира» демонстрирует, как локальная кашмирская традиция интерпретировала смерть чужеземного правителя, опираясь на более ранние местные источники. Разнообразие версий в различных источниках может объясняться политической предвзятостью авторов, хаотичностью военной обстановки и стремлением представить события в выгодном для определенной стороны свете. Это подчеркивает важность изучения локальных источников для

²⁰⁸Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1973. Т. 8, С. 598.

²⁰⁹Хайдар, Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан. 1996. С. 8–9.

²¹⁰Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 180.

²¹¹Dughlât Muhammad Haidar. The Tarikh-i-rashidi: A History of the Moghuls of Central Asia; an English Version. London: S. Low, Marston and Company, 1895. P. 22.

понимания того, как исторические события воспринимались и передавались в региональной историографической традиции²¹².

Еще один вызывающий сомнения сюжет связан с индийским походом Надир-шаха (1736–1747).

Военный поход Надир-шаха в Индию в XVIII в. является одним из наиболее значимых событий в истории персидского правления на территории современной Индии. Основным событием этой кампании, как правило, считается пребывание Надир-шаха в Дели в 1739 г. и разграбление этой богатой, но слабо защищенной на тот период времени столицы Могольской Империи. Однако, разрушения, который принес за собой этот военный поход, коснулись и Кашмира.

Основными источниками по истории правления Надир-шаха являются «*Нама-йи 'аламара-йи Надири*» («Мир украшающая надирова книга») Мухаммада Казима (XVIII в.) и «*Тарих-и джахангуша-йи Надири*» («История Надир-шаха, покорителя мира») мирзы Мухаммада Махди-хана Астарабади (окончена в 1747 г.)

Согласно современной научной традиции, принято считать, что в рамках индийского похода Надир-шах проследовал следующим маршрутом: Газни, Кабул, Пешавар, Лахор, Сирхинд, Карнал, Дели. Эти населенные пункты указаны в трудах Мухаммада Казима и мирзы Мухаммады Астарабади. Что касается Кашмира, то о нем вообще нет информации у Мухаммада Казима, а у мирзы Мухаммады Астарабади упоминается, что Надир, пребывая в Лахоре, отдал приказ восстановить в должности, бывшего *субадара* Кашмира по имени Фахр ал-даула, который после изгнания из своей провинции в результате восстания был лишен должности и жил в бедности в Лахоре²¹³. Соответствующую информацию сообщают в своих исследованиях Локхарт²¹⁴ и Саркар²¹⁵.

²¹²Подробнее об особенностях интерпретации гибели мирзы Хайдара персидским автором См.: Смирнова, А.М. Гибель мирзы Хайдара Дуглата: рукопись «События Кашмира» и проблема историографических расхождений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48. С. 000–000 (зарегистрировано в редакции).

²¹³Astarabadi, Muhammad Mahdi. *Tarikh-i jahangusha-yi Nadiri* [История завоевания мира Надиром]. Tehran: Anjuman-i asar va mafakhir-i farhangi [Общество культурных памятников и достижений], 1377 [1998/1999]. P. 318.

²¹⁴Lockhart, L. *Nadir Shah*. London: Luzac & Co, 1938. P. 131.

²¹⁵Sarkar, J. *Nadir Shah in India*. Calcutta: R. Gosh India Book Exchange, 1925. P. 31.

События, связанные с индийским походом Надир-шаха, являются прижизненными Мухаммаду А'заму, что делает данную часть «Ваки'ат-и Кашмир» историческим источником. В тексте содержится краткая справка о том, как Надир-шах пришел к власти в Иране (B720, f. 268b–270b), подробный рассказ о том, как пролегал его маршрут в ходе индийского похода, каковы были его действия на территории Могольской Империи и в какой степени они отразились на социально-политическом состоянии Кашмира.

Согласно сведениям Мухаммада А'зама, в 1739 г., когда Надир-шах достиг Лахора, бывший *субадар* Кашмира Фахр ал-даула, который ранее был изгнан местным населением из-за недовольства его правлением, увидел возможность вернуть себе власть. Получив поддержку от Надир-шаха, в апреле 1739 г. вместе с отрядом горцев он вторгся в Кашмир, потребовав чеканить монеты и произносить пятничные молитвы в честь персидского шаха, что символизировало признание власти Надир-шаха. Однако сорокадневное правление Фахр ал-даулы сопровождалось жестокостями и разрушениями, направленными против местного населения. Произвол и насилие вызвали сильное недовольство среди простых людей Кашмира, что привело к народному восстанию против навязанной власти. (B720, f. 268a).

Фрагмент интересен для исследователей, поскольку на примере удаленного и труднодоступного Кашмира исследователи получают информацию о том, каким образом Надир-шах выстраивал свою политику на не принадлежащих ему территориях: он старался действовать не своими руками. Создав себе репутацию милосердного врага и либерального господина, Надир-шах поощрял местных губернаторов и *субадаров* за добровольное подчинение. Насир-хан, *субадар* Кабула и Пешавара, входивших в состав Империи Великих Моголов, сдался без сопротивления, был помилован и восстановлен в качестве *субадара* тех же провинций. После того как Надир-шах пересек Инд в Аттоке, ему без боя подчинился *субадар* Лахора, о чем также упоминает и Мухаммад А'зам: Закарийа-хан Бахадур выбрал дипломатический путь для урегулирования отношений с шахом. Он собрал крупную сумму денег, используя как собственные средства, так

и средства горожан и купцов, и преподнес эту дань шаху в качестве откупа, тем самым завоевав его расположение и избежав военного конфликта (B720, f. 270b).

Анализ источника «События Кашмира» подтверждает, что Надир-шах не ставил перед собой стратегических целей по завоеванию и аннексии территорий Империи Великих Моголов или установлению долгосрочного политического контроля над регионом. Данная информация согласуется с устоявшейся в историографии концепцией мотивов индийского похода Надир-шаха. Согласно научной традиции, основанной на анализе ключевых источников, формальными поводами для военной кампании послужили необходимость окончательного решения «афганской проблемы», которая стояла перед Сефевидским Ираном с 1722 г., а также стремление подтвердить свой статус правителя. Однако истинной причиной вторжения в Индию была острая потребность Надир-шаха в новых источниках доходов для пополнения казны. Ослабленная внутренними конфликтами и междоусобицами Могольская империя представляла собой относительно легкую и богатую цель для получения военной добычи.

24 февраля 1739 г. произошла битва при Карнале, (в «Событиях Кашмира» она упомянута как битва при Панипате), в ходе которой Надир-шах окончательно убедился в неспособности могольской армии оказать ему отпор. Воспользовавшись слабостью правителя, а также междоусобицами среди высокопоставленных чинов, Надир-шах практически беспрепятственно добрался до Дели 20 марта 1739 г., взял в заложники Мухаммад-шаха и около двух месяцев пробыл в крепости Шахджаханабад (Дели).

Итогом кампании, помимо обогащения, стало урегулирование отношений между Ираном и Империей Великих Моголов. Надир-шах, который прибыл, чтобы навести порядок в приграничных регионах империи, вернул корону законному правителю Мухаммад-шаху.

Мухаммад А'зам сообщает: «После примирения падишаха с Надир-шахом *суба* Кашмир осталась собственностью падишаха» (B720, f. 268a), иначе говоря, согласно договоренности между могольским правителем и Надир-шахом, за

последним оставались Пешавар и Кабул, а права на Хинд, Синд и Кашмир сохранялись за Могольской империей.

Эти сведения противоречат общепринятому мнению, гласящему, что Мухаммад-шах передал Надир-шаху провинции Великих Моголов к западу от реки Инд, включая Кашмир и Синд. Данное расхождение может объясняться различиями в источниковой базе, политической конъюнктурой записи событий или различной интерпретацией достигнутых соглашений современниками и участниками переговоров²¹⁶.

Таким образом, анализ «Ваки‘ат-и Кашмир» Мухаммада А‘зама убедительно демонстрирует значимость локальных источников в исторических исследованиях и их способность корректировать устоявшиеся научные представления о крупных исторических событиях.

3.3 Субъективная интерпретация истории Кашмира Мухаммада А‘зама

Третья существенная трудность работы с историческими источниками в целом и данным сочинением в частности состоит в субъективной интерпретации прошлого автором источника, который неизбежно рассматривает исторические события сквозь призму современных ему политических и культурных реалий. В основном, предвзятость автора касается религиозных событий.

Традиционная для подобных текстов и достойная упоминания особенность – наделение правителей, распространявших ислам, положительными, если не сакральными качествами. Так, во Второй главе, где автор описывает распространение ислама в Кашмире, все правители, принявшие мусульманскую веру, изображаются исключительно в положительном свете. Автор наделяет их такими качествами, как справедливость, мудрость, благочестие и забота о подданных, создавая тем самым идеализированный образ исламских правителей. Такая однобокая характеристика служит очевидной идеологической цели –

²¹⁶Smirnova, A. Kashmir Under the Influence of the Nadir Shah's Indian Campaign (1738-39) (According to the Persian Manuscript of the 18th c.) // Written Monuments of the Orient. 2024. Vol. 10, No. 1 (20). P. 85.

легитимизации исламской власти в регионе и созданию положительной исторической нарративы о приходе мусульманских правителей.

В Третьей главе текст демонстрирует легитимизацию уже могольского правления через описание благих деяний наместников, подчеркивание религиозного благочестия правителей, оправдание репрессий против местной династии Чак, а также акцент на архитектурных и инфраструктурных достижениях могольских администраторов.

Отдельно следует остановиться на отношении Мухаммада А'зама к деятельности Мир Шамс ал-дина 'Ираки.

Биография и деятельность Мир Шамс ал-дина 'Ираки достаточно хорошо изучена и освещена в иранской научной традиции. Он родился в Иране в IX в.х. (XV в. н.э.). Прозвище «'Ираки» ошибочно связывали с происхождением из Ирака, тогда как в сельджукскую эпоху термином «*'ирак-и аджам*» (Персидский Ирак)²¹⁷ обозначались горные провинции Ирана, включая Рей. Наиболее вероятным местом рождения Шамс ал-дина 'Ираки является деревня Кан в области Сулган, исторически входившая в состав Рея и региона *'ирак-и аджам*²¹⁸.

Исследователи расходятся во мнениях относительно вероисповедания 'Ираки. Некоторые считают его шиитом²¹⁹. Некоторые предполагают, что он был как проповедником шиизма, так и последователем тариката *нурбахшийя*²²⁰²²¹. Другие рассматривают его исключительно как приверженца *нурбахшийя*²²².

Тем не менее, современные иранские исследователи сходятся в одном – Мир Шамс ал-дин сыграл ключевую роль в распространении шиизма на территории

²¹⁷«'Ирак-и аджам» – Ирак персидский, или Ирак «неарабский». Dehkhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 10, P. 15786.

²¹⁸Matu, Ghulam Muhammad. Naqsh-i Mir Shams al-Din 'Iraqi dar tarwīj-i tashayyū' dar Kashmir [Роль Мир Шамс ал-дина 'Ираки в распространении шиизма в Кашмире]. Sukhan-i tārikh [Слово истории], №8, 1389 [2010/2011]. P. 170.

²¹⁹Riakhi, Mukhammad Khusein Naqsh va taasir-i shahsiyatho-i irani dar Kashmir [Role and influence of Persian personalities in Kashmir]. Isfahan University Historical Research Quarterly Journal. 2014, №4, P. 11.

²²⁰Нурбахшийя – это шиитская ветвь тариката Кубравийя, основателем которой является Саййид Мухаммад ибн Мухаммад ибн 'Абд Аллах Нурбахш (795–869 г.х.).

²²¹Matu, Ghulam Muhammad. Naqsh-i Mir Shams al-Din 'Iraqi dar tarwīj-i tashayyū' dar Kashmir [Роль Мир Шамс ал-дина 'Ираки в распространении шиизма в Кашмире]. Sukhan-i tarikh [Слово истории], №8, 1389 [2010/2011]. P. 171.

²²²Davarpenah, Gulara. Ta'thir wa jaygah-i Mir Shams al-Din 'Iraqi dar manṭaqah [Влияние и место Мир Шамс ал-дина 'Ираки в регионе], Pazhuhish-nama-yi adyan, madhahib wa 'irfan [Исследовательский журнал религий, конфессий и мистицизма], №23, 1397 [2018]. P. 6.

Кашмира²²³, и представляют его в положительном свете, так как это соответствует религиозным и культурным интересам Ирана как ведущей шиитской державы.

В «Событиях Кашмира» деятельности Мир Шамс ал-дина 'Ираки посвящен довольно обширный фрагмент (B720, f. 76a–76b; 85b–87b) однако Мухаммад А'зам сохраняет негативное отношение к этой исторической личности. В характеристике личности и методов 'Ираки автор представляет его как искусного обманщика и интригана, который использовал дипломатическое прикрытие для достижения религиозных целей и тайного распространения шиитского учения среди населения Кашмира.

Серьезные обвинения выдвигаются автором в отношении подрыва единства государства. 'Ираки обвиняется в посеве «тонких интриг и раздоров» среди эмиров Кашмира, что привело к религиозному противостоянию и ослаблению государственной власти. С религиозной точки зрения суннитского автора, деятельность 'Ираки представляется как «отклонение в вероучении» и «соблазнение» простых людей. Текст насыщен негативными эпитетами: «внутренняя порочность», «предательство», «ложные убеждения», «дурные помыслы». Автор дополнительно использует поэтические вставки для усиления критики и эмоционального воздействия на читателя.

Таким образом, Мухаммад А'зам рассматривает деятельность мир Шамс ал-дина 'Ираки как деструктивную силу, которая под религиозной маской подорвала политическое единство и духовную целостность Кашмира. Это отражает типичную суннитскую критику шиитской миссионерской деятельности в регионе, где шиизм воспринимался как угроза установленному религиозному порядку²²⁴.

²²³Matu, Ghulam-Muhammad, «Naqsh-i Mir Shams al-Din 'Iraqi dar tarwij-i tashayyu' dar Kashmir» [Роль Мир Шамс ал-дина 'Ираки в распространении шиизма в Кашмире], Sukhan-i tarikh [Слово истории], №8, 1389 [2010/2011]. P. 176; Atayi, Abd Allah, Naqsh wa jaygah-i Mir Shams al-Din 'Iraqi dar gustarish-i tashayyu' dar Kashmir bar asas-i Tuhfat al-ahbab [Роль и место Мир Шамс ал-дина 'Ираки в распространении шиизма в Кашмире на основе «Тухфат ал-ахбаб»]//Majalla-yi shibh-i qarra (Wizha-nama-yi nama-yi farhangistan) [«Субконтинент» (Специальный выпуск письма Академии)], № 1, 1392 [2013/2014]. P. 228; Zabit, Haydar-riza, Tashayyu' dar shibh-i qarra-yi Hind [Шиизм на Индийском субконтиненте] // Majalla-yi pazhuhish-ha-yi ijtimai' i islami [«Социальные, исламские исследования»], № 12, 1377 [1998/1999]. P. 87; Davarpenah, Gulara. Ta'thir wa jaygah-i Mir Shams al-Din 'Iraqi dar mantaqah [Влияние и место Мир Шамс ал-дина 'Ираки в регионе], Pazhuhish-nama-yi adyan, madhahib wa 'irfan [Исследовательский журнал религий, конфессий и мистицизма], №23, 1397 [2018]. P. 9.

²²⁴Smirnova, A. Confessional Perception of Historical Memory: Mir Shams al-din 'Iraqi through the Eyes of the 18th c. Sunni Author (Based on Manuscript B720 from the IOM RAS Collection) // Written Monuments of the Orient. 2025. Vol. 11, No 2 (23). P. 87.

3.4 Жанровые особенности «Ваки‘ат-и Кашмир» как литературного произведения

По своей структуре и содержанию «Ваки‘ат-и Кашмир» во многом напоминает *тазкиру*²²⁵ – традиционный жанр восточной литературы, представляющий собой биографический словарь или сборник жизнеописаний выдающихся личностей определенной эпохи, региона или профессиональной группы (поэтов, ученых, святых и т.д.)²²⁶. *Тазкира* обычно содержит краткие биографии, анекдоты, образцы творчества и служит важным источником для изучения культурной и интеллектуальной истории.

В силу этого сходства данную работу теоретически можно было бы исключить из числа исторических источников, поскольку *тазкира* зачастую содержит легендарные и литературно обработанные сведения об отдельных личностях, а также субъективные представления автора.

Однако, как было отмечено выше, Мухаммад А‘зам не преследовал цели создания классической *тазкиры* – подобные произведения он уже создавал ранее («*Ашджар-и хулд*» и «*Самарат ал-ашджар*»). Его основной задачей было написание занимательного произведения для широкого круга читателей, в котором он стремился продемонстрировать важность и величие своего региона. Именно поэтому автор не ограничился только биографическими очерками, но включил в текст описания значимых исторических событий, что придает сочинению источниковедческую ценность.

Тем не менее, если говорить о «Ваки‘ат-и Кашмир» как о *тазкире*, Мухаммад А‘зам представляет обширную информацию об уважаемых личностях, проживавших в Кашмире на протяжении всего исламского периода истории региона, начиная с XIV в. Это включает биографические сведения о правителях, ученых, поэтах, религиозных деятелях и, что особенно важно, о суфийских

²²⁵ *Тазкира или тазкире* (تذکرہ) – антология. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 361.

²²⁶ Ардашникова, А.Н., Рейснер М. Л. Эволюция жанра тазкере в Иране XIII-XIX вв.: от антологии к справочнику // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2016, №1. С. 5.

наставниках и их последователях. При отсутствии в распоряжении исследователя другого специализированного произведения данного автора, посвященного исключительно кашмирским суфиям – «*Ашджар-и хулд*» или «*Ашджар ал-хулд*» – представленная работа становится значительным подспорьем для изучения суфизма в Кашмире. Содержащиеся в ней биографические данные, описания суфийских практик, генеалогии духовных наставников и их учеников, а также сведения о суфийских обителях и центрах духовного обучения предоставляют исследователям ценный материал для реконструкции истории развития суфийских традиций в регионе. Особую ценность представляют упоминания о взаимодействии различных суфийских *тарикатов*, их роли в социальной и культурной жизни Кашмира, что позволяет получить более полную картину влияния суфизма на формирование духовного облика региона.

Текст также содержит обширную поэтическую подборку, включающую как произведения самого автора, так и стихи других поэтов. Среди них представлены стихотворения духовно-мистического содержания, исторические поэмы, воспевающие деяния правителей и значимые события, а также лирические произведения, посвященные красоте Кашмира и природным ландшафтам региона.

На первый взгляд, столь значительное присутствие поэтического материала может ставить под сомнение историческую составляющую источника. Однако подобное сочетание исторического повествования с поэтическими вставками является характерной особенностью средневековых восточных хроник и совершенно нормально для источников данного типа и эпохи. Более того, поэтическое наполнение значительно расширяет исследовательский потенциал сочинения, превращая его не только в исторический документ, но и в литературоведческий источник, способный указать на поэтические традиции, литературные вкусы эпохи и культурный контекст создания произведения.

Таким образом, источниковедческий анализ «Событий Кашмира» выявил сложную структуру произведения, характерную для средневековой мусульманской историографии. Автор опирался на две традиции: общие исторические сочинения

(«*Зафар-нама*», «*Тарих-и Рашиди*») и кашмирскую историографическую школу («*Раджатарангини*», «*Бахаристан-и шахи*», «*Тарих-и Хайдар Малик*»).

Сравнительный анализ показал творческий подход Мухаммада А‘зама к материалу: он не ограничивался копированием, а создавал целостный нарратив. Выявленные фактологические ошибки типичны для компилятивных произведений и не снижают ценности источника. Особую значимость представляют современные автору события, включая уникальные сведения о кашмирских аспектах похода Надир-шаха.

Субъективность автора, проявляющаяся в религиозной предвзятости, характерна для источников данного типа. Жанровое своеобразие сочинения, сочетающей черты хроники и *тазкиры*, расширяет ее исследовательский потенциал, превращая в комплексный источник по истории Кашмира. Богатое поэтическое наполнение и биографические материалы о суфийских деятелях делают произведение ценным для изучения не только политической истории, но и литературной традиции региона, а также особенностей распространения здесь исламского мистицизма.

Заключение

Основные характеристики сочинения «Ваки‘ат-и Кашмир» как исторического источника

Проведенное исследование сочинения Мухаммада А‘зама «Ваки‘ат-и Кашмир» позволило установить, что данное произведение представляет собой памятник кашмирской исторической мысли XVIII в. Анализ хронологических указаний, оставленных автором, показал, что текст создавался в период с 1735–1736 по 1747–1748 гг., при этом автор стремился охватить события последних пятидесяти-шестидесяти лет, опираясь на личные наблюдения и свидетельства современников для событий начала XVIII в.

Установлено, что произведение также можно отнести к жанру *тазкира*, но с обширными историческими вставками, что определяет его комплексный характер как источника. Мотивацией к созданию труда послужило стремление автора защитить репутацию Кашмира и его выдающихся деятелей от несправедливых суждений, распространявшихся в других регионах Могольской империи.

Ключевой особенностью источника является его двухчастная структура с переломом в 1690-х гг.: ранние события излагаются на основе компиляции письменных и устных источников, тогда как современная автору эпоха представлена через личные наблюдения и свидетельства очевидцев. Это придает различным частям произведения неодинаковую степень достоверности и информативности.

Научная значимость сочинения определяется его промежуточным положением в кашмирской исторической традиции – от классической санскритской «*Раджатарангини*» к персоязычным хроникам позднегогольского периода. Широкая источниковая база и высокий уровень историографической культуры автора, а также сохранность вероятно прижизненных списков в собрании ИВР РАН существенно повышают исследовательский потенциал данного памятника для изучения истории Кашмира XVIII в.

Значение «Ваки‘ат-и Кашмир» для изучения истории Кашмира в контексте истории Большого Ирана

Исследование выявило высокую фактологическую ценность сочинения как источника по истории Кашмира под властью Моголов. «Ваки‘ат-и Кашмир» отражает кризис Могольской империи в период после смерти Аурангзеба (1707г.). Частая смена наместников, религиозные конфликты между суннитами и шиитами, притеснения немусульманского населения, административный хаос и коррупция свидетельствуют о постепенном распаде централизованной власти.

Особую значимость представляет описание индийского похода Надир-шаха (1738–1740) и реакции кашмирцев на вторжение. Несмотря на военное поражение Моголов, население провинции сохранило лояльность законной династии, что демонстрирует важность легитимности власти в исламском мире. Автор сочинения выступает как очевидец данного исторического события, что повышает ценность оставленных им сведений.

Источник также демонстрирует трансформацию административной системы империи: переход от прямого управления *субадаров* к многоуровневой бюрократии с заместителями, что увеличивало коррупцию и злоупотребления, но позволяло центральной власти сохранять хотя бы номинальный контроль над отдаленными провинциями в условиях общего упадка империи. Кроме того, источниковедческую ценность «Ваки‘ат-и Кашмир» существенно повышает тот факт, что детальный перечень административных единиц региона, составленный Мухаммадом А‘замом, представляется уникальным, поскольку пока не находит аналогов ни в предшествующей историографической традиции, ни в современной научной литературе

Сочинение предоставляет комплексную картину религиозно-культурной жизни региона, отражая сложные взаимоотношения между суннитской и шиитской общинами, а также процессы исламизации. Кашмир предстает как регион с высокой степенью религиозной и этнической напряженности, где политические

кризисы неизбежно переходили в межконфессиональные и социальные конфликты.

Зафиксированы важные сведения о роли духовных лидеров в политических процессах и синтезе исламских традиций с местными практиками. Природные катаклизмы (землетрясения, наводнения, голод) накладывались на политическую нестабильность, создавая кризисы, которые приводили к демографическим катастрофам и массовой миграции населения.

Этнографические и географические данные позволяют реконструировать социальную организацию, хозяйственный уклад и экологическое сознание кашмирцев XVIII в. Произведение демонстрирует, как местное население адаптировалось к окружающей среде через систему религиозных верований и ритуалов.

«Ваки‘ат-и Кашмир» следует классической структуре иранских исторических сочинений с характерным для них последовательным изложением династийных циклов, однако отличается принципиальным отступлением от канона: вместо традиционного зачина с легендарных иранских династий (Пишдадидов, Кейянидов) текст открывается повествованием о легендарных кашмирских правителях, заимствованным из *«Раджатарангини»* Кальханы. Это свидетельствует о сознательной локализации исторического нарратива и стремлении автора легитимизировать кашмирскую историческую традицию, помещая ее в рамки персидской историографической модели, что указывает на процесс культурной адаптации и формирование региональной исторической идентичности в контексте литературной культуры Большого Ирана.

Использование «Ваки‘ат-и Кашмир» в исторических исследованиях

Разнообразие содержания «Ваки‘ат-и Кашмир» расширяет возможности изучения текста. Биографические материалы о суфийских деятелях делают источник ценным для изучения особенностей распространения исламского мистицизма.

Компилятивный характер произведения делает его важным звеном для изучения кашмирской историографической традиции и механизмов передачи исторической памяти.

Детальные сведения об административном устройстве Кашмира XVIII в., не встречающиеся в других источниках, открывают новые возможности для изучения могольской провинциальной системы в период кризиса империи. Этнографические описания быта, обычаев и культовых практик кашмирцев делают источник востребованным для антропологических и культурологических исследований.

Особую ценность представляют уникальные географические описания и топонимические данные, что делает сочинение незаменимым для исследований по исторической географии региона и реконструкции административно-территориального деления позднемогольского Кашмира.

Перспективы дальнейших исследований «Ваки‘ат-и Кашмир»

Выявленные связи с другими произведениями автора («*Ашджар-и хулд*», «*Самарат ал-ашджар*») открывают перспективы для комплексного изучения творчества Мухаммада А‘зама и кашмирской интеллектуальной традиции XVIII в. Необходимо продолжить сравнительный анализ с другими источниками по истории региона, особенно в контексте общих процессов упадка Могольской империи. Перспективным представляется детальное изучение административных и социально-экономических аспектов, отраженных в сочинении, для более глубокого понимания механизмов имперского управления на региональном уровне.

Богатое поэтическое наполнение и элементы *тазкиры*, позволяет использовать «Ваки‘ат-и Кашмир» не только в исторических исследованиях, но и при изучении литературной традиции региона.

В ходе настоящего исследования «События Кашмира» были переведены на русский язык на основании списка В720. Данный перевод создает основу для дальнейшей текстологической работы, включающей детальное сравнение с двумя другими списками произведения из коллекции ИВР РАН, а также с более поздними списками, имеющимися в свободном доступе. Сопоставление различных редакций

позволит выявить текстологические расхождения, уточнить спорные места и по возможности подготовить критический текст, что значительно повысит научную ценность источника и откроет новые перспективы для его использования в исторических исследованиях.

Список использованных источников и литературы

На русском языке

1. Акимушкин О.Ф. «Хасанāt ал-абрār» шайха Мухаммад-Мурāда Кашмīрй – редкая агиография конца XVII в. шайхов братства нақшбандийа-муджаддийа // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). СПб.: Петербургское Востоковедение, Новая серия, 2002. Т. I. (XXVI). С. 13–25.
2. Акимушкин О.Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. – СПб.: Санкт-Петербург «Наука», 2004.
3. Ардашникова А.Н., Рейснер М.Л. Эволюция жанра тазкере в Иране XIII-XIX вв.: от антологии к справочнику // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, 2016. №1. С. 3–18.
4. Бабур-наме. Записки Бабура / пер. М. Салье; отв. ред. и авт. предисл. канд. ист. наук С.А. Азимджанова. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1958.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 8. М.: Наука, 1973.
6. Йазди Шараф ал-дин ‘Али. Зафар-наме / пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: Издательство журнала «SAN'AT», 2008.
7. Казим М. Поход Надир-Шаха в Индию / пер. с перс., коммент. П. И. Петрова. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1961.
8. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история / пер. с англ. М. Г. Романов. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2004.
9. Коган А.И. Взлет и падение домусульманского Кашмира // История и современность, 2018. No. 2(28). С. 201–226.
10. Коган А.И. Проблема этнической собственности на землю в новой и новейшей истории Кашмира // История и современность. No. 1. 2017. С. 107–130.
11. Коган А.И. Перспективы исследования этнической истории Кашмира // Восток (Oriens), 2009. No. 3. С. 115–124.

12. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература, 2004.
13. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана: Т. 2: Афганистан в новое время. М.: Наука, 1965.
14. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. отв. ред. А. П. Баранников. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939.
15. Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3: Исторические сочинения. М.: Наука, 1975.
16. Муслим. Сахих: мухтасар / пер. с араб., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2011.
17. Петров П.Я. Раджа-Тарангини, историческая поэма Кальхана-пандиты. М.: Катков и К., 1865.
18. Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. / пер. с англ. Степанова Л. В., Ястребовой И. П. и Княжинской Л. А. М.: Издательство иностранной литературы, 1954.
19. Смирнова А.М. Взгляд иранских исследователей на влияние культуры Большого Ирана в Кашмире // Проблемы Востоковедения, 2023. No. 3 (101). С. 28–35.
20. Смирнова А.М. Персидская рукопись XVIII века из коллекции ИВР РАН: Вклад в историографию Кашмира // Modern Oriental Studies, 2024. No. 2. С. 123–132.
21. Смирнова А.М. Обзор трудов по истории Кашмира: от традиционных санскритских до новых английских источников // Письменные памятники Востока, 2024. Том 21. No. 3 (58). С. 94–100.
22. Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Т. 1. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
23. Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996.

24. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-пресс, 2001.

На английском языке

25. Akbar, M.J. Kashmir: Behind the Vale. New Delhi: Lotus Collection, 2011.
26. Akimushkin, O. A Rare Seventeenth-Century Hagiography of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya Shaykhs // Manuscripta Orientalia, 2001. Vol. 7. No. 1 P. 62–67.
27. Allami, Abu-l-Fazl. The A'in-i Akbari / trans. from the original Persian by Colonel H. S. Jarrett. Vol. 2. Calcutta: Baptist Mission Press, 1891.
28. Ashfaq, F. History of Kashmir Under Aurangzeb // International Journal of Historical Insight and Research (IJHIR), 2015. Vol. 1. No. 1. P. 33–48.
29. Ashraf Shah, S. Flower Garden: Posh-i-Chaman. Srinagar: Ashraf Fazili, 2021.
30. Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991.
31. Bamzai, P.N.K. A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day. New Delhi: Metropolitan Book Co., 1973.
32. Bamzai, P.N.K. Kashmir and Central Asia. New Delhi: Light and Life Publishers, 1980.
33. Bamzai, P.N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Vol. 1. Kashmir: Golshan Books, 2007.
34. Bamzai, P.N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Vol. 2. Kashmir: Golshan Books, 2007.
35. Brown, Ch. M. The Devi Gita: The Song of the Goddess: A Translation, Annotation, and Commentary. New York: State University of New York Press, 1998.
36. Chhabra, G S. Advance Study in the History of Modern India. Vol. 1. New Delhi: Lotus Press, 2005.
37. Dani, A. H. History of northern areas of Pakistan. Islamabad: National Institute of Historical and Cultural Research, 1989.

38. DeWeese, D. The Yasavī Presence in the Dasht-i Qïpchaq from the 16th to 18th Century // *Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th-early 20th Centuries)*. Wien, 2013. P. 27–67.
39. Dhar, S. Kalhana. Delhi: Sahitya Academi, 1998.
40. Dughlát, Muhammad Haidar. The Tarikh-i-rashidi: A History of the Moghuls of Central Asia; an English Version. London: S. Low, Marston and Company, 1895.
41. Dutt, J.C. The Rājatarāṅgiṇī of Jonarāja. (The Kings of Kashmira 2nd Series) Delhi: Gian Publishing House, 1986.
42. Elliot, H. M. Shah Jahan. Lahore: Hafiz Press, 1975.
43. Ghani Kashmiri. The Captured Gazelle: The Poems of Ghani Kashmiri / trans. by Mufti Mudasir Farooqi. London: Penguin UK, 2013.
44. Hanneder, J. On «The Death of Sanskrit» // *Indo–Iranian Journal*. 2002. No.45 (4), P. 293–310.
45. Hasan, M. Kashmīr Under the Sultāns. Calcutta, 1959.
46. Imperial Gazetteer of India. Vol. 25. Oxford University Press, 1908.
47. Irvine, W. Later Mughals. Vol. I. Calcutta: M. C. Sarkar & Sons, 1922.
48. Kalhana. Histoire des Rois du Kachmir: Rājatarāṅgiṇī / French trans. by M. Anthony Troyer. New Delhi: Asian Educational Services, 1995.
49. Kalhana. Kalhaṇa's Rājatarāṅgiṇī / English trans. by M. Aurel Stein. In 2 vol. Westminster, 1900.
50. Kalhana. Kings of Kashmira / English trans. by J.Ch. Dutt. In 3 vol. London, 1879.
51. Kalla, K.L. The Literary Heritage of Kashmir. Delhi: Mittal Publications, 1985.
52. Koul, P.A. Geography of the Jammu and Kashmir State. Calcutta, 1925.
53. Koul, P.A. Hasan's History of Kashmir // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. Calcutta, 1913. Vol. 9. P. 195–203.
54. Koul, P.A. History of Kashmir // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. Calcutta, 1910. Vol. 6. P. 195–219.

55. Lockhart, L. Nadir Shah. London: Luzac & Co, 1938.
56. Losensky, P.E. 'Orfi Širazi. *Encyclopædia Iranica*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/orfi-of-shiraz> (ссылка актуальна: 08.05.2026).
57. Majumdar, R.C. *The History and Culture of the Indian People. The Vedic Age. Vol. 1.* London: George Allen & Unwin LTD, 1951.
58. Matini, J. 'Amara Marvazi. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/amara-b/?highlight=omara%20marvazi> (ссылка актуальна: 08.05.2026).
59. Mattoo, I.A. Ajez, Narayan Kaul. *Encyclopædia Iranica*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ajez-narayan-kaul> (ссылка актуальна: 08.05.2026).
60. Meneghini Correale, D. Kalim Kāšāni, Abu Ṭāleb. *Encyclopædia Iranica*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kalim-kasani> (ссылка актуальна: 08.05.2026).
61. Moosvi, Sh. *The Economy of the Mughal Empire, c. 1595: A Statistical Study.* Delhi: Oxford University Press, 1987.
62. *Nīlamatapurānam. Critical Edition* / ed. by Ram Lal Kanji Lal, M.A., Vedanta-tirtha, Vidyaratna and Pandit Jagad-dhara Zadoo. Lahore: The Punjab Sanskrit Book Depot, 1924.
63. Nizamuddin Ahmad. *The Ṭabaqāt-i-Akbarī: A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty-Eighth Year of the Reign of Akbar* / trans. by B. De. Vol. 2. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, Baptist Mission Press, 1936.
64. Parmu, R.K. *A History of Muslim Rule in Kashmir 1320-1819.* Delhi: People's Publishing House, 1969.
65. Rasool, S. Advent of Islam in Kashmir: A Brief Introduction to the Contribution of Sayyid Ali Hammadani // *North Asian International Research Journal of Social Science & Humanities*, 2017. No.3(12). P. 292–301.
66. Ray, S. Ch. *Early History and Culture of Kashmir.* Calcutta: U.N. Dhur & Sons Private Ltd., 1957.

67. Rizvi, S.A. A History of Sufism in India. In 2 vol. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1997.
68. Saqi, M. Kh. Maasir-i 'Alamgiri: A History of the Emperor Aurangzeb Alamgir (reign 1658-1707 A.D.) / ed. by Sir Jadunath Sarkar. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1947.
69. Saran, P. The Provincial Government of the Mughals, 1526–1658. Allahabad: Kitabistan, 1941.
70. Sarkar, J. Nadir Shah in India. Calcutta: R. Gosh India Book Exchange, 1925.
71. Sastri, K.A. Nilakanta. Age of the Nandas and Mauryas. Banaras: Motilal Banarsidass Pub, 1988.
72. Smirnova, A. Kashmir Under the Influence of the Nadir Shah's Indian Campaign (1738-39) (According to the Persian Manuscript of the 18th c.) // Written Monuments of the Orient. 2024. Vol. 10, No. 1 (20). P. 80–86.
73. Smirnova, A. Confessional Perception of Historical Memory: Mir Shams al-Din 'Iraqi through the Eyes of the 18th c. Sunni Author (Based on Manuscript B720 from the IOM RAS Collection) // Written Monuments of the Orient, 2025. Vol. 11, No 2 (23). P. 80–88.
74. Snedden, Ch. Understanding Kashmir and Kashmiris. New York: Oxford University Press, 2015.
75. Stein, B. A History of India / Ed. David Arnold. Second edition. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2010.
76. Stein, M.A. Kalhaṇa's Rājatarāṅgiṇī: A Chronicle of the Kings of Kashmir. In 2 vol. London: Archibald Constable and Company Ltd, 1900.
77. Sufi, Gh. M. Kashir. A History of Kashmir. In 2 vol. Lahore, 1948–1949.
78. The Tūzuk-i-Jahāngīrī or Memoirs of Jahāngīr. Vol. 2: From the Thirteenth to the Beginning of the Nineteenth Year of his Reign / trans. by Alexander Rogers and Henry Beveridge. London: Royal Asiatic Society, 1909–1914.
79. Zaffar, M. H. Mystical Thought of Kashmir // The Parchment of Kashmir. New York: Palgrave Macmillan, 2012. P. 71–85.

На персидском языке

80. Allami, Abu-l-Fazl. Akbar nama. Tarikh-i Gurkaniyan-i Hind [Акбар-нама. История Гурканидов Индии]. Be kushesh: Gulam Riza Tabatabai Majd [Редактор: Гулам Риза Табатабаи Маджд] Vol. 1. Tehran: Anjuman-i Asar va Mafakhir-i Farhangi [Ассоциация памятников и культурного наследия], 1385 [2006].

81. Anusheh, Hasan. Danishnama-yi zaban va adab-i farsi dar shibh-i qarra [Энциклопедия персидского языка и литературы субконтинента]. Tehran, 1380 [1996/1997].

82. Astarabadi, Muhammad Mahdi. Tarikh-i jahangusha-yi Nadiri [История завоевания мира Надиром]. Tehran: Anjuman-i asar va mafakhir-i farhangi [Общество культурных памятников и достижений], 1377 [1998/1999].

83. ‘Atayi, Abd Allah. Naqsh va jaygah-i Mir Shams al-Din ‘Iraqi dar gustarish-i tashayyu‘ dar Kashmir bar asas-i Tuhfat al-ahbab [Роль и место Мир Шамс ал-дина ‘Ираки в распространении шиизма в Кашмире на основе «Тухфат ал-ахбаб»] // Majalla-yi shibh-i qarra (Wizha-nama-yi nama-yi farhangistan) [«Субконтинент» (Специальный выпуск письма Академии)], 1392 [2013/2014]. No. 1, P. 226–237.

84. ‘Atayi, Abd Allah. Naqsh-i Mir Sayyid ‘Ali Hamadani dar tawsi‘a-yi hunar va sanayi‘-i dasti dar Kashmir [Роль Мир Саййида Али Хамадани в развитии искусства и ремесел в Кашмире] // Ayina-yi miras zamistan [Зимнее зеркало наследия], 1387 [2008/2009]. No. 43. P. 208–219.

85. Azkai, Parviz. Muruj-i islam dar Iran-i saghir. Ahval va asar-i Mir Sayyid ‘Ali Hamadani [Распространение ислама в «Маленьком Иране». Деятельность Мир Саййида ‘Али Хамадани]. Hamadan, 1370 [1991/1992].

86. Davarpenah, Gulara. Ta‘thir va jaygah-i Mir Shams al-Din ‘Iraqi dar mantaqa [Влияние и место Мир Шамс ал-дина ‘Ираки в регионе] // Pazhuhishnama-yi adyan, madhahib va ‘irfan [Исследовательский журнал религий, конфессий и мистицизма], 1397 [2018]. No.23. P. 1–21.

87. Fauq, Muhammad Din. Tarikh-i aqvam-i Kashmir [История народов Кашмира]. Lahore, 1938.

88. Ferishta, Mahomed Kasim. *Tarikh-i-Ferishta or History of the Rise of the Mahomedan Power in India* / ed. and collected from various manuscript copies by Major-General John Briggs, assisted by Munshi Mir Kheirat Ali Khan Mushtak of Akberabad. Vol. 2. Bombay: Government College Press, 1831.

89. Haidar, Mirza Dughlat Muhammad. *Tarikh-i Rashidi* [История Рашиди] / be tashih-i Abbas Quli Ghaffari Fard [под ред. А.К. Гаффари Фард]. Tehran: Markaz-i nashr-i miras-i maktub [Центр публикации письменного наследия], 1383 [2004/2005].

90. Hasan, Haidar Malik ibn Malik. *Tarikh-i mulk-i Kashmir* [История государства Кашмир]. Рукопись No.5130, библиотека Меджлиса Национального совета Ирана. [Электронный ресурс]. URL: <https://ketabpedia.com/download/6576> (ссылка актуальна: 08.05.2026).

91. Hasan, Pir Ghulam. *Tarikh-i Hasan Kuyhami* [История Хасана Куйхами]. Vol. 2. Srinagar, 1954.

92. Kazim, Muhammad. *Nama-yi 'alamara-yi Nadiri* [Мироукрашающее послание Надира] / be tashih-i Muhammadamin Riyahi [под редакцией Мухаммадамина Риахи]. Vol. 2. Tehran, 1368 [1989/1990].

93. Khalili Jahantigh, Mariam. *Baztab-i rivayat-ha-yi hamsan dar kitab-i Raj Tarangini va asar-i irani va sami* [Отражение схожих повествований в книге Раджатарангини и иранских и семитских произведениях] // *Pazhuhish-ha-yi Adabi* [Литературные исследования], 1385 [2006/2007]. No. 11. P. 81–92.

94. Matu, Ghulam Muhammad. *Naqsh-i Mir Shams al-Din 'Iraqi dar tarwiji tashayyu' dar Kashmir* [Роль Мир Шамс ал-дина 'Ираки в распространении шиизма в Кашмире], *Sukhan-i tarikh* [Слово истории], 1389 [2010/2011]. No.8. P. 169–183.

95. Matu, Gulam Muhammad. *Vad'iyyat-i kanuni-i shi'yan-i Kashmir* [Текущее правовое положение шиитов Кашмира] // *History Speeches*, 1389 [2010/2011]. No. 9. P. 110–127.

96. Radfar, Abulkasem. *Kashmir – Iran-i saghir* [Кашмир – маленький Иран]. Tehran, 1385 [2006/2007].

97. Riahi Hossein, Mohammad. Naqsh va ta'sir-i shakhsiyyat-ha-yi Irani dar Kashmir [Роль и влияние иранских личностей в Кашмире] // Isfahan University Historical Research Quarterly Journal, 2014. No. 4. P. 1–16.

98. Safi, Qasem. Sarzamin va mardum-i Pakistan [Территория и народ Пакистана]. Tehran, 1378 [1999/2000].

99. Seyed Naseri, Hamid Reza. Kashmir (guzashta, hal, ayanda): daricha-yi ba tarikh-i Kashmir [Кашмир (прошлое, настоящее, будущее): окно в историю Кашмира]. Tehran: Sazman-i farhang va irtibatat-i islami [Организация исламской культуры и коммуникаций], 1399 [2020/2021].

100. Tayyibi Fard, Kazim. Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir: daricha-yi ba shinakht-i Kashmir-i tarikhi [Хайдар Малик и книга истории Кашмира: окно в познание исторического Кашмира] // Guzarish-i Miras [Отчет о наследии], 1392 [2013/2014]. No. 5,6. P. 14–18.

101. Vazifedan Mullashakhi, Fatima. Kashmir va zaban-i farsi [Кашмир и персидский язык] // Studies of the Subcontinent, 1393 [2014/2015]. No. 18. P. 139–160.

102. Zabit, Haydar Riza. Tashayyu' dar shibh-i qarra-yi Hind [Шиизм на Индийском субконтиненте] // Majalla-yi pazhuhish-ha-yi ijtimai', Islami [«Социальные, исламские исследования»], 1377 [1998/1999]. No. 12. P. 82–102.

На языке дари

103. Habibi, Abdul Hay. Tarikh-i Afghanistan dar asr-i Gurganiyan-i Hind. [История Афганистана в эпоху Гурганидов (Моголов) Индии]. Kandahar, 1389 [2010].

На языке урду

104. Niyazmand, Muhammad Sadiq. Kashmir ke Farsi Shu'ara [Персидские поэты Кашмира]. Srinagar: Awais Waqas Publishing House, 1994.

105. Waqi'at-i Kashmir (Tarikh-i Kashmir A'zami) [События Кашмира (История Кашмира Азами)] / doctor Khawaja Hameed Yazdani [доктор ходжа Хамид Йаздани], Lahore: Iqbal Academy Pakistan, 1988.

106. Waqi'at Kashmir ka Urdu Tarjuma ma' Hawashi Tauzihat va Ta'liqat [События Кашмира. Перевод на урду с комментариями, пояснениями и примечаниями]/ mutarjim Shams al-Din Ahmad [переводчик Шамс ал-дин Ахмад. Кашмир]. Kashmir: Jammu and Kashmir Islamic Centre, 2001.

Каталоги

107. Акимушкин О.Ф., Кушев В.В., Миклухо-Маклай Н.Д., Мугинов А.М., Салахетдинова М.А. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Часть I / под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. М.: Наука, ГРВЛ, 1964.

108. Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3: Исторические сочинения. М.: Наука, 1975.

109. Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Т. 1. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.

110. Ashraf, M. Persian Manuscripts in National Museum of Pakistan at Karachi. Karachi: Anjuman Press, 1972.

111. Blochet, E. Catalogue des Manuscrits Persans de la Bibliothèque Nationale. Vol. 1. Paris: Imprimerie nationale, 1905–1934.

112. Ethé, H., Sachau, K.E. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1889.

113. Ethé, H. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office. Vol. 1. Oxford: India Office, 1903.

Словари и энциклопедии

114. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь: в 2 т./ Мирза Абдулла Гаффаров, преп. перс., азерб. и сарт. яз. (в Спец. кл. Лазарев. ин-та и Моск. коммерч. ин-те). М.: тип. М.О. Аттая и К°, 1914–1927.

115. Прозоров С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.

116. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970.
117. Словарь нумизмата. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.numizm.ru> (ссылка актуальна: 08.05.2026).
118. Словарь терминов Российской Академии Художеств. [Электронный ресурс]. URL: <https://rah.ru/science/glossary/index.php> (ссылка актуальна: 08.05.2026).
119. Da'irat al-ma'arif-i buzurg-i Islami (The Great Islamic Encyclopaedia). In 22 vol. Edited by Kazem Musavi Bojnurdi. Tehran: Markaz-i da'irat al-ma'arif-i buzurg-i Islami, 1367/1989.
120. Dekhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998.
121. Mo'in, Mohammad. Farhang-i Farsi-yi Mo'in [Словарь персидского языка Мухаммада Му'ина]. Tehran: Adna, 1381 [2002/2003].
122. Rekhta Foundation. Rekhta Dictionary: Urdu to Hindi, English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rekhtadictionary.com> (ссылка актуальна: 08.05.2026).

Приложение: комментированный перевод фрагментов текста «Ваки‘ат-и Кашмир» по рукописи В720 из собрания ИВР РАН

В приложении к настоящему диссертационному исследованию представлен комментированный перевод избранных фрагментов рукописного источника, выполненный автором работы. Отбор материала осуществлялся по принципу историко-этнографической значимости: в приложение включены те разделы источника, которые содержат наиболее репрезентативные сведения по истории, географии, этнографии, экономике и религии региона Кашмира.

Приложение I: фрагмент из Введения (В720, f. 1b–10a)

Представленный фрагмент — это часть Введения к персидской хронике, в котором после традиционного религиозного зачина с восхвалением Аллаха, Пророка и четырех халифов автор обосновывает необходимость нового труда неполнотой предшествующих хроник. Основное содержание составляет географическое описание Кашмира как горного региона с умеренным климатом, плодородными землями и главной рекой из источника Веринаг. Включена обширная цитата из мирзы Хайдара Дуглата (XVI в.) с поэтическим восхвалением красот края. Автор сопоставляет прошлое и настоящее Кашмира, отмечая упадок ремесел и современные смуты как божественное наказание, после чего переходит к изложению истории правителей с акцентом на исламский период.

[f.3a] Тем не менее, это сборник, повествующий о состоянии чуда творений Всемогущего Творца и прекраснейших узоров в картинной галерее судьбы, а именно о стране Кашмир, подобной раю, который, по единодушному мнению всех путешественников и знатоков, выделяется среди большинства мест мира своей прелестью, чистотой, безопасностью и мягкостью климата, и не имеет себе равных. О некоторых его состояниях в прежние времена из века в век писали индийские историки, [f.3b] и за эту службу получали жалование от султанов. Их истории

известны как «Раза Таранг»²²⁷. Поскольку из-за смуты в делах султанов Кашмира их жалования были приостановлены, они прекратили писать.

Некоторые мусульмане перевели часть этих историй на персидский язык и кратко записали события до своего времени. Среди них мулла Хусейн Кари²²⁸, да будет над ним милость, составил краткое сочинение, а после него Хайдар Малик Чадура²²⁹ занялся описанием истории Кашмира. Однако в большинстве мест он восхвалял своих предков и опускал важные события и происшествия эпох. Прошло еще два-три века, и некоторые выдающиеся люди, имея в виду упомянутые книги, дополнили их до своего времени, составив трактаты на эту тему. Примерно в то же время один индус также написал очень краткую и сжатую версию²³⁰.

Поскольку все эти рукописи не содержали подробного описания состояния выдающихся личностей, и в эти века произошли удивительные события, ничтожнейшему из уммы Мухаммаду А'заму, сыну Хайр ал-Заман-хана, пришлось на ум написать несколько страниц о состоянии этой прекрасной страны, включая краткое изложение основных событий, которые произошли в каждый период, [f.4a] и в контексте этих событий на страницах письма упомянуть имена суфиев, ученых и мудрецов каждой эпохи, и кратко записать основные дела, которые произошли в этой стране²³¹ в эти века. А также, насколько возможно, упомянуть имена поэтов и мастеров слова последних веков, которые не были зафиксированы ни в одной

²²⁷«Раджатарангини» (Поток царей) – хроника, повествующая о древних царях Кашмира, написана на санскрите автором Кальханой примерно в 1147–1149 годах н. э.

²²⁸По мнению исследователей, работа муллы Хусейна Кари входит в список утраченных произведений на персидском языке, посвященных истории Кашмира и легших в основу «Бахаристан-и шахи» – первой детализированной исторической работы на персидском языке, посвященной Кашмиру. См.: Bahāristān-i Shāhī. A Chronicle of Medieval Kashmir / ed. by Pandit K.N. Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. P. 27.

²²⁹Хайдар Малик Чадура, в 1618–1621 гг. написал самую известную персидскую историю Кашмира – «Тарих-и Хайдар Малик». Он использовал те же источники, что и авторы других хроник, но дополнив их семейными традициями. Как очевидец периода правления династии Чак, он детально описал правление султанов и их борьбу с Моголами. См.: Hasan, M. Kashmir Under the Sultāns. Calcutta, 1959. P. 8.

²³⁰Возможно, речь идет об авторе, чье имя звучит как Нарайан Каул Аджез. Его «История Кашмира» (1710г.), которая, по сути является аналитической обработкой «Истории» Хайдар Малика, предоставляет нам сведения о султанах и ранних правителях Могольской империи. См.: Mattoo, I.A. Ajez, Narayan Kaul. Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ajez-narayan-kaul> (дата обращения: 25.01.2026).

²³¹В анализируемом тексте для обозначения Кашмира используется лексема «*шахр*» (شهر), которая в современном персидском языке интерпретируется как «город». Вместе с тем, для памятника XVIII в. целесообразно применять архаичную семантику данного термина – «страна», либо, в зависимости от контекстуального окружения, его вариативные значения «местность», «область» или же «провинция», выступающее функциональным эквивалентом термина «суба» в тех случаях, когда Кашмир рассматривается преимущественно как административно-территориальная единица в составе Могольской империи. Если же автор использует слово «*шахр*» непосредственно в значении «город», то речь идет о столице провинции Кашмир – Сринагаре.

рукописи, чтобы это стало памятью для исследователей истории и напоминанием для тех, кто извлекает уроки. Поскольку начало этого трактата пришлось на 1148 год²³²²³³, его название «События Кашмира» стало *тарихом*²³⁴. От Него начало и к Нему возвращение²³⁵.

Рубаи:

Кашмир – это дверь в сокровищницу благодати,

Пусть Кашмир будет стабильным, пока существует мир.

Год начала [книги] о Кашмире стал

Названием книги «События Кашмира».

Начало этого трактата пришлось на время счастливого правления падишаха Сикандар-шаха, властителя государства, носителя солнечной короны, поднимающего знамя великих завоеваний, зажигающего светоч покорения стран, украшающего лик справедливости и милосердия, дарующего свежесть саду щедрости, прибежища и убежища султанов семи стран, молодого и счастливого хакана со светлой звездой, небесной сферы гнева, вершителя правосудия и решателя проблем, океана благодати и покровителя слабых, Абу-л-Фатха Насир ал-дина Мухаммад-шаха Падишаха Гази²³⁶, [f.4b] да сохранит Аллах его царство и власть, да распространит он на весь мир свою доброту, справедливость и благодеяния. И это молитва, которая не будет отвергнута, ибо она – благо для всех видов творений²³⁷.

Структура этого трактата организована следующим образом: Введение и три части с Заключением.

Введение: описание состояния и характеристик этой страны.

²³²1148 г.х. соответствует 1735–1736 гг. н.э.

²³³Здесь и далее перевод дат из лунной хиджры в григорианское летосчисление выполняется при помощи электронного конвертера дат. [Электронный ресурс]. URL: <https://nurlu.narod.ru/taqvim.htm> (дата обращения: 29.04.2026).

²³⁴*Тарих* (хронограмма) – способ зашифровать дату через числовые значения букв арабского алфавита, что было распространенной практикой в персидской поэзии при написании элегий или памятных дат. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 343.

²³⁵Схожая идея выражена в Коране: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к Нему возвращаемся» (2:156).

²³⁶Мухаммад-шах или Насир ал-дин Абу-л-Фатх Мухаммад, падишах империи Великих Моголов (1719–1748).

²³⁷Традиционная формула благословения правителя в исламской традиции.

Первая часть: о правителях, которые управляли этой страной до прихода ислама.

Вторая часть: о султанах, которые пришли к власти после распространения ислама и происходили из Кашмира.

Третья часть: о султанах великой династии Тимуридов и Чагатаидов, которые завладели этой страной.

Заключение: описание некоторых чудес и диковинок, характерных для этой страны, да убережет ее Аллах от бедствий.

Введение

Вкратце о состоянии и характеристиках Кашмира.

Следует отметить, что Кашмир – это область, расположенная почти в самом центре четвертого *иклима*²³⁸.

Начало этого *иклима* находится там, где широта составляет тридцать три градуса и пятьдесят четыре минуты, а его широта от экватора – тридцать пять градусов. Его долгота от Канарских островов составляет сто пять градусов. По этой причине его относят к землям Хорасана.

Протяженность этой области довольно велика. Со всех сторон она окружена могучими горами, подобными небесам. Горная местность на юге обращена в сторону Дели, а северная земля в сторону Бадахшана и Хорасана. [f.5a] Его западная сторона обращена к местностям, известным как Пакхли, которые ныне являются местом проживания афганских племен. Восточная сторона граничит с началом земель Тибета.

²³⁸ *Иклим* (اقلیم) – климат; страна, округ, область, часть земли. См.: Гаффаров, М. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / Мирза Абдулла Гаффаров, преп. перс., азерб. и сарт. яз. (в Спец. кл. Лазарев. ин-та и Моск. коммерч. ин-те). М.: тип. М.О. Аттая и К°, 1914–1927. Т1, С. 56.; Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 110.

В античной и средневековой географии (восходящей к трудам Птолемея, ал-Бируни, ал-Идриси и других ученых) обитаемая часть Земли делилась на 7 климатов (*иклим*) – горизонтальных поясов, проведенных параллельно экватору. См.: Крачковский, И.Ю. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература, 2004. С. 22.

Протяженность этой области с юга, если считать по равнинной части от восточной границы до западной, составляет около сорока *фарсахов*²³⁹. А ширина с южной стороны до северной границы – двадцать *фарсахов*. На самой этой ровной равнине, расположенной среди гор, находятся тысячи процветающих деревень. Она изобилует приятными источниками, водой, зеленью и тюльпановыми полями.

Среди простого народа бытует мнение, что в прежние времена во всей этой области, помимо гор и равнин, было несколько тысяч деревень, пригодных для строительства и земледелия. Но из-за бедствий и несчастий, о которых будет немного написано в своем месте, большинство из них не сохранилось. Свидетельством чистоты воды и воздуха этих краев является то, что красота облика и прелесть черт тамошних красавиц стали притчей во языцех среди древних персидских поэтов. В горах и на равнинах растут разнообразные виды плодовых и сладких деревьев, и плоды их чрезвычайно хороши и подходят большинству темпераментов. Однако, поскольку климат здесь склонен к холоду и выпадает обильный снег, тропические фрукты, такие как сахарный тростник, манго, финики, апельсины, лимоны и подобные им, здесь не растут, но их привозят из близлежащих теплых стран.

[f.5b] В центре этой равнины, на расстоянии одного *фарсаха* с востока на запад до гор, во времена прежних султанов был очень благоустроенный и процветающий город. В самом городе, подобно Багдаду, течет большая река, объем воды в которой превышает воды Тигра. Удивительно то, что такой мощный поток берет начало из одного источника, и главным истоком этой реки является Веринаг, чья вода славится своей чистотой и приятным вкусом, ставшими притчей во языцех среди мудрецов. Талиб Калим²⁴⁰ сказал:

бейт

Я сделал выбор из горячего и холодного жизни:

²³⁹*Фарсах* (فرسخ) – варьирующаяся по районам единица измерения расстояния, приблизительно 5-6 км. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 2, С. 228.

²⁴⁰Абу Талиб Калим Кашани (ум. 1651 г.) – персидский поэт и один из ведущих представителей так называемого индийского стиля (*сабк-и хинди*). См.: Meneghini Correale, D. Kalim Kāšāni, Abu Ṭāleb. Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kalim-kasani> (дата обращения: 11.03.2026).

Слезы своих глаз и вода источника Вериная.

После этого воды из множества невидимых источников, близких и далеких мест, а также ручьев, стекающих с гор и равнин, отделяясь, вливаются в эту реку. Говорят, что в прежние времена на этой реке было связано цепями около тридцати тысяч кораблей. В городе Сринагар, который был центром провинции и местом обитания правителей с древних времен до конца эпохи кашмирских султанов, существовало семь мостов.

После того как вода реки выходит за пределы Кашмира, она проходит через Пенджаб и окрестности Пешавара, протекает над Мултаном, соединяется с другими реками и впадает в Синд. Все это называют водами Синда, и из земель Татты она впадает в океан.

[f.6a] Одна из тонкостей божественной мудрости в том, что Архитектор творения, по велению «Разве Мы не воздвигли на ней незыблемые и высокие горы» (Коран, 77:27), возвел крепкие крепости и величественные цитадели из неприступных гор вокруг этой обширной территории, чтобы жители этой земли всегда были защищены этими укреплениями от нападений врагов. И без согласия и единства местных жителей никто из чужаков, несмотря на многочисленность войск и силу власти, не имеет пути к захвату этой страны.

Основные общественные дороги этой провинции идут в трех направлениях. Одна – в сторону Хорасана, и это очень трудный путь. Другая идет из округа Кхуйахом по пути Гилгита и достигает Бадахшана. Вторая дорога через Вардудж более сложная, но ближе. Перевозка грузов по этому пути на вьючных животных невозможна, и местные жители, привыкшие к этой работе, несут их на плечах несколько дней до места, откуда можно доставлять груз на четвероногих. Путь в сторону Индостана подобен этому, но труднее. Он был немного улучшен во времена султанов Кашмира и в большей степени после завоевания чагатайскими и тимуридскими правителями.

Путь в сторону Тибета легче этих двух дорог, но дорога в Малый Тибет не лишена трудностей. На несколько дней пути там много травы ядовитой природы,

и всадникам трудно пройти, так как четвероногие погибают. **[f.6b]** Обе эти дороги ведут в Кашгар, Хотан и Лхасу, а оттуда достигают Чина и Мачина²⁴¹, Туркестана и Турана. Также упоминается путь между югом и востоком в сторону Декана, но он не является обычным и не очень известен.

В этой упомянутой области все описанные земли делятся на четыре типа. Это либо орошаемые земледельческие угодья, либо богарные, либо цветущие сады, либо фруктовые сады, либо ровные поля с тремя видами полыни, или же поля с шиповником, тюльпанами, базиликом, фиалками и разными видами цветов вдоль рек и гор. И на этой части земли из-за влажности земледелие не ведется, поэтому она остается в виде цветущих садов для развлечения людей, что само по себе является одной из ее прелестей.

Жара летнего воздуха в Кашмире крайне приятна, так что в большинстве случаев нет необходимости в веере. Постоянно дует легкий ветерок, аромат которого приносит жителям дыхание жизни. Благодаря нежности этих ароматных бризов, непрерывно веющий утренний ветерок обладает свойством оживлять, подобно дыханию Духа Божьего. Весной и осенью листья опадают с деревьев, а соловьи поют свои мелодии, как бы вопрошая языком своего состояния: «Кто оживит кости, которые истлели?» (Коран, 36:78).

Ветер, что приходит с дыханием души,

Вдыхает жизнь в изношенное тело

‘Амара²⁴², который был из древних поэтов и приближенных султанов Саманидов в Иране в 300 году хиджры²⁴³, **[f.7a]** сказал приблизительно следующее:

бейт

Хотя мир некоторое время был покрыт серебром,

Пришла зелень и заняла место груды серебра.

²⁴¹Чин и Мачин (چين و ماچين) – Китай; Китай и Индо-Китай. См.: Гаффаров, М. А. Персидско-русский словарь: в 2 т./ Мирза Абдулла Гаффаров, преп. перс., азерб. и сарт. яз. (в Спец. кл. Лазарев. ин-та и Моск. коммерч. ин-те). М.: тип. М.О. Аттая и К°, 1914–1927. Т1, С. 244.

²⁴²‘Амара Марвази по прозвищу Абу Мансур – один из поэтов позднего саманидского и раннего газневидского периодов. См.: Matini, J. ‘Amara Marvazi. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/amara-b/?highlight=omara%20marvazi> (дата обращения: 11.03.2026).

²⁴³300 г.х. соответствует 912–913 гг. н.э.

Картинная галерея кашмирцев во время весны
Всю свою красоту уступила саду.

Мулла ‘Урфи²⁴⁴, который был одним из поздних поэтов и о котором будет упомянуто, сказал о своем состоянии:

бейт

Каждая сгоревшая душа, что входит в Кашмир,
Словно изжаренная птица, прилетающая на своих крыльях.

Один из султанов сказал:

бейт

Не говори: «Кашмир», это зависть дома фей в Китае,
Словом, это рай, который есть на земле.

Поэты мира в стихах и прозе сочинили столько историй и описаний этой страны, что неизвестно, сказали ли они хотя бы десятую часть того о каком-либо другом месте.

Зимняя погода здесь чрезвычайно умеренная, без вреда и нарушений, так что, несмотря на обилие снега, не требуется шуба. Более того, этот холод пробуждает природное тепло и естественный темперамент, и когда нет сияния всемирного солнца, природа жителей этой страны, лучших из мастеров, отвергает жар огненного воздуха.

Бейт:

Небо пыльное и беспокойное,
Сегодня день для вина, а вечером – для огня.

²⁴⁴‘Урфи Ширази – персидский поэт второй половины XVI в. См.: Losensky, P. E. ‘Orfi Širazi. *Encyclopædia Iranica*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/orfi-of-shiraz> (дата обращения: 11.03.2026).

В Кашмире такой день случается время от времени. И мавлана Шараф ал-дин ‘Али Йазди²⁴⁵, хотя и не бывал в Кашмире, оставил в своей истории описание Кашмира, основанное на том, что он слышал от людей. [f. 7b] Что касается мирзы Хайдара²⁴⁶, который некоторое время был правителем этой страны и [то, что он] видел собственными глазами, и записал в своей книге – капля из того по выбору в этой рукописи записывается, это есть [следующее]:

«От его весеннего воздуха проявляется смысл "Я вдохнул в него от Моего духа" (Коран, 38:72), а от его животворящего аромата виден знак "Он выводит живое из мертвого" (Коран, 30:19). Каждая зеленая долина превзошла райские сады, а от цветов его деревьев сады Эрама увяли. Реки его дорог в садах чудес напоминают о "текут по ним реки" (Коран, 20:76). Его огненные цветы бросают вызов огню Халила (Авраама)²⁴⁷. [И в сторону его сада кипарис вытянул свой высокий стан, а на лице розы разжег огонь Халила (Авраама)]. Садовая лилия тысячей языков упрекает горные цветы, называя их дикими, а горная лилия, открыв язык упрека, говорит:

бейт:

В этом саду зачем ты упрекаешь меня в самовлюбленности?

Я расту так, как меня воспитывают.

Цветы, которые напоены дождем милости

И растут на возвышенной земле без посторонней помощи.

Те, что расцвели и выросли под взором мудрецов, какое отношение они имеют к садовым цветам? Дикорастущее – это одно, а выращенное – другое. Какое

²⁴⁵Мавлана Шараф ал-дин ‘Али Йазди – персидский историк и поэт эпохи тимуридов, чьим главным трудом является «Зафар-нама» (Книга побед) – историческое сочинение, описывающее биографию Тамерлана. Написано на персидском языке по заказу внука Тамерлана в середине XV в. См.: Йазди, Шараф ал-дин ‘Али. Зафар-наме / пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: издательство журнала «SAN'AT», 2008.

²⁴⁶«Тарих-и Рашиди» мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата (XVI в.) – историческое сочинение, посвященное истории Моголистана и Восточного Туркестана XIV–XVI вв. Автор описывает Кашмир как очевидец и участник событий, предлагая взгляд правителя и связывая историю региона с Центральной Азией и Индией. См.: Хайдар, Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан. 1996.

²⁴⁷Халил (ар. خليل) – «друг», «возлюбленный» является одним из титулов пророка Ибрагима (Авраама).

значение имеет роза, которая не очистила подол своей невинности от шипов чужаков?

Бейт:

Ради одной розы нужно терпеть сотню мучений от шипов.

Когда шип вонзается в сердце, неизбежно приходится терпеть.

Никогда не следует смотреть глазами уважения на самовлюбленный нарцисс, который, как глаза бесчувственных людей, лишенные слез, предстает перед взором пронизательных с пустой чашей. [f. 8a] Фиалка сама от этого стыда не может поднять голову. Несмотря на это, цветы сада, вскормленные кровью сердец людей, разорвали завесу непорочности, и из бутона целомудрия вышли, и от руки каждого недостойного к руке каждого непосвященного повернулись, и листья неверности без благословения и мелодии в руки и ноги людей рассыпали.

Рубаи:

Нет ни одного тюльпаноликого, который бы увеличивал любовь,

В любви и верности нет того, что должно быть.

В саду времени много цветов, но

Нет того цветка, от которого исходил бы аромат верности.

Вершины его гор из-за обилия зелени вознеслись до небес, а подножия его гор от предельной красоты протянули ногу свежести из лугов и садов в подол изящества, и нежность вод, что стекают с гор, создала шум во всем мире.

Рубаи:

Его вода, как розовая вода, течет повсюду,

Его земля несет знак райской почвы.

Его гранат – это огонь Моисея в листве,

Его ветер подобен дуновению духа.

Суть в том, что чистота садов и долин, красота гор, мягкость воздуха во все четыре сезона и совершенная умеренность климата, подобные кашмирским, не встречаются больше нигде, и о подобном даже не слышали.

Бейт:

В поисках подобного тебе я обошел весь мир,

Никто не видел подобного тебе, и никто не слышал о таком.

[f. 8b] В Сринагаре²⁴⁸ и его окрестностях много величественных зданий из тикового дерева, большинство из которых имеет по меньшей мере пять этажей, и каждый этаж включает комнаты, спальни, веранды, балконы и приятные выходы. Сколько бы ни старались описать их, это невозможно. Их внешний вид настолько впечатляющ, что каждый, кто их видит, от удивления прикусывает палец и остается изумленным их необычностью. Однако внутреннее убранство не соответствует внешнему великолепию.

Улицы и переулки города полностью вымощены тесаным камнем. Ремесленники работают в уголках своих домов, а население города [по численности] сравнимо с крупными городами.

Из фруктов, кроме груш, тутовника, вишни и черешни, есть все. Однако яблоки не очень хороши. Других фруктов так много, что можно удовлетворить любое желание.

Одна из удивительных вещей в том, что в Кашмире много тутовых деревьев для выращивания шелкопряда, но есть их плоды не принято и даже считается неприличным. Другие фрукты в сезон настолько изобильны, что их редко покупают и продают.

Владельцы садов и те, кто их не имеет, равны. Вокруг садов нет стен, и не принято запрещать кому-либо собирать фрукты».

Следует отметить, что до этого момента текст принадлежит мирзе Хайдару. **[f. 9a]** Он описывал фрукты, которых не было в его время. В период правления

²⁴⁸Букв.: в городе.

тимуридских султанов, благодаря усилиям правителей, особенно Зафар-хана, все эти фрукты появились и стали настолько изобильными, что их хватает не только людям, но и животным и скоту.

Заниматься шелководством, о котором он писал, сейчас прекратили из-за жестокости правителей. Тутовник, который был особенностью Кашмира, также пришел в упадок из-за обилия других, лучших сортов тутовника.

Старинные здания, особенно дворцы султанов, уже не сохранились в том виде, как описывал мирза. Рынки бакалейщиков, парфюмеров, менял и торговцев тканями, которых было мало в его время, а также красильщиков, которые не были организованы и отделены, теперь стали упорядоченными и обособленными.

С течением времени появились новые архитектурные стили. От храмов идолопоклонников, из-за распространения света ислама и преобладания прочной религии, не осталось и следа. Только в местности Мартанд²⁴⁹ и еще в одном-двух местах сохранились некоторые руины в наизидание изумленным.

Все чудеса и диковинки этой страны будут подробно описаны в заключении этой книги, если пожелает Всевышний Аллах.

В целом, уникальность Кашмира в его прекрасном климате, чистоте воздуха и воды, красоте и безмятежности не нуждается в доказательствах по сравнению со всеми другими населенными землями мира. Безопасность, спокойствие и дешевизна зерна также были на таком же высоком уровне. **[f. 9b]** Хотя в последнее время из-за неблагодарности его собственных жителей в Кашмире возникали смуты и беспорядки, а безопасность, спокойствие и дешевизна покинули эту область, словно воплощая смысл этого благородного аята: «Аллах привел в качестве притчи селение, которое пребывало в безопасности и покое (Мекку). Они обрели свой удел в изобилии отовсюду, но не благодарили Аллаха за эти блага, и тогда Аллах облек их в одеяние голода и страха за то, что они творили» (Коран, 16:112).

²⁴⁹Мартанд – город и техсил расположенный недалеко от города Анантнаг в округе Анантнаг индийской союзной территории Дхамму и Кашмир.

Однако благодаря великой милости несравненного Творца есть надежда, что в конце концов жители этой области будут прощены и помилованы Господом. Уважаемый Абу-л-Фукара Баба Насиб²⁵⁰, один из выдающихся шайхов этой провинции, в начале своего трактата о достоинствах четырех халифов, по случаю сочинил рубаи о положении этой страны и ее жителей, приписав его высокочтимому шайху шайхов Шихаб ал-дину ал-Сухраварди²⁵¹, да освятит Аллах его душу. Если пожелает Аллах, это будет правдой, и вот это рубаи:

Кашмир и его обитатели были райскими садами Эдема для верующих.

Аллах написал на их вратах: «Входящий сюда будет в безопасности» (Коран, 28:31).

В этой ситуации жители этого края имеют особую надежду на милость Господа и благословение великих святых.

[f. 10a] Поскольку краткий обзор состояния Кашмира был изложен пером описания, настало время приступить к краткому изложению начала правления султанов. История индуистских раджей из-за длительности времени, отдаленности эпох и отсутствия порядка была написана в крайне сжатой форме.

После того, как наступило время появления ислама, было сочтено необходимым подробно описать события, включающие удивительные происшествия, особенно касающиеся уважаемых саййидов и шайхов, которые появились [в Кашмире] после распространения ислама. Это было признано главной целью написания этой книги.

Приложение II: фрагмент из главы II (B720, f. 33a–35a)

Данный фрагмент содержит сюжет о принятии ислама правителем Кашмира Ринчан-шахом в начале XIV в. Шах, сомневаясь в многочисленных религиях своей страны, молился о наставлении и решил принять веру того, кого

²⁵⁰ Абу-л-Фукара Баба Насиб – суфийский наставник, последователь тариката Сухравардийя, кашмирский поэт и писатель XVI–XVII вв. См.: Ashraf Shah, S. Flower Garden: Posh-i-Chaman. Srinagar: Ashraf Fazili, 2021. P. 252.

²⁵¹ Шихаб ал-дин Йахья ал-Мактул ал-Сухраварди (ок. 1155–1191) – персидский философ-мистик, создатель учения о «восточном озарении». См.: Прозоров, С. М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 215.

первым увидит утром. Им оказался мусульманский святой Баба Булбул-шах, совершавший намаз. Ринчан-шах принял ислам вместе со своим домом и подданными, построил первую в Кашмире ханаку (обитель дервишей) и соборную мечеть.

[f. 33a] Раздел второй о правителях ислама, которые в этой прекрасной стране более двухсот пятидесяти лет были причиной порядка. Да не останется скрытым, что во времена Ринчан-шаха²⁵², хотя весь народ исповедовал единую религию неверия, было большое разнообразие и различие в обрядах и множественность и многообразие сект. Каждый отвергал веру и убеждения другого. Ринчан-шах, оказавшись в сомнении по этому поводу, сколько бы ни размышлял, благодаря своему природному разуму и основательности суждений, не склонился принять ни одну из религий этой провинции.

Хотя люди каждой группы в соответствии с [принципом] «каждый радуется тому, что у него есть» (Коран, 23:53; 30:32), старательно представляли свою религию и секту в собраниях с толкованиями и подробными объяснениями, это не впечатляло его высокое стремление. День и ночь он был занят исследованием и изучением религий и верований. **[f. 33b]** Ни на мгновение не избавлялся он от этой печали. Он поднял руки с молитвой с искренним сердцем к Создателю всего сущего и направил свое чистое стремление на обретение истинной веры и достижение прямого пути. Большую часть ночи он проводил в горении и таянии, в беспомощности и мольбе до наступления дня. Внезапно по велению извечного счастья в его сердце запало, что [какой бы человек] утром первым ни появился перед его взором, этот искренний искатель обратится к его вере и религии. Той ночью он пережил удивительное состояние в совершенной страсти и любви, словно напевая эти слова:

назм

О Господь, разве эта ночь не закончится днем?

²⁵²Ринчан-шах, имя при рождении – Лхачен Ринчан Бхоти, также известен под своим титульным именем Садр ал-дин-шах – основатель и первый султан султаната Кашмир с 1320 по 1323 г. Первоначально считалось, что он был буддистом из Ладакха, но затем он принял ислам и стал первым мусульманским правителем Кашмира. См.: Sufi, Gh. M. Kashir. A History of Kashmir. Lahore, 1948. Vol 1, P. 81.

Или, может быть, свеча небес не горит?
Я горю этой ночью от любовной страсти,
У меня нет сил выносить смятение любви.

На рассвете, когда он сидел на своем месте и с полной отдачей вверил сердце милости и благосклонности божественной, его первый взгляд упал в сторону киблы, в направлении реки. Он увидел, что великий, высокочтимый человек с ангельским ликом на каменном молитвенном коврике с полной устойчивостью над источником, в крайнем почтении, по правилам возвышенной религии Мустафы Мухаммада (да будет ему благословение и мир), совершает намаз с совершенной преданностью. Увидев этот избранный путь, [он] нашел его весьма достойным и, став стремящимся и желающим служить этому великому человеку, не раздумывая, поспешил к нему на службу.

После выражения необходимого почтения и служения спросил об истине религии и веры. [f. 34a] Тот высокочтимый изложил религию Мустафы (мир ему) и, после разъяснения основ шариата и краткой передачи основных и дополнительных положений, научил религии ислама. Затем рассказал о чудесах господина всего сущего, гордости вселенной (да будут ему наилучшие благословения и приветствия) для привлечения упомянутого шаха, пока тот с чистотой сердца и искренностью веры не удостоился счастья принять ислам, и в тот же момент привел к этому счастью всех членов своего дома.

Бейт:

С горизонта, словно пьяная заря счастья, забрезжил,
Для призыва ислама пришло время принятия.

На следующий день Раванчандра²⁵³, военачальники царства и простые люди толпами через руки того почитающего истину достойного наставника удостоились чести принять ислам.

²⁵³Раванчандра – сын Рамачандры, одного из влиятельных военачальников при последней индийской династии в Кашмире, т.е. династии Лохара (1003–1339). В процессе борьбы за власть в Кашмире Ринчан заручился его

Благословенное имя той высокочтимой особы – образец достигших [истины], имам познавших [Бога], разрушитель идолов, познавший истину, подкрепленный верой господин Баба Булбул-шах²⁵⁴, да освятит Аллах его почтенную тайну, который по приказу своего достопочтенного наставника, согласно распространенным преданиям, известный [способностью] преодолевать расстояния, покинул родину и именно в то время оказался там. И в некоторых книгах было обнаружено, что по приказу наставника для распространения ислама еще до этих дней, во времена Сухадева²⁵⁵, [он] находился в Кашмире в ожидании этого важного дела.

В любом случае, относительно определения наставника той высокочтимой особы есть разногласия. Большинство историографов связывают эту высокочтимую особу с господином шайхом шайхов Шихаб ал-хакк ва ал-миллат ва ал-дином ал-Сухраварди²⁵⁶, мир его праху. [f. 34b] Более того, считают [его] основателем той святости.

Группа последователей и духовных детей Шаха Ни‘мат Аллаха Вали²⁵⁷, который [сам] принадлежит к последователям и особо приближенным шайха шайхов, пишут [об этом]. Однако ничтожнейший из них, Мухаммад А‘зам, пишущий эти строки, говорит, что событие, связанное с господином шайхом

поддержкой и впоследствии сделал Раванчандра военачальником своего нового государства. См.: Hasan, M. *Kashmīr Under the Sultāns*. Calcutta, 1959. P. 38.

²⁵⁴Саййид Шараф ал-дин Абд ар-Рахман-шах, известный как Булбул-шах, был мистиком и суфием тариката Сухраварди и одним из шайхов Кашмира в XIV в. В Кашмире он известен как «Булбул-шах», но его также называли «Билал-шах» и «Баба Билал». В имеющихся источниках не так много информации о дате его рождения, происхождении и периоде детства и юности. Известно лишь, что он был из саййидов и некоторое время жил в Багдаде. Также известно, что он дважды приезжал из Туркестана в Кашмир: первый раз во время правления Сухадева в Кашмире, и второй раз, уже окончательно, в 725 г. х. (ок. 1325 г.) Поэтому его также называли Шараф ал-дином Хусейни Кашмири и Шараф ал-дином Туркестани. См.: Da'irat al-ma'arif-i buzurg-i Islami (The Great Islamic Encyclopaedia). In 22 vol. Edited by Kazem Musavi Bojnurdi. Tehran: Markaz-i da'irat al-ma'arif-i buzurg-i Islami, 1367/1989. Vol. 12, P. 454.

²⁵⁵Сухадева (1301–1320) – последний кашмирский раджа из династии Лохара. См.: Hasan, M. *Kashmīr Under the Sultāns*. Calcutta, 1959. P. 32.

²⁵⁶Сухравардийа – суфийское братство, сложившееся в конце XII – начале XIII в. в Ираке. Согласно традиции сухравардийа – одно из 12 материнских братств в мусульманском мистицизме, строго суннитское, возводило духовную *силсила* к ‘Али б. Аби Талибу через Ахмада ал-Газали (ум. в 1126 г). Основателем сухравардийа как самостоятельного пути мистической философии и духовно-религиозной практики (*тарики*) считается Шихаб ал-дин Абу Хафс ‘Умар ал-Сухраварди (1145–1234/35). См.: Прозоров, С. М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 215–216.

²⁵⁷Шах Ни‘мат Аллах Вали (1330–1431) – персидский суфийский шайх, поэт, основатель тариката Ни‘матуллахийа. Автор поэтических и богословских сочинений на персидском и арабском языках. См.: Прозоров, С. М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 190–191.

шайхов, общепризнанно произошло в 632 году²⁵⁸, а появление господина Баба Булбул-шаха в Кашмире случилось в 725 году²⁵⁹, и между ними промежуток в полные годы, потому прямая связь их без посредников с той высокочтимой особой кажется внешне маловероятной, а знание у Всевышнего Аллаха.

После принятия ислама Ринчан-шахом и его последователями, по указанию того достопочтенного [наставника], на берегу реки была построена *ханака*²⁶⁰, и это была первая *ханака*, построенная в Кашмире. Он определил несколько мест для кухни и других расходов, [которые существовали,] пока продолжалось правление кашмирцев.

Многие дервиши и нуждающиеся получали долю и содержание. По этой причине квартал, где похоронена та высокочтимая особа, называют Булбул Лангар. Для пятничной и коллективной молитвы он построил соборную мечеть, сам жил в месте, где сейчас находится благословенная гробница господина саййидов, его светлости Мир Увайси Баба²⁶¹.

Он имел высокий и великолепный двор, и камни, которые называют «*дивара кани*»²⁶², были использованы в том доме и *ханаке*, и эти камни до сих пор виднеются над землей. Нынешняя *ханака*, очевидно, является второй постройкой.

[f. 35a] После того как та соборная мечеть сгорела, и на ее месте была построена малая мечеть, в которой видны камни той [прежней] мечети, известная как мечеть Ринчан-шаха, которая до сих пор обустроена, и люди постоянно совершают в этом здании пять ежедневных молитв.

Срок правления Ринчан-шаха был два с половиной года и еще немного. В 727 году²⁶³ он испил напиток [смерти] «каждая душа вкусит смерть» (Коран, 3:185, 21:35, 29:57) и переселился из обители тленности в обитель вечности. Какая

²⁵⁸632 г.х. соответствует 1234–1235 гг. н.э.

²⁵⁹725 г.х. соответствует 1324–1325 гг. н.э.

²⁶⁰*Ханака* (خانقاه) — место совместного проживания и отправления религиозных предписаний суфиев; странноприимный дом, обитель. См.: Прозоров, С. М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 272.

²⁶¹Баба Мир Увайси (Саййид Мухаммад Амин Мантики Байхаки) — средневековый мусульманский святой из рода саййидов. Жил в Кашмире во времена Султана Зайн ал-‘абидина Шах-Мири (1420–1470). Согласно автору сочинения, он был признанным духовным авторитетом своего времени, известным чудесами и мистическими состояниями. Его гробница стала местом паломничества. (B720, f. 62a–63a).

²⁶²По всей видимости, имеется в виду каменная кладка как вид архитектурного строительства.

²⁶³727 г.х. соответствует 1326–1327 гг. н.э.

прекрасная жизнь и какое прекрасное переселение, что согласно [изречению] «кто установил добрую традицию»²⁶⁴, он унес с собой вечную награду и утвердил основы традиции ислама в этой стране, [после чего] присоединился к своему Господу. Его могила находится к югу от *ханаки*, за пределами площадки усыпальницы господина Баба.

Приложение III: фрагмент из главы III (B720, f. 190b–192b)

Фрагменты III–VII посвящены правлению субадаров Кашмира в период Империи Великих Моголов в XVII в., конкретно во время правления Аурангзеба ('Аламгира) (1658–1707).

[f. 190b] Ибрагим-хан, сын 'Али Мардан-хана, в 1071 году²⁶⁵ был назначен императорским двором *субадаром* Кашмира и правил в течение одного года. Спор о мечети Арут между суннитами и шиитами был разрешен, и в итоге мечеть осталась у суннитов²⁶⁶. Когда его срок подошел к концу, произошла смена власти. Примерно в это же время, в начале 1073 года²⁶⁷, благочестивый император 'Аламгир почтил Кашмир своим присутствием. Когда он поднимался на гору рядом с 'Алибадом²⁶⁸, упал величественный слон, и множество людей из армии погибло, а также некоторые женщины и дети. Благословенное здоровье императора ухудшилось, и после трехмесячного пребывания в этом вечно цветущем саду он вернулся обратно.

Ислам-хан был назначен *субадаром* и в 1074 году²⁶⁹ прибыл в провинцию Кашмир. Он правил в течение двух лет, поддерживал мусульман и общался с

²⁶⁴Начало хадиса 538 «Побуждение давать садаку нуждающимся и награда, [ожидающая] того, кто положит начало этому доброму обычаю». См.: Муслим. Сахих: мухтасар / пер. с араб., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2011. С. 231. ²⁶⁵1071 г.х. соответствует 1660–1661 гг. н.э.

²⁶⁶Мухаммад А'зам не дает иных комментариев относительно этого события.

²⁶⁷1073 г.х. соответствует 1662–1663 гг. н.э.

²⁶⁸'Алибад – довольно распространенное название для населенных пунктов в государствах, где преобладающей религией является ислам, и точно идентифицировать его с конкретным современным поселением не представляется возможным. Вот несколько примеров таких населенных пунктов: 'Алибад в округе Хунза (Гилгит-Балтистан) – административный и коммерческий центр округа Хунза в северном регионе Пакистана; 'Алибад в округе Судхноти (Азад Кашмир) – деревня, расположенная примерно в 112 километрах от города Равалакот; 'Алибад в округе Абботтабад (провинция Хайбер-Пахтунхва) – Пакистан.

²⁶⁹1074 г.х. соответствует 1663–1664 гг. н.э.

учеными и мудрецами. Во время своего правления он построил мечеть *мусалла*²⁷⁰ на площади *‘идгах*²⁷¹, возведя кирпичные стены. Эта мечеть была больше, чем предыдущая, которая была построена из дерева. [f. 191a] Говорят, что мечеть ‘Али была построена ‘Али Шахом²⁷², потомком султана Зайн ал-Абидина²⁷³, во время его правления, и до сих пор известна под этим названием. Двор мечети был полон тутовых деревьев. Ислам-хан срубил старые массивные деревья, выровнял площадку и посадил чинары. Когда пришло известие о реконструкции, он поспешил присутствовать лично. Колонна, стоящая на площади *‘идгах*, также была построена им²⁷⁴.

Этот Ислам-хан был поэтом, обладал поэтическим талантом и использовал псевдоним «Ала». Его настоящее имя было Мир Зийа ал-дин. Он провел всю свою жизнь на службе и в поисках благоволения богобоязненного императора ‘Аламгира, совершая важные деяния. Благодаря императорской милости он был включен в ряды эмиров-пятитысячников²⁷⁵. У него есть изящные стихи и красноречивые поэмы. Эти два знаменитых бейта часто упоминаются знатоками поэзии:

Без тебя я плачу до рассвета, луна совершает набег,

²⁷⁰ *Мусалла* – пространство, которое не является мечетью, но используется главным образом для молитвы в исламе. Прозоров, С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 174.

²⁷¹ *Идгах* (или *Эйдгах*) –термин, используемый в южноазиатской исламской культуре для обозначения открытой огороженной территории, обычно расположенной за пределами города (или на его окраине), предназначенной для совершения праздничных молитв утром в дни Ураза-байрам (‘ид ал-фитр) и Курбан-байрам (‘ид ал-адха). Обычно это общественное место, которое не используется для молитв в другое время года. См.: Rekhta Foundation. Rekhta Dictionary: Urdu to Hindi, English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rekhtadictionary.com/meaning-of-iid-gaah> (дата обращения: 03.02.2026).

²⁷² ‘Али-шах Шах-Мири, также известный как ‘Алишах – восьмой султан Кашмира, правивший с 1413 по 1418 гг., а затем повторно с 1419 по 1420 гг. ‘Али-шах принадлежал к династии Шах-Мир и был смещен на престоле своим младшим братом Зайн ал-‘абидином.

²⁷³ Автор, вероятно, допустил ошибку в описании родственных связей.

²⁷⁴ Сегодня данный ‘Идгах является обширным религиозно-культурным комплексом, расположенным в районе Чандихар города Сринагар.

²⁷⁵ Пятитысячные эмиры (амир-и пандж хизари) были высшим рангом военной и административной знати в Империи Великих Моголов. Этот ранг означал, что эмир командовал номинальным отрядом в 5000 всадников, хотя реальное число могло быть меньше. Такой высокий ранг свидетельствовал о значительном влиянии и близости к императору: «Абу-л-Фазл приводит следующие данные: в Могольской державе при Акбаре насчитывалось 1388 начальников «от стопятидесятников до десятников» и 412 начальников от «пятитысячников до двухсотников». Вероятнее всего при Акбаре чины «до двухсотников», а во времена Шах-Джахана мансабы «до пятисотников» не давали их владельцу прав именовать себя эмиром». См.: Синха, Н. К., Банерджи, А. Ч. История Индии. / Перевод с английского Степанова Л. В., Ястребовой И. П. и Княжинской Л. А. Редакция и предисловие Антоновой К. А. – М.: Издательство иностранной литературы, 1954. С. 231.

Мои глаза от слез тонут в крови.

Расширься, о пустыня, ибо сегодня ночью в печали по ней

Армия моих вздохов выходит из сердца, раскинув шатры.

После оставления поста *субадара* в Кашмире он был удостоен чести управлять провинцией столичного Акбарабада²⁷⁶, где и отправился в путешествие в мир вечности. Он был похоронен на территории усыпальницы обладателя знаний и веры Мир Мухаммада Ну‘мана, который был одним из халифов почтенного обновителя второго тысячелетия²⁷⁷, да будет свята его могила. [f. 191b] Гани Кашмири²⁷⁸ сочинил стихотворение о дате его смерти, которое гласит:

«Умер Ислам-хан, человек высокого положения».

Сайф-хан, сын Тарбийат-хана, был назначен *субадаром* Кашмира в 1076 году²⁷⁹. Он правил три года и был человеком грозным, дисциплинированным и организованным. Несмотря на это, он не пренебрегал пятикратной молитвой и даже совершал дополнительные молитвы. Среди его нововведений были измерение земель местности и дворцов, издание указов, а также решение и облегчение нужд просящих. Когда Сайф-хан прибыл в Хирапур²⁸⁰, землевладельцы и чиновники встретили его согласно его приказу. Он вошел в провинцию с большой пышностью. Среди правителей он особенно отличался щедростью и гостеприимством. Из-за его

²⁷⁶Агра – город на севере Индии, в штате Уттар-Прадеш. С 1528 по 1658 гг. (с перерывами) был столицей империи Великих Моголов. В эту эпоху Агра была известна как Акбарабад – название, данное императором Шах-Джаханом в честь его деда Акбара.

²⁷⁷Речь идет о шайхе Ахмаде Сирхинди (1564–1624) и одном из его последователей. Сирхинди был выдающимся суфийским шайхом тариката накшбандийа в Индии эпохи Моголов и основателем новой ветви тариката – муджадидийа. Его учение оказало значительное влияние на исламскую политику Моголов, особенно при Аурангзебе. См.: Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история / Пер. с англ. М. Г. Романов. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2004. С. 263–264. Мир Саййид Мухаммад Ну‘ман Бадахши – один из ведущих учеников и халиф Ахмада Сирхинди.

²⁷⁸Гани Кашмири (ок. 1630 – ок. 1669) – кашмирский поэт, писавший на персидском языке. См Ghani Kashmiri. The Captured Gazelle: The Poems of Ghani Kashmiri / trans. by Mufti Mudasar Farooqi – London: Penguin UK, 2013. P. 5.

²⁷⁹1076 г.х. соответствует 1665–1666 гг. н.э.

²⁸⁰Хирапур (или Хирпора, Хирпура) – сейчас это деревня, расположенная недалеко от города Шупиян в округе Шупиян в индийской союзной территории Джамму и Кашмир. В данном источнике, а также в научной литературе фигурирует в основном как населенный пункт, через который путешественники попадали в кашмирскую долину. См.: Hasan, M. Kashmir Under the Sultāns. Calcutta, 1959. P. 134, 139.

грозного вида чиновники и знатные люди провинции ходили, произнося «*Ля хауля*»²⁸¹.

По обвинению индуса с телесными повреждениями, живущего под башней Дарай, он заставил [некоего] ходжу Мухаммада Садика Накшбанди заставить встать и затянул узел на его шее до такой степени, что тот потерял сознание и способность двигаться, а когда его доставили домой, он скончался²⁸².

Среди событий, произошедших в Кашмире во время правления Сайф-хана, было завоевание деревни в Большом Тибете, где местный землевладелец по имени Дилдил Бахмал принял ислам, ввел хутбу и чеканку монет с именем падишаха, и начал строительство соборной мечети в Тибете.

Другое событие заключается в том, что почтенный шайх, опора благочестия, шайх ‘Абд ал-Рашид Чакни обвинил Хусейна Малика Чадуру, сына Хайдара Малика²⁸³, в оскорблении и отступничестве. [f. 192a] Подробности этого дела таковы: упомянутый шайх шел к соседнему святилищу, а малик был у входа в свой дом в Чадуре²⁸⁴. По какой-то причине между ними завязался разговор, который перерос в спор. В разгар схватки говорят, что малик допустил непочтительные высказывания в адрес благородных сподвижников Господина пророков (да будет над ним молитва и мир). Шайх ‘Абд ал-Рашид Чакни обратился за помощью к правителю и потребовал публичного объявления в суде. Поскольку *субадар*, по заявлению городской знати, многие из которых были родственниками или близкими друзьями малика, медлил с применением шариатского наказания, он написал отчет о происшествии и отправил его ко двору. Когда все обстоятельства дела были представлены, падишах вызвал обе стороны ко двору. Там, несмотря на

²⁸¹Арабское выражение «لَا حَوْلَ وَلَا قُوَّةَ إِلَّا بِاللَّهِ» которое обычно переводится как «Нет силы и могущества ни у кого, кроме Аллаха» или «Нет мощи и силы, кроме как от Аллаха». Данная формула используется мусульманами во времена бедствий, притеснений или ситуаций, находящихся вне их контроля, и призывает к полному упованию на силу и могущество Аллаха.

²⁸²Вероятно, данный сюжет приведен автором для иллюстрации «грозного вида» или жестокости Сайф-хана.

²⁸³Хусейн Малик Чадура принадлежал к известному роду кашмирской знати. Его отец – Хайдар Малик Чадура (умер в 1627 г.) был администратором и военным в Кашмире на службе у четвертого могольского императора Джахангира (1605–1627). Хайдар Малик известен тем, что написал один из известных трудов по истории Кашмира на персидском языке (завершен в 1621 г.) – «Тарих-и-Хайдар Малик». См.: Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 1, P. 37.

²⁸⁴Чадура – деревня недалеко от Сринагара, ставшая джагиром рода Чадура еще в XIV в. См.: Hasan, M. Kashmir Under the Sultāns. Calcutta, 1959. P. 53. Сегодня Чадура – город в округе Будгам в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

усилия и поддержку некоторых придворных эмиров, исповедовавших шиитское учение, дело не продвинулось.

После долгих обсуждений справедливый падишах приказал казнить малика по решению судьи. В связи с этим событием некоторые шииты осмелились и сочинили этот стих, ставший причиной их обвинения:

«От тирании и несправедливости племени Йазида,
Хусейн, сын Хайдара, вновь стал мучеником²⁸⁵».

Сайф-хан украсил сад Сайфабад на западном берегу озера Дал. Изначально этот сад принадлежал его отцу. [f. 192b] В период своего правления он построил водный канал, водопад, бассейн и фонтан. Вскоре после этого его правление закончилось, и известие о его смещении взволновало его.

Мубариз-хан был назначен *субадаром* в 1078 году²⁸⁶ и правил около трех лет. Он был саййидом и праведным человеком и несмотря на то, что он был *субадаром*, посещал соборную мечеть. Он также был щедр в угощениях. Однако его сопровождающие были людьми, лишенными стыда, и обращались с людьми бесстыдно и нечестно. Они относились к знатым и простым людям с презрением и унижением, даже проливая невинную кровь. По этой причине Мубариз-хан сам написал указ о своем смещении с должности.

Во время правления Мубариз-хана, ‘Абд Аллах-хан, правитель Кашгара, отрекся от власти из-за конфликта со своим сыном Йулбарс-ханом и прибыл в Кашмир с намерением совершить хадж. По приказу благодарного падишаха он стал упомянутым правителем²⁸⁷. Мубариз-хан выдал пятьдесят тысяч *рупий*²⁸⁸ из казны

²⁸⁵ Данное стихотворение является аллегорией на события битвы при Кербеле в 680 г., когда младший сын ‘Али и Фатимы, внук Мухаммада, второй имам шиитов-исмаилитов Хусейн мученически погиб в битве с войском Язида (Йазида) ибн Муавии – второго арабского халифа из династии Омейядов правивший (680–683). Убийство внука Мухаммада потрясло мусульманскую общину, и с тех пор в мусульманской, а в особенности шиитской традиции образ Язида принято воспринимать негативно.

²⁸⁶ 1078 г.х. соответствует 1667–1667 гг. н.э.

²⁸⁷ ‘Абд Аллах-хан – хан Моголистана (1638–1668). Его сын, Йулбарс-хан стал правителем Яркенда вскоре после бегства своего отца в Индию. Ему также удалось подчинить Кашгар, в котором он прежде занимал ханский престол. См.: Акимешкин, О. Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. – СПб.: Санкт-Петербург «Наука», 2004. С. 267.

²⁸⁸ *Рупия* – серебряная монета Индии, впервые введена Шир-Шахом (1539 – 1545), получившая при императоре Акбаре (1556 – 1605) широкое распространение. Монета чеканилась из серебра 970-й пробы весом в 11,534 г почти без отклонений от первоначального стандарта вплоть до английского колониального владычества. См.: Словарь

Кашмира и вместе с ходжой Садиком Бадахши²⁸⁹ и другими слугами, прибывшими от двора для приема почетного гостя, обеспечил его подарками, наградами и знаками шахской милости, включая одежду, золотую и серебряную посуду. Затем он отправился ко двору в сопровождении ‘Абд Аллах-хана.

Сайф-хан был назначен *субадаром* во второй раз в 1079 году²⁹⁰. Он остановился в саду Ватанар, который был тщательно украшен. Сайф-хан назначил судьей ‘Абд ал-Рахима и дал ему полномочия. Кази Абу-л-Касим, сын муллы Мухаммада Ризы, который имел разногласия с Сайф-ханом в прошлом, покинул провинцию под защитой Мубариз-хана.

Во время правления Сайф-хана, в 1080 году хиджры, третьего числа месяца сафар²⁹¹, произошло землетрясение. С утра до вечера все здания Кашмира качались и тряслись, как колыбель, однако значительного ущерба не было причинено.

Приложение IV: фрагмент из главы III (B720, f. 193b)

[f. 193a] В итоге, Сайф-хан правил в этот период три года и был смещен. [f. 193b] Ифтихар-хан в 1083 году²⁹² был облачен в халат²⁹³ *субадара*. Он правил четыре года. Он проживал в особняке мирзы Мухаммада Салима²⁹⁴. Мечеть вблизи мавзолея муллы Мухаммада Парсы²⁹⁵, известная как благословенная гробница,

нумизмата. [Электронный ресурс]. URL: https://www.numizm.ru/html/r/rupi8_indiyska8.html (дата обращения: 04.02.2026).

²⁸⁹Бадахши – это один из родов в Кашмире, чьи представители имели тесные связи с суфийскими традициями региона. Предки ходжи Садики Бадахши упоминаются в исторических источниках как ученики и последователи выдающегося суфийского шайха Мир Саййида Али Хамадани (1314–1384), который сыграл ключевую роль в распространении ислама и суфизма в Кашмире. Эта духовная преемственность придавала роду Бадахши высокий религиозный авторитет и влияние в регионе.

²⁹⁰1079 г.х. соответствует 1668–1669 гг. н.э.

²⁹¹3 сафара 1080 г.х. соответствует 1 июля 1669 г. н.э.

²⁹²1083 г.х. соответствует 1672–1673 гг. н.э.

²⁹³Халат (خلعت) в восточной традиции был не просто предметом одежды, а важнейшим символом власти и монаршей милости. Когда правитель жаловал кому-либо почетный халат, это означало официальное наделение полномочиями и признание высокого статуса. См.: Dehkhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 7, P. 9917–9918. «Надевать халат *субадара*» означало получение назначения на должность губернатора провинции.

²⁹⁴Мирза Мухаммад Салим – личное имя могольского императора Джахангира (правил в 1605–1627 гг.), четвертого падишаха династии Великих Моголов. Джахангир питал особую любовь к Кашмиру, восхищаясь его природной красотой, мягким климатом и живописными пейзажами. Он регулярно совершал путешествия в этот регион. После смерти Джахангира его кашмирский особняк использовался в качестве официальной резиденции *субадаров* Кашмира.

²⁹⁵Мулла Мухаммад Парса был одним из кашмирских суфийских шайхов, который активно участвовал в распространении ислама в регионе. Согласно данному источнику, он принадлежал к духовному кругу Махдума шайха Хамзы – одного из наиболее влиятельных суфийских авторитетов Кашмира. Мухаммад Парса был особенно

была построена им. По-видимому, всеобщий пожар, который уничтожил большую часть Сринагара²⁹⁶ вместе с соборной мечетью, произошел во времена Ифтихар-хана. Пожар начался с Кавдары²⁹⁷, целый мир был разрушен, и соборная мечеть также в третий раз сгорела в то время. По приказу исламского правителя она была вновь отстроена. И известно, что это бедствие произошло во время правления Кавам ал-дина-хана, как будет описано.

Кавам ал-дин-хан после смещения Ифтихар-хана был назначен правителем. Он поселился в особняке мирзы Салима. Он был из знатного иранского рода, знал правила и был сведущ в научных вопросах. Для наказания грешников он использовал «*тахта кулах*»²⁹⁸.

Он разбил сад в районе площади *'идгах* и построил там здание, получив согласие торговцев на покупку и реконструкцию. Он правил более трех лет. В конце правления Кавам ал-дин-хана согласно известному рассказу, произошел большой пожар, известный как пожар Кавдары, и большая часть Сринагара²⁹⁹ была уничтожена во время правления упомянутого-хана. Ходжа Мухаммад Шариф Дахбиди и ходжа Мухаммад Сабир, потомки хазрата ходжи Мухаммада А'зама Дахбиди, удостоили Кашмир своим визитом. Этот ходжа Мухаммад Шариф был братом хазрата ходжи 'Абд ал-Гаффара, и их родословная восходит к хазрату Махдуму А'заму, известному как Саййид Ахмад Кашани³⁰⁰. Они были очень щедрыми, благородными и принадлежали к великим святым.

тесно связан с Баба Даудом Хаки, который являлся одним из главных духовных преемников шайха Хамзы (B720, f. 155a–155b).

²⁹⁶Букв.: города.

²⁹⁷Кавдара – район в Сринагаре.

²⁹⁸*Тахта кулах* (تخته کلاه) – вид наказания: деревянная шляпа с колокольчиками, которую надевают на головы преступников, чтобы пристыдить их. См.: Dehkhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary) In. 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 5, P. 6518.

²⁹⁹Букв.: города.

³⁰⁰Дахбиди – это влиятельная наследственная ветвь суфийского ордена Накшбандийя, получившая название по месту своего главного духовного центра — деревне Дахбид, расположенной недалеко от Самарканда.

Основателем этой линии был Махдум-и А'зам Саййид Ахмад Ходжаги Кашани (ум. 1542), родившийся в Кашане близ Ферганы и считавший себя потомком имама Али ар-Ризы. От Махдум-и А'зама и его преемников произошли несколько значимых суфийских ветвей: шайхи Джуйбари в Бухаре, ходжи Исхакии («черногорцы») и Афакии («белогорцы») в Восточном Туркестане. См.: Algar, H. Dabhidīya. Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/dahbidiya-a-hereditary-line-of-naqsbandi-sufis-centered-on-the-shrine-at-dahbid-a-village-about-11-km/> (дата обращения: 16.04.2026).

Приложение V: фрагмент из главы III (B720, f. 203a–205a)

[f.203a] Ибрагим-хан, после смещения Кавам ал-дин-хана, второй раз в начале 1091 года³⁰¹ был назначен *субадаром* Кашмира. В этот период правления Ибрагим-хана в Кашмире произошли удивительные события и странные происшествия. Одним из таких происшествий было наводнение, когда разбушевавшаяся вода разрушила дома людей, и целый мир сравнялся с землей. Говорят, что постройки людей кружились посреди воды, как корабли, и беспорядочно носились, словно в водовороте. **[f.203b]** Часто домовладельцы тоже оказывались в этой пучине. Наводнение было беспрецедентным в истории.

Другим происшествием было очень сильное землетрясение, и в течение долгого времени из-за постоянных подземных толчков положение людей оставалось неустойчивым. По этой причине все состоятельные и богатые люди устроили себе дома, устойчивые к землетрясению.

Другим [событием было] прибытие калмыков в область Большой Тибет и обращение раджи Тибета за помощью ко двору через посредничество Ибрагим-хана, и назначение кабульских войск³⁰² на помощь радже Тибета под командованием Фидайи-хана, сына Ибрагим-хана. Когда Фидайи-хан и другие ханы разбили войско калмыков и, завоевав Тибет, вернулись в Кашмир, они привели с собой правителя Тибета вместе с большой добычей и многочисленными чиновниками.

Внезапно возник религиозный конфликт, причиной которого было то, что некий 'Абд ал-Шукур из жителей Хасанабада³⁰³, который является шиитским кварталом [Сринагара], вместе со своими сыновьями причинил беспокойство человеку по имени Садик из суннитов. Вражда переросла в длительную ссору, в ходе которой упомянутые шииты, очевидно, совершили незаконные действия и

³⁰¹1091 г.х. соответствует 1680–1681 гг. н.э.

³⁰²Формально с 1586 г. Кабул входил в состав Империи Великих Моголов в качестве *субы*. Кашмир так же являлся частью административной системы могольского государства. Между двумя этими соседствующими регионами существовали социально-экономические и политические связи. В частности, силами афганских обеспечивалась безопасность передвижения караванов по маршруту из Кабула в Кашмир, однако, в то же время эти же афганские племена сами нападали на путников. См.: Bamzai, P. N.K. Culture and Political History of Kashmir. Ancient Kashmir. Kashmir: Golshan Books, 2007. Vol. 2, P. 137; Массон, В.М., Ромодин, В. А. История Афганистана: Т. 2: Афганистан в новое время – М.: Наука, 1965. С. 54.

³⁰³Хасанабад – название одного из шиитских кварталов г. Сринагар.

произнесли предосудительные слова в адрес почтенных сподвижников Пророка, да будет доволен ими Аллах, за что подлежали наказанию. Несмотря на это, по иску упомянутого Садика, который подал шариатскую жалобу, они попали под защиту Ибрагим-хана.

С этой стороны кази Мухаммад Йусуф пришел в негодование, и простой народ Сринагара³⁰⁴ также устроил большой мятеж, разгорелся огонь смуты и беспорядков. [f. 204a] Поскольку Ибрагим-хан укрыл обвиняемых в своем доме, простые люди подожгли Хасанабад. В ответ на эти действия Фидайи-хан открыто выступил на стороне жителей Хасанабада. С другой стороны, горожане и кабульские ханы, такие как Мурид-хан, ‘Ариф-хан, мирза Муким и другие, которые все были суннитами, вместе с некоторыми военачальниками, предводителями которых были достопочтенные ходжа Мухаммад Шариф Дахбиди, ходжа Мухаммад Сабир, мирза Салим и мирза Халим Кашгари, вступили в противостояние, и множество людей с обеих сторон были убиты и ранены. Простой народ одержал верх, и *кази* также потерял контроль над ситуацией.

Ибрагим-хан, обнаружив свое бессилие, выдал ‘Абд ал-Шукура и других, против которых был иск, и они были заключены в *чабутру*³⁰⁵, а в конце концов упомянутый [‘Абд ал-Шукур] вместе с двумя сыновьями и одним зятем были преданы смерти.

После этих событий *кази* пришел в дом *субадара* и, несмотря на извинения последнего, не покинул его дом. Попытка примирения со стороны верховного муфтия муллы Мухаммада Тахира дала обратный результат, и простой народ разграбил и разрушил также и его дом. В Сринагаре³⁰⁶ усилились беспорядки и бесчинства простого народа, и Баба Касима, предводителя шиитов, схватили на улице и убили [с унижением и позором]. Упомянутый Фидайи-хан сел на коня для наказания простого народа, и напротив дома упомянутого мирзы Салима

³⁰⁴Букв.: народ города.

³⁰⁵*Чабутра* (چَبُوترا) – в одном из значений с урду переводится как полицейский участок или суд, однако имеет и другое значение – платформа или терраса (обычно открытая), помост. См.: Rekhta Foundation. Rekhta Dictionary: Urdu to Hindi, English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rekhtadictionary.com/meaning-of-chabuutraa> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁰⁶Букв.: в городе.

произошло сражение. [f. 204b] Множество простых людей и упомянутый мирза были убиты. В это время шайх Бака-баба из потомков просвещенного ходжи Хабиб Аллаха Наушахри³⁰⁷, собрав людей, поджег усадьбу Ибрагим-хана. Правитель послал свое войско и заключил под стражу Бака-баба, *кази*, историографа, *бахши*³⁰⁸ и городских старейшин, таких как ходжа Лала Кафи, ходжа Хаджи Банди и ходжа Касим Лангар. Городские жители испытывали странный страх и ужас с обеих сторон.

В это время полная правда без прикрас была доложена падишаху 'Аламгиру, и после этого распространилась весть о смене правителя и *кази* по указу благочестивого и справедливого падишаха, и мир освободился от беспокойства.

По приказу осведомленного о справедливости падишаха, Хифз Аллах-хан, правитель Лахора, проявив проницательность и предвидение, тенью Аллаха поспешно прибыл в Кашмир. Ибрагим-хан был отстранен от должности и отправился ко двору, взяв с собой упомянутых заключенных. В Лахоре по приказу двора заключенные были освобождены и вернулись на родину, кроме *кази*, который по собственной воле отправился к сияющему двору и, прибыв туда, через неделю скончался. Эти события произошли в Кашмире в 1094³⁰⁹ году.

Хифз Аллах-хан, сын Са'ад Аллаха-хана, прибыл в Кашмир в 1095³¹⁰ году, поселился в квартале Гулшан в усадьбе Зафар-хана, и много сделал для исправления прошлых беспорядков. Два года он провел в наведении порядка, благих делах, благодеяниях и снискании довольства народа. [f. 205a] Когда он был направлен двором для наказания раджи Джамму, который находился под его управлением, Абу-л-Фатх-хан, *диван*³¹¹ провинции, был назначен *найибом* Хифз

³⁰⁷Ходжа Хабиб Аллах Наушахри (ок. 1555 – ок. 1617), известный под литературным псевдонимом Хубби, был кашмирским суфийским поэтом, ученым и религиозным деятелем во времена 'Али-шаха Чака (1570–1578). См.: Kalla, K.L. The Literary Heritage of Kashmir. Delhi: Mittal Publications, 1985. P. 43.

³⁰⁸*Бахши* (بخشی) – военный писарь, секретарь, чиновник, который вел учет всех выплат, связанных с военными пожалованиями (таких как *мансабдары* и *джагирдары*). См.: Синха, Н. К., Банерджи, А. Ч. История Индии. / Перевод с английского Степанова Л. В., Ястребовой И. П. и Княжинской Л. А. Редакция и предисловие Антоновой К. А. — М.: Издательство иностранной литературы, 1954. С. 231.

³⁰⁹На полях исправлено на «шестом». 1094 г.х. соответствует 1683 г. н.э.; 1096 г.х. соответствует 1684–1685 гг. н.э.

³¹⁰На полях исправлено на «седьмом». 1095 г.х. соответствует 1684 г. н.э.; 1097 г.х. соответствует 1685–1686 гг. н.э.

³¹¹*Диван* (دیوان) – глава налогового ведомства в Империи Великих Моголов. См.: Синха, Н. К., Банерджи, А. Ч. История Индии. / Перевод с английского Степанова Л. В., Ястребовой И. П. и Княжинской Л. А. Редакция и предисловие Антоновой К. А. — М.: Издательство иностранной литературы, 1954. С. 233.

Аллах-хана. Он прослужил один год, должность *найиба* была передана некоему шайху Абу-л-Фатху, который был из приближенных Хифз Аллаха-хана. Один год он исполнял свои обязанности с полной набожностью и осторожностью. В его время случился голод, и люди претерпели много страданий. Упомянутый шайх приложил усилия, но по воле Всевышнего Аллаха дело не продвинулось.

Приложение VI: фрагмент из главы III (B720, f. 220a–222a)

[f. 220a] Музаффар-хан, сын Шаиста-хана, после смещения Хифз Аллаха-хана был назначен на пост правителя провинции Кашмир. В 1101 году³¹² он прибыл на место службы и стал совершать отвратительные деяния и вводить новые нежелательные обычаи, такие как *чаут*³¹³, налога на содержание псарни, на охоту, а также притеснения и различные формы тирании и несправедливости. Проведя год в таких делах, позже по воле религиозного падишаха он был смещен и приобрел дурную славу как в религиозных, так и в мирских делах.

Абу Наср-хан, его брат, после его смещения прибыл на пост правителя в конце 1103 года³¹⁴ и в большинстве дел был не лучше своего брата. Известно, что новшество *чаут* во время его правления дошло до того, что, когда один человек предъявил иск другому относительно Корана, и после подтверждения права Коран был возвращен, в качестве *чаут* несколько частей того же Корана были вырезаны и переданы в казну.

Его Светлость, предводитель святых Шах Мухаммад ‘Али Риза Сирхинди Фаруки³¹⁵ украсил Кашмир своим прибытием и пробыл там три месяца.

Абу Наср-хан правил около пяти лет. В период его правления Рустам Манту был казнен по приказу судьи ‘Абд ал-Карима по обвинению в богохульстве, на основании свидетельства Баба-йи Субука.

³¹²1101 г.х. соответствует 1689–1690 гг. н.э.

³¹³*Чаут* (от санск. «одна четверть») – налог в размере одной четверти, взимаемый с урожая или доходов. См.: Chhabra, G S. Advance Study in the History of Modern India. New Delhi: Lotus Press, 2005. Vol. 1, P. 62.

³¹⁴1103 г.х. соответствует 1691–1692 гг. н.э.

³¹⁵Ахмад ал-Фаруки Сирхинди (1564–1624) является духовным звеном в цепи преемственности шайхов тариката Накшбандийя, основатель новой ветви Накшибандийского тариката – муджадидия. См.: Прозоров, С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 187. Вероятнее всего, Шах Мухаммад ‘Али Риза Сирхинди Фаруки является одним из его потомков.

В начале правления Абу Наср-хана или до этого, во время *субадарства* Абу-л-Фатх Дивана, в благословенный месяц рамадан 1103 года³¹⁶ в Кашмире произошло удивительное событие. [f. 220b] Краткое содержание таково, что некий Мир Хусейн из Сабзивара прибыл в Кашмир и поселился возле горы Тахт-и-Сулейман, где основал обитель. Постепенно, с течением времени, это место стало посещаемым как простыми людьми, так и знатью. В благословенный месяц рамадан он решил устроить праздничное освещение. Большинство горожан, желая посмотреть на это зрелище, отправились туда на лодках. Образовалось большое скопление лодок, и люди вели себя неосторожно. После полуденной молитвы поднялся такой сильный ветер с дождем, сопровождаемый громом и молнией, что весь Сринагар³¹⁷ погрузился в кромешную тьму, словно в самую темную ночь, и это продолжалось некоторое время, пока люди, решив, что наступил закат солнца, не совершили разговение и с большим удовольствием не приступили к еде.

Через два-три часа ветер и дождь прекратились, и яркое солнце показалось вновь, отчего все испытали стыд и смущение. Раскаяние за этот случай было связано с неподобающим поведением новатора. Поскольку его последователи и приверженцы составили прошение относительно установления его содержания и отправили его ко двору падишаха.

В то же время весть об этом неподобающем поступке дошла до высочайшего двора. Падишах, защитник веры и знающий истину, проявив дальновидность, приказал его изгнать. [f. 221b] Правитель провинции, как только получил султанский указ, немедленно послал сборщиков налогов выдворить его. Хвала Аллаху, какая мудрость, какое правосудие и какая степень заботы о соблюдении законов шариата была проявлена.

Абу Наср-хан правил около шести лет.

Фазил-хан после смещения Абу Наср-хана был удостоен чести стать правителем Кашмира. Этот Фазил-хан носил имя мирза Бурхан и был племянником

³¹⁶Месяц рамадан 1103 г.х. соответствует маю-июню 1692 г. н.э.

³¹⁷Букв.: город.

Фазилхан-хана Самана, который позже стал визирем. В начале 1109 года³¹⁸ упомянутый хан прибыл в Кашмир и правил с величайшей добротой и щедростью.

Он оказывал большие почести ученым и шайхам, часто беседовал с ними и устранял нововведения и притеснения прежних правителей. В его время, в день праздника, когда шли к месту молитвы, между Мийан Шахсувар-беком, начальником артиллерии, и ходжой Мухаммадом Тахиром Дахбиди произошел спор из-за небольшой прежней обиды, которая была между ними.

Ходжа Мухаммад Тахир, под предлогом праздничного рукопожатия, убил Шахсувар-бека прямо на коне. Му'мин-бек Шир, брат Шахсувар-бека, в тот же час быстро убил ходжу Мухаммада Тахира.

В целом, во время правления Фазил-хана все люди получали пользу от благотворительности и пожертвований. Он приказал строить мечети, караван-сарай и дворцы во многих местах, занимался укреплением дамб, а также активно реставрировал и украшал сады. Он назначал жителей Кашмира на должности, и все они получали аудиенцию у него. Можно сказать, что именно в его время началась всеобщая практика назначения кашмирцев на государственные должности для благополучия подданных. [f. 221b] Он принял на себя значительные убытки в доходах провинции, которые предыдущие правители включали в свои доходы, и освободил от них население. Например, доход от соли, который составлял шестьдесят тысяч *танга*, а также сборы за выпас скота и другие налоги, которые взимались с подданных – все это он отменил.

[Сад] Хафтчинар и караван-сарай там же, *ханака* в Хасанабаде, [сад] Джаджилангар, *медресе* и *хаммам* рядом с новой каменной мечетью – это его постройки, помимо других мест, которые остались его благими деяниями. Он часто посещал по пятницам соборную мечеть и места великих людей. Три года и шесть месяцев он правил таким образом, затем подал в отставку и отправился ко двору.

Во время правления упомянутого хана, благодаря великим божественным благословениям и бесконечной милости, область Кашмир была удостоена особой

³¹⁸1109 г.х. соответствует 1697–1698 гг. н.э.

чести – прибытия благословенного священного волоса Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), что принесло благородство и счастье. Ходжа Нур ал-дин, известный как Ишбари³¹⁹, приобрел его в Биджапуре³²⁰ за большую сумму денег.

Когда произошла кончина упомянутого ходжи, эту высокочтимую реликвию привезли вместе с его телом в Кашмир. Пишущий эти строки, которому было тогда семь-восемь лет, помнит, что во время внесения этой светозарной реликвии мусульмане с полной самоотверженностью столпились вокруг, занятые поминанием и благословениями, а женщины и мужчины пришли в волнение с предельной искренностью и любовью. [f. 222a] Поток людей волновался в каждом переулке и на базаре, где проносили эту священную реликвию. Ученые, мудрецы, шайхи и бедняки с огромным рвением и энтузиазмом стремились нести на своих плечах и головах благословенные носилки с ларцом, и только с большим трудом и хлопотами получали такую возможность.

Приложение VII: фрагмент из главы III (B720, f. 223b–224b)

[f. 223b] Ибрагим-хан после отставки Фазил-хана в третий раз был удостоен чести управления Кашмиром. Известно, что по пути, когда Фазил-хан уезжал, а Ибрагим-хан прибывал, они встретились на дороге и посидели некоторое время. Присутствовавший там хронист ходжа ‘Али Акбар прочитал этот бейт:

«Пришел праздник Рамадан, а месяц рамадан ушел,

Сто благодарностей, что этот пришел, и сто сожалений, что тот ушел»

[f. 224a] В целом, Ибрагим-хан в этот раз приложил много усилий для заботы о подданных и благополучия народа, удовлетворив всех жителей исправлением

³¹⁹В 1635 г. некий Саййид ‘Абд Аллах, возводивший свою генеалогию к Пророку Мухаммаду, покинул Медину вследствие внутриполитических конфликтов и обосновался в Биджапуре. Он являлся хранителем священной реликвии – пряди волос из бороды Пророка, что обеспечило ему покровительство местного правителя. После завоевания Биджапура Аурангзебом в 1686 г. сын Саййида ‘Абд Аллаха, Саййид Хамид, оказался не в силах должным образом заботиться о реликвии. После мистического видения Хамид передал реликвию кашмирскому купцу Нур ал-дину Ишбари (в различных источниках имя кашмирского купца фиксируется в нескольких вариантах транскрипции: Ишбари, Ишай и Ашвари), который, в свою очередь, получил мистическое указание доставить священный волос в Кашмир. Аурангзев заключил Нур ал-дина в тюрьму по подозрению в мошенничестве, а реликвию забрал себе. Однако, мистическое откровение явилось и ему, в результате чего волос Пророка в 1700 г. был доставлен в Кашмир слугой умершего в заточении Нур ал-дина. См.: Akbar M.J. Kashmir: Behind the Vale. New Delhi: Lotus Collection, 2011. P. 156–157.

³²⁰Биджапур – город в индийском штате Карнатака.

прошлого, и не делал особых различий между шиитами и суннитами. В его время произошло два-три события.

Одно из них – появление некоего человека в *паргане* Камрадж, выдававшего себя за Шах Шуджа Бахадура, брата падишаха ‘Аламгира. Когда его привели к Ибрагим-хану, тот, лишь взглянув на него, отпустил. Говорят, что человек тот был старым и опытным, и Ибрагим-хан, учитывая его метания, намеренно сделал вид, что не узнал его.

Второе – прибытие Арслан-хана, племянника ‘Абд Аллах-хана, правителя Кашгара, который после выступления своего сына отправился ко двору, и для завоевания Кашгара по приказу благочестивого падишаха прибыл в Кашмир в начале 1113 года³²¹, что является датой его прибытия. Когда у него возник конфликт с *субадаром*, *субадар* написал ко двору о сложностях этого важного предприятия и трудностях контроля и защиты в случае завоевания, а также о малых доходах Кашгара. Это дело было приостановлено, в ответ пришел особый указ, что этот дальновидный человек – благословенный слуга. Арслан-хан был назначен в войска Кабула, где правил Шах Му‘аззам Бахадур-шах³²².

Третье – после подавления волнений в Раджаури³²³, сын раджи был вызван в Кашмир, принял ислам и был наречен Лутф Аллахом.

Кроме того, после пленения, он заключил в оковы Саййида ‘Абд ал-Фаттаха Гуджара, отца ‘Абд ал-Раззака, который в те дни поднял мятеж и восстание в Тибете³²⁴.

Истории о его справедливости и правосудии в государственных делах в этот период широко известны, но их изложение приведет к чрезмерному удлинению трактата.

³²¹1113 г.х. соответствует 1701–1702 гг. н.э.

³²²Му‘аззам Бахадур-шах I был вторым по старшинству сыном Великого Могола Аурангзеба, правил с 1707 по 1712 г. Во время правления своего отца Аурангзеба принц был наместником Кабула (1699—1707). См.: Irvine, W. *Later Mughals*. Calcutta: M. C. Sarkar & Sons, 1922. Vol. 1, P. 4.

³²³Раджаури (или Раджоури) – сейчас город и округ в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

³²⁴Данный фрагмент был дописан на полях рукописи В720, и найти сведений о данным сюжете в других источниках и научной литературе пока не удалось.

В общем, Ибрагим-хан провел в управлении пять лет с небольшим, затем был назначен *субадаром* Ахмадабада³²⁵ на замену Шахзаде Бидар Бахту³²⁶. Навазиш-хан Руми был назначен *субадаром* Кашмира, и он отправил назначение *найиба*³²⁷ на имя покойного Мушриф-хана мулле Ашрафу, который был *садром*³²⁸ и *диваном*. В своем прибытии он проявил значительную задержку. [f. 224b] Так как был конец зимы, он направился по дороге в Барамулу, и еще не успел войти в провинцию, как пришла весть о кончине справедливого падишаха ‘Аламгира, и мир погрузился в хаос³²⁹.

Приложение VIII: фрагмент из главы III (B720, f. 234a–235b)

Фрагмент посвящен правлению субадаров Кашмира в период Империи Великих Моголов, конкретно во время правления Бахадур-шаха I (1707–1712).

[f. 234a] В общем, Навазиш-хан, который в то время был *субадаром* Кашмира, когда падишах проезжал через Пешавар, был назначен на службу вместе с *мансабдарами*³³⁰. Он сослался на недостаток средств у *мансабдаров* и трудности горной местности, и пока истинное положение дел не было доложено государю, до получения ответа не смог войти в Сринагар³³¹. Он провел время на площади ‘идгах, и после получения приказа с задержкой вошел в город. После восшествия падишаха на престол он один год управлял Кашмиром, затем был смещен.

³²⁵Ахмадабад – город на западе Индии, самый большой город штата Гуджарат.

³²⁶Шахзада Бидар Бахт – один из внуков Аурангзеба, сын его второго сына – Азама. См.: Irvine, W. Later Mughals. Calcutta: M. C. Sarkar & Sons, 1922. Vol. 1, P. 14.

³²⁷*Найиб* (نایب) – пост заместителя административного или духовного лица в мусульманских государствах. См.: Dehkhoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 14, P. 22294.

³²⁸*Садр* (صدر) – верховный чиновник, ведавший судебными и религиозными делами. См.: Синха, Н. К., Банерджи, А. Ч. История Индии. / Перевод с английского Степанова Л. В., Ястребовой И. П. и Княжинской Л. А. Редакция и предисловие Антоновой К. А. — М.: Издательство иностранной литературы, 1954. С. 233.

³²⁹После длительного правления ‘Аламгира последовала череда часто сменявших друг друга правителей, продлившаяся до 1719 г, когда власть в Империи Великих Моголов перешла к Мухаммад-шаху.

³³⁰*Мансабдары* (منصبداران) – с персидского/урду переводится на русский как «должностные лица», «чиновники» или «государственные служащие». См.: Rekhta Dictionary: Urdu to Hindi, English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rekhtadictionary.com/meaning-of-mansab-e-daar> (дата обращения: 28.04.2026). В контексте Могольской империи это слово часто обозначало людей, занимающих определенные административные должности (*мансабы*) в государственной иерархии.

³³¹Букв.: город.

Он обладал удивительным мастерством в почерке *сулс*³³² и поэзии, и этот стих принадлежит ему:

Сердце мое похитила та изящная ладонь,

Печаль, что ногтем царапает мое сердце – вот она.

Джафар-хан, сын старшего Джафар-хана, был удостоен чести стать *субадаром* Кашмира. [f. 234b] До своего прибытия он назначил ходжу ‘Абд Аллаха Дахбиди своим *найибом*. Когда сам прибыл в Кашмир, он отступил от пути справедливости и беспристрастия и открыл врата тирании и притеснения для народа.

Среди происшествий, случившихся в то время, было следующее: во времена Джафар-хана одна женщина, прибывшая из окрестностей Пакхли в Кашмир, в суде призналась в произнесении слов, которые требовали ее казни. Сколько бы служители суда ни пытались отговорить ее, она не соглашалась и была казнена.

В том же году тело покойного верховного кази Мухаммада Хайдара, известного как Кази-хан, который в конце эпохи ‘Аламгира и в начале правления Бахадур-шаха с полной независимостью и властью исполнял обязанности придворного судьи и умер от кишечной болезни, было доставлено в Кашмир и похоронено в саду.

Простые люди, измученные притеснениями приближенных Джафар-хана, сожгли и разграбили дома некоторых его чиновников. Говорят, что упомянутый хан часто предавался пьянству, и из-за чрезмерного употребления вина заболел, и всего за два-три дня осенний ураган смерти вырвал с корнем древо его правления, которое продлилось один год и три месяца, и душа Джафар-хана отправилась в ад истории. Его тело положили на хранение, а позже отвезли в Индию.

‘Ариф-хан, известный как кази Мухаммад Фарук, внук старшего ‘Ариф-хана, был назначен городскими чиновниками *найибом субадара* провинции по

³³²Сулс (سُلس) – каллиграфический почерк, третий из «шести стилей» классического арабского письма. См.: Словарь терминов Российской Академии Художеств. [Электронный ресурс]. URL: <https://rah.ru/science/glossary/?ID=19534&let=%D0%A1> (дата обращения: 14.01.2026).

финансовым делам. [f. 235a] Ибрагим-хан, который был правителем Кабула и Пешавара, был удостоен прозвища ‘Али Мардан-хан и после смерти Джафар-хана в четвертый раз был удостоен чести стать *субадаром* Кашмира. Тем временем барабан его жизни прохудился, и звук его затих, [а сам] он собрал пожитки для переселения в иной мир³³³. А упомянутый ‘Ариф-хан продолжал исполнять обязанности *найиба* правителя. Навазиш-хан во второй раз облачился в халат *субадара*.

‘Ариф-хан, финансовый управляющий провинции, который был назначен *найибом* упомянутого хана из высочайшего двора, занялся наведением порядка, и благодаря совершенной честности и хорошей службе по султанской милости был удостоен прозвища Аманат-хан. В начале [11]23 года хиджры³³⁴ управление провинцией было отнято у Навазиш-хана.

Среди событий, которые произошли в эти год-два были следующие. Одно из них – наводнение, которое из-за обильных дождей вызвало сильный разлив, разрушив большинство домов и посевов. А в конце года летом случился пожар, начавшийся в квартале менял и дошедший до района Малджмар и его окрестностей³³⁵, около двадцати кварталов, более тридцати-сорока тысяч домов сгорело, одним словом, из-за бедствий воды и огня целый мир сравнялся с землей и был унесен ветром тлена.

‘Инайат Аллах-хан, который был управляющим двора, был назначен *субадаром* Кашмира, поэтому положение *найиба* Аманат-хана, который был из родственников и приближенных ‘Инайат Аллах-хана, укрепилось.

Среди происшествий, случившихся в то время, одно – это убийство Халил-бека Курда, который был известен как отступник от веры, он был казнен по приказу кази Мухаммада Акрама, *найиба* судьи.

Другое – народные волнения и нападение на дом Судараш Даса, который, будучи чиновником Джафар-хана, совершил некоторые дерзкие поступки, и

³³³Поэтическое/метафорическое описание смерти человека на персидском языке – *прим. перев.*

³³⁴1123 г.х. соответствует 1711–1712 гг. н.э.

³³⁵Малджмар – квартал в г. Сринагар.

упомянутый, вынужденный народным гневом, в суде *найиба* правителя через ходжу Нур ал-дина Мухаммада Афтаба Накшбанди вместе с детьми удостоился чести принять ислам.

[f. 235b] В месяце шаввал упомянутого года³³⁶ вышеназванный ‘Ариф-хан, находясь на вершине славы и успеха, после нескольких дней болезни отправился в вечный мир, должность *найиба субадара* провинции перешла к Мушриф-хану, которого звали Мир Ни‘мат Аллах и который был зятем ‘Инайат Аллах-хана.

Упомянутый Мушриф-хан три-четыре месяца занимал должность *найиба субадара* провинции, однако проявлял большую беспечность в государственных делах, и в это время, девятнадцатого числа месяца мухаррам 1124 года³³⁷ произошло событие – смерть падишаха³³⁸.

Приложение IX: фрагмент из главы III (B720, f. 236a)

Фрагмент посвящен правлению субадаров Кашмира в период Империи Великих Моголов, конкретно после смерти императора Бахадур-шаха I (1707–1712) и во время правления Джахандар-шаха (1712–1713).

[f. 236a] ‘Инайат Аллах-хан прибыл в подобный раю Кашмир в конце месяца раби‘ ал-аввал 1124 года³³⁹ и восемь-девять месяцев занимался управлением провинцией.

Во время его правления большинство должностей в провинции принадлежало его родственникам. В его период Мухаммад Музаффар, который был из слуг правителей Пакхли, после их падения приобрел власть и захватил местность Дачан Кхавара, которая относилась к району Камрадж.

Поскольку эта местность входила в *джагир*³⁴⁰ *субадара*, упомянутый ‘Инайат Аллах-хан назначил своих людей и людей падишаха для наказания и

³³⁶Месяц шаввал 1123 г.х. соответствует ноябрю-декабрю 1711 г. н.э.

³³⁷19 мухаррама 1124 г.х. соответствует 26 февраля 1712 г. н.э.

³³⁸Смерть императора Империи Великих Моголов Бахадур-шаха I в 1712 г.

³³⁹Месяц раби‘ ал-аввал 1124 г.х. соответствует апрелю 1712 г. н.э.

³⁴⁰*Джагир* (جاگیر) – с персидского букв. «державший место», земельный надел, который султаны, эмиры, чиновники и подобные им выдают, чтобы обрабатывать землю и присваивать ее урожай. См.: Dehkoda, Ali Akbar. Loghatnâme (Encyclopedic Dictionary). In 16 vol. Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. Tehran: Tehran University Publications, 1998. Vol. 5, P. 7364. Господствующая форма феодального землевладения в Империи Великих Моголов XVI–XVIII вв.

усмирения враждебных людей. В это время в государстве произошел переворот³⁴¹, и дело осталось незавершенным.

Мухаммад Музаффар добился полной победы. Во время смуты государственного переворота пришло известие, что новый *субадар* прибывает на замену ‘Инайат Аллах-хану и уже достиг горной местности. ‘Инайат Аллах-хан, несмотря на душевное смятение, которое он испытывал в то время из-за убийства своего достойного сына Са‘ад Аллах-хана и расстройств своих дел, проявил твердость духа и стойкость характера, счел это ложным и отправил своих людей и падишахские войска в область Барамула для противодействия ему, и не придал этому делу никакого значения.

Приложение X: фрагмент из главы III (B720, f. 241b–242b)

Фрагмент посвящен правлению субадаров Кашмира в период Империи Великих Моголов, конкретно во время правления Фаррух Сийара (1713–1719).

[f.241b] Садат-хан Бахадур, известный как Мир Мухаммад Таки, который был из благородных эмиров, был назначен наместником Кашмира по указу ‘Инайат Аллах-хана. Его дочь находилась в доме падишаха.

Другие важные должности Кашмира также достались его родственникам и приближенным, в итоге ‘Али Мухаммал-хан прибыл в качестве *найиба* от Садат-хана, а ‘Инайат Аллах-хан отправился в Лахор, а оттуда – в священные Мекку и Медину.

Среди событий, произошедших в его времена, был *йасак*³⁴² Музаффарабада. Некоторые руководители и военные чиновники учинили смуту в ущелье Карнах³⁴³.

[f. 242a] С целью захвата этой местности они подняли горцев на восстание. Мухаммад Хайбат, сын Мухаммада Музаффара, действовал необдуманно и захватил их. По этой причине ‘Абд ал-Азим-хан, *диван* субы, который был из

³⁴¹Речь идет о событиях, связанных с убийством Джахандар-шаха (преемника Бахадур-шаха I) в феврале 1713 г.

³⁴²*Йасак* (يساق) – в данном контексте можно перевести как наказание или штраф, т.е. итог, к которому пришли чиновники в описываемой автором ситуации. См.: Гаффаров, М. А. Персидско-русский словарь: в 2 т./ Мирза Абдулла Гаффаров, преп. перс., азерб. и сарт. яз. (в Спец. кл. Лазарев. ин-та и Моск. коммерч. ин-те). М.: тип. М.О. Аттая и К°, 1914–1927. Т. 2, С. 912.

³⁴³Населенный пункт между Музаффарабадом и Сринагаром.

знатных иранцев и был потомком смотрителя Кербелы и человеком совершенным, проявил крайнюю заботу о *найибе* наместника провинции и занялся наказанием и исправлением ситуации. Несколько месяцев он потратил на это важное дело, освободил упомянутых пленных, привел Мухаммада Мугр ал-дина, сына Мухаммада Хайбата, к выплате контрибуции и вернулся с победой и триумфом.

‘Абд ал-Раззака, сына ‘Абд ал-Фаттаха, землевладельца Пунча, схватили и привели, взыскали реальный размер *хараджа*, налога и подношений, некоторое время держали в Сринагаре³⁴⁴ под надзором и затем отпустили.

Люди *найиба субы* простерли руки притеснения и установили новые поборы и другие незаконные нововведения, чем причинили страдания большинству.

Когда спустя два с лишним года падишах, защитник веры, был тронут жалобами народа Кашмира, он послал А‘зам-хана в Кашмир, сместив ‘Али Мухаммал-хана, *найиба* Садат-хана, и отстранил большинство приближенных Садат-хана. А‘зам-хан провел в Кашмире менее года, и наместничество в провинции снова перешло к ‘Али Мухаммал-хану, который пробыл там около еще одного года.

Ихтирам-хан, *бахши мансабдаров* Кашмира, который был родственником и приближенным упомянутого Садат-хана, был назначен *найибом* наместника провинции, а ‘Али Мухаммал-хан отправился ко двору. Ихтирам-хан пробыл наместником всего семнадцать дней. [f. 242b] Когда наместничество в Кашмире было отнято у Садат-хана, ‘Инайат Аллах-хан, который вернулся из хаджа и был удостоен милостей падишаха, был во второй раз назначен *субадаром* Кашмира. Он переложил наместничество на имя Ага-бек-хана, *дивана* провинции, а независимым *найибом* сделал Мир Ахмал-хана, сына Мир Ахмал-хана старшего, который славился храбростью и умением поддерживать порядок. Упомянутый хан прибыл в Кашмир в 1129 году³⁴⁵ и, поистине, около трех лет с полным порядком, благодеяниями и справедливым судом расположил к себе народ. Мятежников и узурпаторов он понизил и лишил почетного положения.

³⁴⁴Букв.: в городе.

³⁴⁵1129 г.х. соответствует 1716–1717 гг. н.э.

Приложение XI: фрагмент из главы III (B720, f. 252a–253a; 255a–256b)

Фрагменты XI – XV посвящены правлению субадаров Кашмира в период Империи Великих Моголов в XVIII в., конкретно во время правления Мухаммад Шаха (1719–1748).

[f. 252a] Мир Ахмал-хан, *найиб* 'Инайат Аллах-хана, около трех лет управлял Кашмиром с порядком, справедливостью и благочестием, насколько это было возможно, и снискал добрую славу и установил подлинный порядок и контроль, но по предопределению и несчастной судьбе народа Кашмира в конце его правления, который пришелся на начало царствования падишаха, в Кашмире произошла упомянутая религиозная смута между Мухтави-ханом и индусами.

Суть происшествия заключалась в следующем: Мухтави-хан, известный как мулла 'Абд ал-Наби, который был ученым и праведным человеком, и во время наместничества Бахадур-шаха в Кабуле и Пешаваре постепенно дослужился до того, что попал в свиту [будущего] шаха и в ученых беседах достиг степени, когда мог вести с ним диалог на равных, заслужив похвалу. Когда тот пришел к власти, упомянутый хан получил *мансаб* и *джагир* в Кашмире. В конце правления [Бахадур-шаха] он вернулся на родину. Во времена правления падишаха Фаррух Сийара он потерял большую часть своего *джагира* и снова отправился на военную службу.

Поскольку с *джагиром* ничего не вышло, он вернулся обратно и остался на родине. В начале 1132 года хиджры³⁴⁶, после восшествия падишаха [Мухаммад Шаха] на престол, некоторые правители и землевладельцы в округах Индии и Декана проявили непокорность и выступили с мятежом

В Кашмире упомянутый хан в силу некоторых обстоятельств времени стал открыто высказываться о вопросах и постановлениях шариата, касающихся индусов и *зиммиев*³⁴⁷. Он просил Мир Ахмал-хана привести это в исполнение.

³⁴⁶1132 г.х. соответствует 1719–1720 гг. н.э.

³⁴⁷*Зиммии* – иноверцы, признавшие власть мусульман, платящие подушную подать (*джизию*) и получившие за это покровительство (*зимма*) мусульман: защиту от внешних врагов и гарантию неприкосновенности личности и

Искренний борец за правду, Мухтави-хан публично объявил о [мерах против] *кафиров* там, так решительно взявшись за это дело, что история эта получила огласку. По небрежности [властей] нужно было вырвать души из сердец врагов и снять тюрбаны с голов *кафиров*.

Учитывая преобладание индусов, которое было в столице и Кашмире, Мир Ахмал-хан не видел возможности продвижения этого дела. И чиновники Кашмира, более того, большинство знати, особенно судебные чиновники и служители шариата, выступили против мнения Мухтави-хана. Скопление богословов и простого народа в доме Мухтави-хана стало очень большим.

Пару месяцев Мир Ахмал-хан сдерживал ситуацию, но базарный люд и прохожие, где бы ни встречали индуса, стаскивали его с коня и угрожали и наказывали его. [f. 252b] В конце концов, это привело к разрушению домов и захвату имущества индусов. *Тарихом* поражения индусов стало «обнаружили поражение неверных». Мир Ахмал-хан по совету чиновников отправил войско для ареста Мухтави-хана, но простой народ, возбужденный подстрекательством, пришел в ярость и в квартале Калашпур разгромил упомянутое войско, и большинство [солдат] женщины Сринагара³⁴⁸ с крыш закидали камнями, деревом и рисовыми толкушками и убили. Произошел большой пожар, многие кварталы сгорели, а власть Мир Ахмал-хана ослабла.

Из столицы *найибом* 'Инайат Аллах-хана был назначен ходжа 'Абд Аллах Дахбиди, а Мир Ахмал-хан отправился ко двору. Поскольку при правлении ходжи 'Абд Аллах-хана господство простонародья и грабежи в городе усилились, более того, при расследовании [выяснилось, что] чиновники Мухтави-хана присвоили средства особой казны по своему усмотрению, из столицы *найибом* провинции отправили Му'мин-хана. Вышеупомянутый дошел до Хирапура, когда Мухтави-хан после встречи с ходжей 'Абд Аллах-ханом прибыл в дом Шапур-хана, *бахши*

имущества наравне с мусульманами. См.: Прозоров, С. М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 27.

³⁴⁸Букв.: города.

провинции, старшего брата Мир Хайдар-хана, о котором упоминалось ранее, чтобы встретиться.

Сайид Азхар-хан, *диван* имущества и владений³⁴⁹, и группа чиновников сговорились и убили Мухтави-хана вместе с группой простолюдинов. Это событие произошло в конце дня среды, двадцать первого числа месяца зу-л-ка‘ада 1132 года³⁵⁰. [f. 253a] «Павший мученической смертью *шайх ал-ислам*³⁵¹» является *тарихом* для даты его смерти.

На следующий день простой народ пришел в ярость и обрушился на квартал Джадибал³⁵², а шииты, которые во времена смуты объединились с индусами, сформировали великое ополчение и держали оборону, теперь были обвинены в убийстве Мухтави-хана. Большинство из них, мужчин и женщин, малых и старых, убили, а их честь и достоинство подвергли поруганию. После этого разрушили *ханаку* Мир Шамса ‘Ираки, наставника шиитов. С начала застройки и до сего дня такое бедствие не обрушивалось на Джадибал и общину шиитов. Подобные бедствия неоднократно постигали индусов и даже некоторых знатных мусульман.

<...>

[f. 255a] Через два дня после этого события Му’мин-хан вошел в Сринагар³⁵³. Поскольку простой народ возвел на службу муллу Шараф ал-дина, сына Мухтави-хана, который скрывался во время происшествия с отцом, и посадили его на место отца, а наплыв и натиск народа стали больше прежнего, дела управления не шли должным образом, и он [Му’мин-хан] вмешивался в большинство дел.

‘Инайат Аллах-хан, который также был *найибом* верховного визиря, в столице заявил о невозможности [для него управлять как] наместнику Кашмира и подал в отставку, и управление провинцией перешло Сайф ал-дауле ‘Абд ал-Самад-хану Бахадуру Далир Джангу.

³⁴⁹*Диван-и буйутат* (ديوان بيوتات) – чиновник, буквально «управляющий домами/владениями».

³⁵⁰21 зу-л-ка‘ада 1132 г.х. соответствует 23 сентября 1720 г. н.э.

³⁵¹*Шайх ал-ислам* – почетное звание, означающее «старейшина ислама». С X в. это звание время от времени присваивалось выдающимся знатокам исламского права или авторитетным суфийским наставникам. См.: Прозоров, С. М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 289.

³⁵²Джадибал – квартал в г. Сринагар, где традиционно проживало шиитское население.

³⁵³Букв.: в город.

Он отправил документ о назначении *найибом* ходже ‘Абд Аллах-хану Дахбиди. Четыре-пять месяцев вышеупомянутый [Му’мин-хан] исполнял обязанности *найиба*, но из-за вмешательства сподвижников и последователей муллы Шараф ал-дина оказался не в состоянии проводить в жизнь указы. По жалобам индусов и шиитов Сайф ал-даула по указу из столицы выступил из Лахора и с огромным войском пришел в Кашмир, и в первый день месяца мухаррам 1134 года³⁵⁴ вошел в Сринагар³⁵⁵.

Благодаря умелому управлению он схватил муллу Шараф ал-дина вместе со всеми его сподвижниками и помощниками. Он снова разрешил повязывание тюрбана, езду верхом на лошади и ношение роскошной одежды для индусов, что полтора года было запрещено. И он наложил финансовое наказание на большинство знати и горожан, и различные слои населения. Проведя шесть месяцев в Кашмире, в середине раджаба он отправился в Лахор.

А Абу-л-Баракат-хан назначил сына кази Мухаммада Казима ‘Ариф-хана, который был старшим братом упомянутого ‘Инайат-хана, на должность *найиба* с установлением значительного размера жалования. Шесть месяцев он провел у власти, после чего был смещен из-за доносов населения.

[f. 255b] Наджиб-хан Исрари прибыл в Кашмир в качестве *найиба* Сайф ал-даула и претерпел притеснения со стороны Абу-л-Баракат-хана. Около года исполнял свои обязанности, когда управление провинцией Кашмир было отнято у Сайф ал-даула.

А‘зам-хан Бахадур, о котором уже упоминалось, был назначен *субадаром* провинции, и до своего прибытия он назначил заместителем ходжу ‘Абд Аллах-хана Дахбиди. А‘зам-хан прибыл в Кашмир в начале 1136 года³⁵⁶.

Из событий, произошедших в его правление в Кашмире, одним было восстание *мансабдаров* и некоторых знатных людей, которые из-за его

³⁵⁴1 мухаррама 1134 г.х. соответствует 22 октября 1721 г. н.э.

³⁵⁵Букв.: в город.

³⁵⁶1136 г.х. соответствует 1723–1724 гг. н.э.

несправедливости в сборе [податей] подняли мятеж и собрались вместе. Он быстро урегулировал это благоразумным управлением и подавил [восстание].

Второе, что тяжелее всего, – это наступление великого голода в Кашмире. Хотя его начало пришлось на наместничество Абу-л-Баракат-хана, но в правление ‘Азам-хана он достиг такой степени, какой никто не помнит с прежних веков: рис стал ценой с золото, [его] нельзя было достать и за шесть *рупий* за *харвар*³⁵⁷, и люди толпами умирали от голода.

<...>

[f. 256b] Через несколько месяцев, благодаря милости и благодеянию Божьему, гнев голода утих и начались дожди, и от того ужаса и тяжести не осталось и следа. Однако его последствия сохранялись еще долгое время. В общем, А‘зам-хан провел в управлении около года и по причине жалоб населения был отстранен от службы в провинции.

Приложение XII: фрагмент из главы III (B720, f. 261b; 262a–264a)

[f. 261b] ‘Инайат Аллах-хан, после смещения А‘зам-хана, в третий раз получил пост *субадара* Кашмира и назначил *найибом* Фахр ал-дина Мухаммал-хана, *дивана* имущества и владений Кашмира. Упомянутый более года прекрасно исполнял свои обязанности. Еще не прошло и года, как случилось неизбежное событие – [смерть] ‘Инайат Аллах-хана при дворе, и это произошло в месяцах 1137 года³⁵⁸.

<...>

[f. 262a] Как бы то ни было, после смерти ‘Инайат Аллах-хана управление провинцией перешло к ‘Акидат-хану Бахадуру, который был удостоен *субы* Кашмира. Он был из потомков Халил Аллах-хана эпохи ‘Аламгира. Его *найибом* стал Абу-л-Баракат-хан, который около трех лет был занят благополучным

³⁵⁷*Харвар* (خوار) – варьирующаяся по районам мера веса. В словаре Ю.Я. Рубинчика равна 300 кг. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1, С. 550.

³⁵⁸1137 г.х. соответствует 1724–1725 гг. н.э.

выполнением государственных дел. В конце 1140 года³⁵⁹ из-за жалоб населения области 'Акидат-хан был отстранен от службы.

Агар-хан Дидамогул стал *субадаром* провинции. Сын Агар-хана старшего, во время его *субадарства* он прибыл в Кашмир вместе с 'Инайат Аллах-ханом, и до своего прибытия назначил *найибом* Мир Садик-хана-бахши, который был внуком Шапур-хана, о котором уже упоминалось.

Агар-хан в начале месяца зу-л-хиджа упомянутого года³⁶⁰ вступил в Кашмир. Пять-шесть месяцев он провел беззаботно, а Абу-л-Баракат-хана, которого считал своим соперником, застал врасплох, усыпив его бдительность, и однажды ночью арестовал его. Отправив с ним [конвой из] своих людей, доставил [его] в Хирапур и отправил в Индостан.

Когда он простер руку насилия во всех направлениях и без причины и повода притеснил и обидел некоторых знатных людей, жалобы населения Кашмира дошли до падишаха. [f. 262b] Однако из-за заступничества Раушан ал-даулы Зафар-хана, третьего *бахши*, ничего не вышло. Население Кашмира, которое было доведено до отчаяния его поведением, подпоясавшись, собралось и объединилось для его изгнания. Более двух месяцев прошло в противостоянии и попытках обеих сторон получить преимущество. Тем временем Раушан ал-даула также получил выговор при дворе, и был издан указ о смещении Агар-хана. Одиннадцатого числа месяца рамадан [11]41 года³⁶¹ будучи побежденным он отправился в Индостан по дороге через Барамулу.

Амир-хан получил назначение на управление [провинцией], а наместничество снова было пожаловано Абу-л-Баракат-хану, который прибыл ко двору. Упомянутый до своего прибытия в Кашмир назначил своим заместителем³⁶² Джалил ал-дин-хана, брата Йадгара Ризы.

³⁵⁹1140 г.х. соответствует 1727–1728 гг. н.э.

³⁶⁰Месяц зу-л-хиджа 1140 г.х. соответствует июлю-августу 1728 г. н.э.

³⁶¹11 рамадана 1141 г.х. соответствует 10 апреля 1729 г. н.э.

³⁶²В тексте Джалил ал-дин-хан указан как *найиб*, однако, из контекста следует полагать, что точнее было назвать его заместителем *найиба* (*найиб-и найиб*). См.: Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. People's Publishing House, 1969. P. 336.

В середине [11]42 года³⁶³ Абу-л-Баракат-хан прибыл в Кашмир и около двух лет выполнял обязанности *найиба* по своему усмотрению. После смещения Абу-л-Баракат-хана на должность *найиба* Амир-хана был назначен [Ихтирам-хан]. Упомянутый прибыл в Кашмир, и по несчастливому стечению обстоятельств случилась нехватка зерна. Едва только он вступил в Сринагар³⁶⁴, как простой народ, страдающий от недостатка [продовольствия], собрался толпами, и жалобы их произвели смятение и беспорядки на улицах и базарах. Ихтирам-хан по неведению вмешался в [распределение] зерна каким-то людям, и возникла невообразимая городская смута.

Другое происшествие, которое не случалось [даже] при всех прочих волнениях и беспорядках, состоит в том, что негодяи и подлые люди, следуя своей врожденной злобе или по подстрекательству заинтересованных лиц, завистников и мятежников, в первый же день, в пятницу, вывели из дома уважаемого мавлану ‘Инайат Аллаха, известного как Фазилат Аллах-хан, который занимал должность *мир-адла*³⁶⁵, и мавлану Мухаммада Ашрафа, великого муфтия, и привели их в Соборную мечеть. [f. 263a] И без всякого снисхождения и сдержанности предали обоих ученых мужей мученической смерти, и сожгли дома многих людей, которых подозревали в запасах зерна. Оба ученых мужа были редкостями своего времени.

<...>

Когда Ихтирам-хан прибыл в соборную мечеть, а Абу-л-Баракат-хан пришел в возвышенную *ханаку*, поскольку люди с обеих сторон опасались друг друга и были настороже, постепенно они схватились врукопашную. [f. 263b] Поскольку горожане и слуги возвышенной *ханаки* поддерживали сторону Абу-л-Баракат-хана, Ихтирам-хан потерпел сокрушительное поражение и с позором отступил. И снова должность *найиба* Амир-хана была отдана Абу-л-Баракат-хану.

³⁶³1142 г.х. соответствует 1729–1730 гг. н.э.

³⁶⁴Букв.: в город.

³⁶⁵*Мир ‘адл* или *мир-и ‘адл* (میر عدل) –чиновник, находившийся в подчинении у кази и выполнявший судебные-административные функции ограниченного характера. К нему обращались стороны спора до того, как идти к кази. *Мир ‘адл* составлял материалы дела и, если спор не был сложным, а стороны выражали согласие, самостоятельно разрешал конфликт. См.: Hasan, M. Kashmīr Under the Sultāns. Calcutta, 1959. P. 200.

Из значительных событий, произошедших в этот период, одно таково: люди Музаффарабада подняли мятеж, напали на Камрадж и разграбили урожай и имущество людей. Абу-л-Баракат-хан с шахскими войсками отправился к Барамуле с целью их наказания. В четверг, девятого сафара³⁶⁶, когда воины с той стороны перешли через перевал и стали искать врага, те, спрятавшись в засаде и выждав удобный момент, внезапно напали на воинов с этой стороны и беспощадно перебили их мечами. Мухтар Малик, сын Намдар Малика, один из главных землевладельцев на основной дороге³⁶⁷, и группа других именитых людей были убиты, и произошло ужасное поражение.

В то же время, когда это происшествие случилось в Барамуле, в Сринагаре³⁶⁸, без какой-либо видимой причины, в тот же четверг, в *ханаке* Файз-панах 'Алийа Амирийа с верхней крыши начался пожар и к полудню она сравнялась с землей, и сердца людей сгорели от горя. Служители *ханаки* успели вынести священные реликвии. Оба эти события произошли в 1144 году³⁶⁹.

[f. 264a] В любом случае, Абу-л-Баракат-хан и знатные лица провинции, то есть шахские войска, заключив непрочный мир с жителями Музаффарабада, вернулись в Сринагар³⁷⁰. В [11]46 году³⁷¹ стараниями Абу-л-Баракат-хана было возобновлено строительство возвышенной *ханаки*. Пишущий эти строки подобрал *тарих* «кибла благословений». Это четвертое строение *ханаки*.

Приложение XIII: фрагмент из главы III (B720, f. 265a–266a)

[f. 265a] Дил Далир-хан, который был родом из Панипата³⁷² и имел связи с приближенными Джахан-шаха и получил управление Кашмиром после смещения Амир-хана. Упомянутый, хотя и выехал с намерением [отправиться] в Кашмир,

³⁶⁶9 сафара 1144 г.х. соответствует 12 августа 1731 г. н.э.

³⁶⁷В тексте – *шахрах* (شاهراه) – главная дорога; столбовая дорога; основное направление. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 2, С. 88.

³⁶⁸Букв.: в город.

³⁶⁹1144 г.х. соответствует 1731–1732 гг. н.э.

³⁷⁰Букв.: в город.

³⁷¹1146 г.х. соответствует 1733–1734 гг. н.э.

³⁷²Панипат – город в индийском штате Харьяна.

однако долго задержался в Лахоре, а Абу-л-Баракат-хан был его *найибом*. Спустя несколько месяцев Дил Далир-хан скончался в Лахоре.

Из числа важных происшествий, которые в то время произошли в Кашмире, первым было наводнение, которое с чрезмерным разливом случилось в начале 1148 года хиджры³⁷³. Некоторое время много воды стояло в полях и домах за пределами города, и люди испытывали удивление. В конце того же года, в ночь двадцать второго числа месяца зу-л-ка‘ада³⁷⁴, произошло великое землетрясение, которое было знаком Великого Воскресения. Многие дома в городе и деревнях рухнули, основу существования мира развеяло по ветру. Около трех месяцев это землетрясение продолжалось, но не имело такой силы, как вначале, и днем и ночью несколько раз происходили толчки, так что люди привыкли к этому. *Тарих* этого землетрясения некоторые творческие люди вывели из священного аята «Воистину, верующие были испытаны и сильно потрясены»³⁷⁵. Поистине, это одно из чудес Слова Творца небес.

[f. 265b] После того, как случилось это происшествие, возник конфликт между жителями Кашмира и *найибом* наместника. Подробности этого события таковы: Абу-л-Баракат-хан, после случая в Барамуле, о котором упоминалось ранее, назначил Мир Мухаммада Джа‘фара Канта с несколькими его братьями и своими людьми для отражения [нападений] людей Мухаммада Хайбата, землевладельца Музаффарабада. Те объединили усилия и отразили [атаки] жителей Музаффарабада, которые известны как племя Баму³⁷⁶.

Поскольку Мухаммад Джа‘фар и другие не увидели должного вознаграждения за [свою] службу, они проявили недовольство и оставили охрану Барамулы, и даже пренебрегли своими обязанностями. Воспользовавшись их попустительством, люди Баму вновь подняли мятеж. Абу-л-Баракат-хан отправил

³⁷³1148 г.х. соответствует 1735–1736 гг. н.э.

³⁷⁴22 зу-л-ка‘ада 1148 г.х. соответствует 3 апреля 1736 г. н.э.

³⁷⁵Вероятно, в качестве *тариха* автором была выбрана вольная интерпретация фразы из Корана «Они переживали такие потрясения...» (2:214).

³⁷⁶Вероятно, речь идет о племени Бомба, также пишется как Бамбас. Это племя, проживающее в пакистанском Азад Кашмире и индийском Джамму и Кашмире. Бомба, которые являются потомками древней общины Кхасов, всегда были известны своей воинственностью и непокорностью. См.: Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. People's Publishing House, 1969. P. 343.

в Барамулу всех шахских *мансабдаров* для отражения врага и послал с ними своего младшего сына. *Мансабдары* через некоторое время из-за некоторых опасений [и подстрекательств] вернулись без разрешения.

Поскольку жители города также были недовольны некоторыми действиями *найиба*, все объединились, и знатные и простые люди, и единодушно и единогласно решили противостоять *найибу* и разрушили переправы. Пятнадцатого раджаба³⁷⁷ произошло сражение между сторонами, и люди *найиба* потерпели поражение. *Найиб*, где только мог, устраивал поджоги, и более пятнадцати-двадцати тысяч домов сгорело за одну-две ночи, а огонь вражды и противостояния между сторонами разгорелись еще сильнее. В начале месяца раджаб 1149 года³⁷⁸ разразилась эта смута, и три месяца ряды стояли друг против друга, но серьезных сражений не было. Еще случилось много пожаров, и жители города из-за продолжительности [конфликта] ослабли.

[f. 266a] Упомянутый Мухаммад Джа‘фар со своими братьями и группой *мансабдаров*, став целью [заговора], привлек на свою сторону некоторых людей из Пунча. По подстрекательству Мухаммада Фарук-хана, сына Аман-хана, который враждовал с Абу-л-Баракат-ханом, несмотря на родственные связи, четырнадцатого числа месяца мухаррам 1150 года³⁷⁹ произошло сражение между сторонами. Поскольку простонародье города также участвовало в этом, *найиб субадара* потерпел поражение и счел за удачу [то, что избежал смерти]. Его дом сожгли, и его имущество разграбили.

Абу-л-Баракат-хан отправился в Лахор, и должность заместителя была назначена Джалал ал-дин-хану, брату Йадгар-хана. Вышеупомянутый провел несколько месяцев в должности *найиба*, но и при его правлении по вышеупомянутым причинам из-за господства смуты простонародья в начале года произошли волнения, беспорядки и междоусобица.

³⁷⁷15 раджаба 1149 г.х. соответствует 18 ноября 1736 г. н.э.

³⁷⁸Месяц раджаб 1149 г.х. соответствует ноябрю-декабрю 1736 г. н.э.

³⁷⁹14 мухаррама 1150 г.х. соответствует 13 мая 1737 г. н.э.

Приложение XIV: фрагмент из главы III (B720, f. 267b–268a)

[f. 267b] Фахр ал-даула Бахадур, брат Раушан ал-даулы, после отбытия Дил Далир-хана был назначен *субадаром*. Он назначил Кази-хана своим *найибом*. В конце года он лично прибыл в Кашмир несколько месяцев правил жестоко и сурово, притесняя большинство населения под предлогом хранения зерна, устранения беспорядков и организации собраний. Во время его правления упомянутый Мухаммад Фарук-хан, по обвинению в организации собраний и под предлогом хранения зерна, был схвачен во время бегства людьми правителя и простолюдинами, и был убит с позором и унижением. Многие другие, такие как Халил ал-дин-хан, Кази-хан и прочие, были подвергнуты тюремному заключению.

Фахр ал-даула, закончив с этими делами, отправился в Сопур³⁸⁰. Он разгромил Мухаммада Джафара Канта с его братьями, который долгое время находился там с верным отрядом. Когда жалобы на него по разным причинам дошли до падишаха, он был отстранен от службы.

‘Инайат Аллах-хан, известный как ‘Ата Аллах-хан, сын покойного ‘Инайат Аллах-хана, который после смерти отца был удостоен прозвища ‘Инайат Аллах-хан, был назначен правителем, а *найибом* стал ‘Ассам ал-дин-хан.

Фахр ал-даула заключил его под стражу по обвинению в подстрекательстве к собраниям людей и взял с него большое количество денег. [f. 268a] Сделав Кази-хана своим заместителем, он отправился в Индостан.

‘Ассам ал-дин-хан одержал верх над Кази-ханом и занял должность *найиба*, и несколько месяцев провел в свое удовольствие.

В конце [11]51 года³⁸¹ Фахр ал-даула, который был в Лахоре, получив указ от Надир-шаха, прибывшего в Лахор, и взяв с собой некоторое количество горцев, снова прибыл в Кашмир.

В середине месяца мухаррам 1152 года³⁸² он вошел в Сринагар³⁸³ и проявил много высокомерия. Он хотел ввести чеканку монет и чтение хутбы на имя Надир-

³⁸⁰Сопур (или Сопор) – сейчас город в районе Барамула индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

³⁸¹1151 г.х. соответствует 1738–1739 гг. н.э.

³⁸²Месяц мухаррам 1151 г.х. соответствует апрелю-маю 1738 г. н.э.

³⁸³Букв.: в город.

шаха, но простые люди, возмущившись этим, подняли волнение и воспрепятствовали этому. Он провел сорок дней в угнетении и насилии, и причинял людям страдания.

После заключения мира между падишахом и Надир-шахом, провинция Кашмир осталась во владении падишаха, и 'Инайат Аллах-хану вновь поручили управление согласно прежнему указу. Знатные и простые люди города, от великих до малых, объединившись, изгнали Фахр ал-даулу.

Упомянутый [Фахр ал-даула] расположился в [саду] Хафтчинар, по подстрекательству некоторых злодеев поджег окрестности, убивая всех, кого находил. Около двух месяцев продолжалось противостояние с обеих сторон. В конце концов, оказавшись в стесненном положении, он взял путь в Вазирабад³⁸⁴. А Абу-л-Баракат-хан, который был в Лахоре, получил должность *найиба* и прибыл в Кашмир.

Приложение XV: фрагмент из главы III (B720, f. 271b–278b)

[f. 271b] Падишах оставил провинцию Кашмир 'Инайат Аллах-хану, а упомянутого Абу-л-Баракат-хана, который находился в Батале³⁸⁵, назначил его *найибом*. 'Инайат Аллах-хан во время нашествия Надир-шаха претерпел оскорбление чести и репутации и [потерю] имущества. Жители Кашмира, измученные Фахр ал-даулой, который хотел подчинить их Надир-шаху, жаловались и воспрепятствовали чеканке монеты и хутбе на имя Надир-шаха, выказывая преданность падишаху, и изгнали Фахр ал-даулу. Его изгнание совпало с прибытием Абу-л-Баракат-хана. Два-три месяца он независимо исполнял обязанности *найиба* 'Инайат Аллах-хана.

'Инайат Аллах-хан, желая освободиться от упомянутых дел, прибыл в Кашмир и в конце месяца зу-л-ка'ада 1152 года³⁸⁶ прибыл в Сринагар³⁸⁷. [f. 272a] Четыре-пять месяцев он с добрым нравом осуществлял управление и провел время

³⁸⁴Вазирабад – сейчас город в пакистанской провинции Пенджаб, расположен в округе Гуджранвала.

³⁸⁵Батала – сейчас город в северной части штата Пенджаб, Индия. Расположен на территории округа Гурдаспур. Расположен в сравнительной близости с Лахором

³⁸⁶Месяц зу-л-ка'ада 1152 г.х. соответствует январю-февралю 1740 г. н.э.

³⁸⁷Букв.: в город.

в благополучии, по мере сил старался для благосостояния людей и проявлял великодушие ко всем. Большинство мятежников он наказал по заслугам, и проявлял величайшую приверженность и искренность в отношении бедности и *дервишества*. В конце концов, из-за финансовых дел [и обстоятельств] государственных вопросов и раздоров между людьми, между ним и Абу-л-Баракат-ханом, который стремился вмешиваться и даже господствовать, возникли обида и раздор, и со временем это привело к противостоянию.

Однажды после пятничной молитвы около соборной мечети произошло сражение. В тот день войска 'Инайат Аллах-хана понесли большие потери, а Абу-л-Баракат-хан обрел силу. В другой раз, когда люди обеих сторон столкнулись на площади *'идгах*, люди 'Инайат Аллах-хана потерпели сокрушительное поражение, а он сам несколько дней скрывался, оставаясь в нерешительности и растерянности. В конце концов, при посредничестве пишущего эти строки, он тайно вернулся в город.

Его сын, Халлат Аллах-хан, который направился в Сопур, попросил помощи у сына Мухаммада Хайбата Музаффарабади, который прибыл в Сопур по призыву обеих сторон. Спустя полмесяца, в последний день месяца ша'абан³⁸⁸, в местности Харатат³⁸⁹ произошло столкновение между сторонами, и на этот раз Абу-л-Баракат-хан был разбит и избрал путь бегства.

'Инайат Аллах-хан накануне месяца рамадан вышел из своего укрытия и снова обрел независимость. Абу-л-Баракат-хан отправился в направлении городка Пунч. [f.272b] Сорок дней независимость 'Инайат Аллах-хана имела видимость, но он абсолютно не имел контроля над управлением. Некоторые жители Кашмира³⁹⁰ из числа *мансабдаров* и других, которые ранее проявляли неуважение к нему, стали подстрекать Абу-л-Баракат-хана.

Мухаммад Вали, землевладелец Пунча, сыновья 'Абд ал-Раззака Чадуры, о котором упоминалось ранее, и которые обрели больше власти, чем их отец, сочли

³⁸⁸Последний день месяца ша'абан 1153 г.х. соответствует 18/19 ноября 1740 г. н.э.

³⁸⁹Вероятно, населенный пункт в окрестностях Сопура.

³⁹⁰Букв.: города.

необходимым помочь и поддержать Абу-л-Баракат-хана, и, взяв его с собой, отправились в Кашмир.

Поскольку большинство людей ‘Инайат Аллах-хана из-за неопытности стали причиной беспорядков, указанная группа беспрепятственно вошла в окрестности Сринагара³⁹¹. Халлат Аллах-хан со своими людьми и некоторыми *мансабдарами* выступил навстречу для сражения, и они встретились в окрестностях Хафтчинара. На людей Халлат Аллах-хана еще до начала сражения напал великий страх, более того, со стороны некоторых предводителей отрядов проявилось предательство, и все обратились в бегство.

Это событие произошло девятнадцатого числа месяца шаввал 1153 года³⁹². Абу-л-Баракат-хан и люди из Пунча без опасений вошли в Сринагар³⁹³, а ‘Инайат Аллах-хан лично до полуночи храбро сражался со своими людьми. Поскольку у него не было никаких средств, он удивительным образом направился через Ханпур к Сопуру и присоединился к своему сыну, который ушел в Сопур после событий в Хафтчинаре, и обратился за убежищем к сыновьям Мухаммада Хайбата, передав им *джагир*. [f. 273a] Они сочли это время благоприятным и занялись сбором налогов, а Абу-л-Баракат-хан, получив возможность действовать и управлять в Кашмире³⁹⁴, приступил к правлению.

В общем, в течение этих трех месяцев ‘Инайат Аллах-хан из-за противодействия людей, неопытности своих приближенных, господствующего поведения людей, отсутствия необходимых ресурсов и других требований, претерпел много трудностей и унижений. Обе стороны желали мира. После проволочек, седьмого числа месяца сафар³⁹⁵, ‘Инайат Аллах-хан согласно договоренности с людьми Пунча и при посредничестве Абу-л-Баракат-хана прибыл из Сопура с намерением заключить мир, а Мухаммад Заман и Мухаммад Вали сами внешне вышли ему навстречу. К концу дня в понедельник по коварству людей Пунча, от руки Дайарама-кафира, который был их главным слугой, он [‘Инайат

³⁹¹Букв.: города.

³⁹²19 шаввала 1153 г.х. соответствует 6 января 1741 г. н.э.

³⁹³Букв.: в город.

³⁹⁴Букв.: в городе.

³⁹⁵7 сафара 1154 г.х. соответствует 23 апреля 1741 г. н.э.

Аллах-хан] был убит. В 1154 году³⁹⁶ Абу-л-Баракат-хан стал правителем провинции Кашмир.

По красоте внешности и нрава, приверженности и соблюдению молитв в обязанностях, щедрости и благодеяниям, вере в бедных, мало кто из правителей был подобен 'Инайат Аллах-хану. Недостатки в мирских делах, которые все пронизаны лицемерием, также нашли путь в его характере из-за тех же дел. И как бы то ни было, его конец был благим, и он ушел угнетенным и мучеником. О Аллах, прости его!

После мученической смерти 'Инайат Аллах-хана, Абу-л-Баракат-хан обрел полную независимость. Люди Пунча, которые во всех делах вели себя как хозяева, через шесть месяцев были тем или иным образом изгнаны из этой местности благодаря стратегии. Прошло немного времени, когда [f. 273b] те несчастные с дурными помыслами замыслили напасть на Кашмир. Один раз они были разбиты и вернулись. В другой раз они снова вернулись и показали себя противниками. В начале месяца шаввал³⁹⁷, на исходе ночи, они напали на дом Абу-л-Баракат-хана. По воле судьбы, упомянутый как раз в тот час вышел для осмотра укреплений и посещения высокой *ханаки*. Они нашли дом пустым и забрали все что было, а домочадцы внутри и снаружи с трудом и страданиями спаслись.

Абу-л-Баракат-хан, как только узнал об этом, вернулся, и его люди также прибыли. Оставшись на пути к своему дому, он перекрыл им путь отхода, и через два-три дня хитростью выманил их и схватил. Шестнадцатого числа месяца шаввал³⁹⁸ он казнил обоих братьев, Мухаммада Замана и Мухаммада Вали вместе с Дайарамом-кафиром, военным преступником, убийцей мученика ['Инайат Аллах-хана]. И в течение трех-четырех дней их детей, родственников и простых слуг приводили в главную *чабутру*. Более четырехсот или пятисот человек были казнены. Это событие произошло в конце 1155 года³⁹⁹, и возмездие за 'Инайат Аллах-хана было таким образом осуществлено.

³⁹⁶1154 г.х. соответствует 1741–1742 гг. н.э.

³⁹⁷Начало месяца шаввал 1155 г.х. соответствует началу января 1743 г. н.э.

³⁹⁸16 шаввала 1155 г.х. соответствует 12 января 1743 г. н.э.

³⁹⁹1155 г.х. соответствует 1742–1743 гг. н.э.

Пишущий эти страницы назидания и достоверности подобрал следующий *тарих*:

Разум зафиксировал год убийства всех гуджаров⁴⁰⁰,

Записав: «заслуженное [возмездие] злым мятежникам».

Абу-л-Баракат-хана за это явное проявление храбрости перед лицом опасности был удостоен прозвища Бахадур и похвалы от высочайшего присутствия. [f. 274a] Некоторое время он провел в могуществе и успехе без помех со стороны других, пока в этом состоянии его не настигла тяжелая болезнь, и дни его разлуки [с жизнью] приблизились всевозможными путями.

бейт

В этом саду весна и осень обнимаются друг с другом,

Время держит чашу в руке и несет погребальные носилки на плече.

До событий, которые будут описаны, в середине ночи над горизонтом восходила кровавая хвостатая звезда⁴⁰¹, сеющая смуту и приносящая беды, и была видна в течение некоторого времени. По опыту астрономов, наблюдающих за небесными движениями, а также согласно некоторым пророческим хадисам, ее появление предвещает всеобщие беды и катастрофу, и признаки этого начали проявляться.

Подробности этого краткого изложения и объяснение данного высказывания заключаются в том, что упомянутый хан, несмотря на свою совершенную мудрость и претензии на проницательность и утонченность, во время преследования личных интересов совершенно не заботился о государственном управлении и многократно позволял своим приближенным действовать безрассудно и дерзко в этих делах.

⁴⁰⁰Гуджары – этническая общность в Индии, проживающая в штатах Пенджаб, Химачал-Прадеш, Раджастхан, союзной территории Джамму и Кашмир и на востоке Пакистана. В контексте описанных событий выступали вместе с племенем Бомба. См.: Parmu, R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir 1320–1819. People's Publishing House, 1969. P. 339.

⁴⁰¹Речь идет о комете.

В частности, Бабр Аллах, внук Шукр Аллах-бека Сайфхани, который был одним из его приближенных, по его мнению, стал источником некоторых хлопот. Он наделил его большой независимостью под предлогом назначения его *тханадаром*⁴⁰² Камраджа и отдал управление войсками в руки необузданного и беспутного человека.

Абу-л-Баракат-хан вначале счел это дело легким и проявил беспечность. Видимо, он был не осведомлен о смысле этого бейта: [f. 274b]

бейт:

Исток ручья можно перекрыть по желанию,

Но когда он наполнится, и на слоне через него не перейдешь.

Упомянутый Бабр Аллах вступил в союз с враждебными людьми из горных районов Музаффарабада и Пунча с целью захвата Сопура, и простер руку угнетения и насилия на имущество и честь жителей Сринагара⁴⁰³ и *парган*, и сорвал завесу скромности и приличия. В дополнение к этому, он наладил общение с противниками религии и утратил нить благочестия и справедливости, в отличие от своих предков, которые принадлежали к роду благородства и праведности, и встал на путь войны и сражения со своим благодетелем, и пришел к окраинам Сринагара.

На этот раз жители Сринагара объединились с Абу-л-Баракатом-ханом и выступили для его [Бабр Аллаха] наказания. После сражения между сторонами Бабр Аллах был разбит и изгнан из города.

Великая ошибка, которую совершил Абу-л-Баракат-хан в это время, заключалась в том, что, несмотря на предупреждения дальновидных доброжелателей, он оставил преследование врага и обратился к разорению и сожжению квартала Джадибал, и незаслуженно причинил страдания большинству

⁴⁰²*Тхана* (تهانه) – укрепленный военный пост, возводившийся на приграничных территориях и опасных дорогах государства для охраны пограничных линий и обеспечения безопасности путей сообщения. В эпоху Могольской Индии *тханы* располагались на стратегически важных направлениях.

Тханадар (تهانه دار) – военный командир, назначавшийся для управления *тханой* и командования расквартированным в ней воинским отрядом. *Тханадар* отвечал за охрану вверенного ему участка границы или дороги. См.: Habibi, Abdul Hay. *Tarikh-i Afghanistan dar asr-i Gurganiyan-i Hind*. [История Афганистана в эпоху Гурганидов (Моголов) Индии]. Kandahar, 1389 [2010], P. 209–210.

⁴⁰³Букв.: города:

невинных жителей этого квартала и соседних районов. В течение одного дня несколько кварталов были уничтожены под этим предлогом. А врагу он позволил беспрепятственно уйти. В тот же день, казалось, что положение полностью изменилось, и увещевания бескорыстных благожелателей не принесли пользы. Бабр Аллах укрепил свою власть и распространил ее еще дальше.

[f. 275a] Абу-л-Баракат-хан отправил группу шахских слуг и своих приближенных под руководством Мурадийаб-хана, финансового управляющего провинцией, для противостояния ему [Бабр Аллаху]. Они встретились в окрестностях Андаркота⁴⁰⁴ и Шадипура. Люди Абу-л-Баракат-хана из-за предательства некоторых лиц, находившихся в том войске, были обмануты и несвоевременно вступили в бой, подвергнув себя буре беды и несчастья. То есть, проявив неуместную храбрость, они не смогли найти путь к отступлению из-за превосходства противника. Все они, включая Мурадийаб-хана и подобных ему, а также группа знатных горожан, *мансабдаров* и приближенных Абу-л-Баракат-хана, утонули в реке Бхат⁴⁰⁵, которая в то время была в разливе. Лишь немногие из того войска остались живы. После такого происшествия Бабр Аллах набрался еще большей смелости и стал действовать еще более дерзко.

Провинция была отнята у Са'ад Аллах-хана, и Абу-л-Мансур-хан Бахадур Сафдар Джанг был назначен *субадаром* Кашмира. Храбрые люди и землевладельцы Киштвара⁴⁰⁶, которые пришли на помощь Абу-л-Баракат-хану, из-за злорадства, алчности и жадности, и по причине грабежа, подстрекательства и смуты недалёковидных смутьянов, объединились, с Бабр Аллах-ханом и открыто посягнули на честь, имущество и жизнь людей. Город и деревни наполнились вражескими людьми. «Всеобщее смятение» является *тарихом* этого события.

В надежде на защиту и примирение, в конце месяца рамадан 1157 года хиджры⁴⁰⁷ в Сринагаре⁴⁰⁸ начались война и сражения. [f. 275b] С обеих сторон во

⁴⁰⁴Андаркот – сейчас город с большим археологическим значением, округ Барамула индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁰⁵Бхат, Бехат, Гидасп, Витаста, Бихат, Вехат, Бихатаб, Биятта, Джайлам, Вьят – варианты названий реки Джелам. Джелам – река в Индии и Пакистане, приток Чинаба (бассейн Инда).

⁴⁰⁶Киштвар – сегодня округ в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁰⁷Месяц рамадан 1157 г.х. соответствует 7 октября 1744 г. н.э.

⁴⁰⁸Букв.: в городе.

многих местах начались перестрелки, и в конце концов враг одержал верх. Абу-л-Баракат-хан, был болен и находился в доме ходжи мирзы Накшбанди, который был обманут и введен в заблуждение помощниками Бабр Аллаха-хана и считал его своим союзником. Бабр Аллах со своими людьми пришел туда, вывел Абу-л-Баракат-хана оттуда и доставил в его прежний дом, оставив его на его собственное усмотрение. В тот день от рук людей Киштвара и горных областей нового *найиба* на жителей обрушилось удивительное бедствие, и это напоминало о цепях Судного дня.

Люди полностью отчаялись сохранить свое имущество, жизнь, честь и достоинство. Пламя насилия разгоралось, и каждый из горных разбойников, которые были союзниками Бабр Аллаха, открыто входил в дома людей и захватывал их имущество, а скот и выючных животных из деревень угоняли и распределяли между собой.

Самое удивительное то, что если кто-либо из жителей равнины, улучив момент, сумел отогнать часть скота в горы и леса, то даже там его дело оканчивалось несчастьем и бедой.

В начале [11]58 года⁴⁰⁹ Джан Нисар-хан Бахадур Шир Джанг прибыл в Кашмир в качестве *найиба* правителя для исправления этих дел и разместился на площади *'идгах*. Сначала он с помощью уловки и обмана вывел Абу-л-Баракат-хана из этого города и отправил его ко двору. Затем он, призвав Бабр Аллаха из Камраджа под предлогом примирения и желания нанять его на службу, задержал его при себе и [должным образом] обошелся с ним. [f. 276a] Когда он [Джан Нисар-хан] убедился в проявлениях его [Бабр Аллаха] своеволия и непокорности, при первом же подозрительном признаке внезапно во время приветствия схватил его, казнил и отправил его голову ко двору.

Шир Джанг Бахадур пробыл в Кашмире всего один-два месяца, пренебрегая другими делами, особенно исправлением вопросов, связанных с горной местностью, и отправился ко двору.

⁴⁰⁹1158 г.х. соответствует 1745–1746 гг. н.э.

Абу-л-Баракат провел при дворе один-два месяца и скончался второго числа месяца зу-л-ка‘ада⁴¹⁰. В остроте ума, сообразительности, быстроте понимания, скромности взгляда, великодушии, умении различать своих и чужих, в искусстве написания и диктовки текстов, красоте почерка и служении бедным он выделялся среди равных и даже среди большинства знатных людей. Однако жадность к богатству и положению, самолюбие и недальновидность во время достижения цели скрыли все его качества, и его конец наступил в путешествии и на чужбине. Да простит его Бог.

Афрасийаб-бек-хан, один из старых приближенных этого семейства, остался в Кашмире в качестве *найиба* правителя провинции. Во время правления упомянутого хана произошли важные события. Одним из них было наступление сильного голода и нехватки зерна, что привело к гибели [людей] и эпидемии. Поскольку в течение двух-трех лет из-за смуты, [вызванной] людьми заблуждения и мятежа, различные беспорядки обрушились на земледельцев и подданных, и средства для земледелия – пахотный скот, который по большей части был угнан, – полностью исчезли.

Кроме того, обильные несвоевременные дожди и их отсутствие в необходимое время также стали причиной прекращения возделывания земли, и урожай зерновых начал сокращаться. [f. 276b] Из-за дурных намерений трудящихся и их безжалостности, даже если что-то и имелось в наличии, оно никогда не представало перед глазами нуждающихся. [Продовольствие] стало совершенно недоступным. Крайняя нужда достигла предела трудности и страданий. Ветер божественного гнева раздувал пламя царского возмущения, и множество людей, как знатных, так и простых, были повержены в бесчестную пыль. За *рупию* нельзя было достать даже два *сира*⁴¹¹ риса. Несмотря на то, что одежду и украшения продавали за бесценок, люди из-за отсутствия зерна целыми семьями сгорали в огне голода.

⁴¹⁰2 зу-л-ка‘ада 1158 г.х. соответствует 26 ноября 1745 г. н.э.

⁴¹¹*Сир* (سير) – мера веса, равная приблизительно 75 г. См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 2, С. 79.

бейт:

Голод так крепко уперся ногами,

Что хлеб стал редким, как вода жизни.

На двести стоянок пища стала далека от котла,

Забыто было имя хлеба в печи.

От голода погасли огни в очагах,

Но что за голод, от которого даже огонь не забрал душу!⁴¹²

Умерших от голода людей сначала заворачивали в солому и хоронили в земле. Когда положение стало безнадежным, проявляя уважение к умершим, их бросали в реку. Вода в реке из-за множества трупов изменилась и даже стала зловонной. Затем уже не находили возможности даже бросать [тела] в воду, и несчастные оставались лежать повсюду, а собаки, кошки и птицы принимались пожирать эти многочисленные останки.

Ходили слухи, что в некоторых местах люди обратились к человеческому мясу, и даже с удовольствием поедали своих маленьких детей. Жмых хлопковых семян, трава и любой вид пищи считались благом, если попадали в руки какому-нибудь счастливцу. [f. 277a] При таком положении одна треть [населения] погибла, другая треть бежала, а одна треть осталась цела и невредима. Количество детей, которые были проданы, [было таково, что] цена за человека дошла до двух-трех *танга*⁴¹³. Маш, чечевица и ячмень приобрели статус лекарства. С начала месяца раджаб признаки голода начали нарастать, и до конца благословенного рамадана [голод] сохранял силу и остроту, и глашатай судьбы и предопределения чрезвычайно возвышал знамя гнева и величия. Спустя некоторое время наступило решение [проблемы], и врата милости в некоторой степени открылись для народа.

⁴¹²Вероятнее всего данное стихотворение принадлежит автору сочинения.

⁴¹³*Танга* – в империи Великих Моголов биллонная монета (сплав серебра с медью низкой пробы), которая была основной денежной единицей до введения серебряной рупии Шир-шахом (1539–1545 гг.). После введения чистой серебряной рупии *танга* постепенно выходила из обращения, хотя большие ее количества продолжали циркулировать. См.: Moosvi, Sh. The Economy of the Mughal Empire, c. 1595: A Statistical Study. Delhi: Oxford University Press, 1987. P. 352–353.

Другим из событий, которые произошли в этот год, полный смуты и печали, было то, что [против] благородного ходжи ‘Ала ал-дина Накшбанди, известного как ходжа мирза, который в то время занимал пост главы *ханаки* святых *хваджаган*, некоторые корыстные безрассудные [люди], подстрекаемые простонародьем, подобным скоту, направили [свои действия], прикрываясь жалобами на дороговизну. А Хаджи ‘Атик Аллах Кадири из потомков досточтимого Саййида Мубарака Муларти, который уже несколько лет вынашивал ненависть [к его] власти, и более чем прежде стал причиной смуты и беспорядка, более того, поводом к разжиганию пожара мятежа.

Люди *найиба* провинции обратились к угрозам в адрес этой группы, и у Зайна Кадал⁴¹⁴ произошло столкновение. Люди *найиба* подожгли окрестности, несколько кварталов сгорело, и набеги разрушили [остальное].

[f. 277b] На следующий день, под предлогом примирения и обещания соглашения, пригласили уважаемого ходжу ‘Ала ал-дина с его сторонниками, а также схватили сбежавшего Хаджи ‘Атик Аллаха. Упомянутого почтенного ходжу [с группой] братьев и последователей, включая Мир Баха ал-дина Кадири и ходжу Хашима Дахбиди, которые вообще не имели никакого отношения к этим беспорядкам, отправили ко двору, а Хаджи ‘Атик Аллаха, который проявил смелость и дерзость в словесном противостоянии и споре, предали смерти.

В эти же дни Мир ‘Умар, сын Мир Сиддик-хана, зять Абу-л-Баракат-хана, который из-за своего легкомыслия и своеволия не имел постоянного места жительства в городе, проводил время в местности Сир⁴¹⁵, в доме Мухташим-бека Кашгари, своего деда по материнской линии. По причине непонимания последствий и плохого планирования, собрав нескольких бродяг, ночью он убил *тханадара* Исламабада⁴¹⁶ и вынашивал мысли о мятеже.

Афрасийаб-бек-хан отправил свои войска и шахских приближенных в атаку, и началась странная смута в окрестностях Исламабада. Мухташим-бек-хан вместе

⁴¹⁴Зайна Кадал – район в Сринагаре.

⁴¹⁵Вероятно, некий населенный пункт в окрестностях Исламабада.

⁴¹⁶Исламабад – сейчас административный округ в Пакистане.

с сыновьями был убит во время преследования, а недалёковидный Мир ‘Умар сбежал в сторону Киштвара. Таким образом целый мир был доведен до разрухи, и в течение некоторого времени продолжались перемещения войск и землевладельцев. По вышеуказанным причинам и другим известным происшествиям, многочисленные разногласия проникли в среду горожан. [f. 278 a] «Гнев народа Кашмира» стал *тарихом* этого года.

В 1160 году⁴¹⁷, несмотря на наличие запасов зерна, по [божественному] повелению случился голод, и стоимость *харвара* риса достигла шести-семи *рупий*. В таком положении однажды, в начале месяца джумада ал-аввал⁴¹⁸, начал дуть ветер божественного гнева, и с полудня до захода солнца из-за силы ветра, поднялась буря, и от пыли и нашествия туч, несущих мрак, мир погрузился во тьму, и странные обстоятельства проявились на лицах людей мира.

Не прошло и восьми дней с этого события, как начались несезонные дожди безмерного обилия, которые непрерывно продолжались семь-восемь дней, и вызвали такой шторм, бедствия и несчастья, что никто не помнит даже десятой доли подобного из прошлых веков.

назм:

Сердце мое от ревности к смуте бури
Стало плачущим, как весенние облака.
Так мои глаза проливали кровь,
Что взгляд мой стал алым от рыданий.
Не видел я ковра, кроме покрова воды,
Вместо дверного кольца был водоворот.
Вода охватила все от луны до рыбы,
Мир от небес пришел к разрушению⁴¹⁹.

⁴¹⁷1160 г.х. соответствует 1747г. н.э.

⁴¹⁸Месяц джумада ал-аввал 1160 г.х. соответствует маю-июню 1747 г. н.э.

⁴¹⁹Вероятнее всего данное стихотворение принадлежит автору сочинения.

Более трех тысяч домов, малых и больших, были разрушены из-за наводнения, и большинство мостов в самом городе было повреждено, и урожаи и зерновые были уничтожены. О бобовых и плодах что и говорить.

По причине безжалостности и жестокосердия искателей выгоды в этом мире и тех, кто пировал за столом накоплений, и жгучего повышения цен на зерно, отговорка о недостатке урожая была весьма распространена. [f. 278b] Но совершенная мощь и всеобъемлющая милость Создателя стали управлять делами, и проявились Его милость и щедрость, и вопреки ожиданиям и предположениям людей, благодать явила себя. Дешевизна достигла такой степени, какая соответствовала бедствию. Хвала Аллаху, и еще раз хвала Аллаху, благодарность Ему, и еще раз благодарность Ему!

Приложение XVI: фрагмент из главы III (B720, f. 270a–271b)

Фрагмент посвящен завоевательному походу Надир-шаха в Индию в 1738–1740 гг.

[f. 270a] В конце концов, ветер победы и успеха овеял знамена Надир-шаха. Поскольку он неоднократно во время осады Кандагара просил помощи у правителя Индостана и отправлял посланника, но из-за разногласий среди эмиров это не было исполнено, более того, ответ был противоположен желанию шаха, Надир-шах после завершения дел в Кандагаре, по указанию некоторых высокопоставленных эмиров, направился в Индостан через Газни и Кабул. [f. 270b] И под предлогом обязательств, которые Хумайун, правитель того времени, взял на себя, помогая покойному Тахмаспу, сыну шаха Исма‘ила, он снова отправил людей ко двору.

Поскольку и на этот раз никаких приготовлений не было сделано, он обнаружил поле свободным и, узнав о разговорах придворных эмиров и их разногласиях, сочтя момент благоприятным, с небольшим усилием завоевал Кабул и Пешавар с прилегающими территориями, и всюду нападал, сжигал и грабил, а в некоторых местах устроил массовые убийства и подошел к Лахору.

Закарийа-хан Бахадур, *субадар* Лахора, сын покойного Сайф ал-даула ‘Абд ал-Саман-хана, посчитал разумным договориться о финансовом урегулировании

проблемы, собрал значительную сумму от себя, жителей города и торговцев, поступил на службу к шаху и, приняв финансовые обязательства, удостоился милости шаха.

Словом, Надир-шах из Лахора решил двинуться в столицу. Эмиры правителя в это время начали готовиться, и Амир ал-‘умара Самсам ал-даула Хан Дауран Бахадур Мир-бахши⁴²⁰⁴²¹ с огромным войском выступил с целью противостоять Надир-шаху. У Панипата между двумя сторонами произошло грандиозное сражение, и множество людей с обеих сторон были убиты. Поскольку большинство придворных эмиров, особенно Бурхан ал-Мулк, не поддерживали Амир ал-‘умара, и войска падишаха не успевали прибыть, более того, возникли противоречия, Амир ал-‘умара вместе со своими главными сподвижниками пал смертью мученика, и среди них Йадгар-хан из Кашмира, который был доверенным лицом и другом Амир ал-‘умара, также пал мученической смертью.

[f. 271a] Среди печальных событий важно отметить, что в этом происшествии достопочтенный обладатель совершенств в явном и скрытом мире, мавлана Аман Аллах, который был родственником ученых Кашмира и принадлежал к числу праведников и богобоязненных, сопровождая Амир ал-‘умара, отправился на поле сражения и встретил мученическую смерть.

Падишах после поражения войска и отступления своих эмиров отправился в лагерь Надир-шаха. Сражение произошло девятнадцатого зу-л-ка‘ада 1151 года⁴²². В конце упомянутого месяца Надир-шах, взяв с собой падишаха, вошел в крепость Шахджаханабад. В середине месяца зу-л-хиджа⁴²³, из-за дерзости некоторых людей, он приказал устроить массовую резню и сжечь большую часть города. В

⁴²⁰Хан Дауран VII (ум. 24 февраля 1739) был могольским государственным деятелем и полководцем. Изначально носивший имя ходжа Асим, он получил титул Самсам ал-даула («Меч Государства») Хан-и Дауран и занимал должности *мир-бахши* и *амир ал-умара*. Он возглавлял всю имперскую знать и был главнокомандующим могольской армией в период правления Мухаммад-шаха. См.: Sarkar, J. Nadir Shah in India. Calcutta: R. Gosh India Book Exchange, 1925. P. 58.

⁴²¹*Бахши* в империи Великих Моголов обозначали ряд иерархических правительственных чиновников, обычно занимавшихся военным финансовым управлением. *Мир-бахши* был главным *бахши* империи Великих Моголов и работал в центральной администрации.

Амир ал-умара (букв. амир амиров) – как правило, высшая военная должность в государстве, верховный главнокомандующий.

⁴²²19 зу-л ка‘ада 1151 г.х. соответствует 27 февраля 1737 г. н.э.

⁴²³Месяц зу-л-хиджа 1151 г.х. соответствует марту-апрелю 1737 г. н.э.

течение суток пламя убийств и грабежей бушевало. Из народа Кашмира, как знатные, так и простые, многие были убиты.

Тяжелее всего то, что достопочтенный, источник знаний, ученейший наставник муллы ‘Абд Аллах Кашмири, который в постижении наук был проникательным и остроумным, выделялся среди ученых мира, особенно в рациональных науках, преподавал и распространял знания в своей медресе. В этом бедствии он был удостоен великого мученичества. Он и мавлана Аман Аллах, упомянутый ранее, получили большую часть своих знаний от достопочтенного ученого муллы Мухаммада Маса. И среди их родственников они очень выделялись⁴²⁴.

Словом, Надир шах оставался в Шахджаханабаде два месяца. [f.271b] Он забрал большую часть даров, сокровищ и казны, которые сохранились со времен прежних султанов, собрал сотни тысяч монет с горожан и эмиров в качестве штрафа, заключил мир с падишахом, оставив ему Индию, Синд и Кашмир, а Пешавар и Кабул присоединил к своим владениям. В начале месяца сафар [11]52 года⁴²⁵ он вышел из Шахджаханабада, наказал афганцев и отправился в окрестности Мултана, сразился с Худайяр-ханом, землевладельцем, и после поражения последнего направился в земли Туркестана.

Приложение XVII: фрагмент из главы III (B720, f. 284a–285a)

Фрагмент является заключительной частью исторической хроники Кашмира, где автор объясняет причины и обстоятельства создания своего труда.

[f. 284a] По правде говоря, группа людей совершенства, которые в этой рукописи пером, полным недостатков, были упомянуты совсем кратко, представляют собой лишь малую часть из тех, кто заслуживает упоминания. В каждом веке как в Сринагаре⁴²⁶, так и за его пределами, [Кашмир] был наполнен

⁴²⁴Муллы ‘Абд Аллах Кашмири и мавлана Аман Аллах упоминаются автором как значимые религиозные деятели Кашмира того периода.

⁴²⁵Месяц сафар 1152 г.х. соответствует маю-июню 1739 г. н.э.

⁴²⁶Букв.: в городе.

мастерами различных искусств. Все, что было написано, соответствует моим знаниям и осведомленности, и не ограничивается только этим количеством персон.

Побудительной причиной для написания этого удивительного [труда] была ревность, [вызванная] тем, что его светлость, обладатель достоинств и знаний Мир Мухаммад Йусуф, известный как ходжа падишах Накшбанди и Кубрави, который в месяцы 1148 года⁴²⁷ украсил Кашмир своим присутствием, передал от некоторых высокопоставленных лиц Индии мнение об отсутствии совершенства у жителей Кашмира. И еще два-три достойных праведника таким же образом выразили подобное мнение уважаемых людей Индии и областей.

Хотя вышеупомянутый почтенный ходжа, после наблюдения за состоянием нескольких человек, которые в то время оставались из предшественников, и посещения могил ушедших, и выслушивания рассказов о них, с полной убежденностью признал внешнее и внутреннее совершенство людей Кашмира. [f. 284b] По прибытии в Лахор, он высказал подобные утверждения среди уважаемых людей там. Однако чувство ревности пишущего эти строки пришло в полное изумление, и в то же время, он в приятном порядке торопливо составил несколько листов, содержащих сведения о людях совершенства.

Для соблюдения хронологического порядка и сохранения последовательности событий он счел необходимым записать состояния султанов и правителей каждого времени. Было в мыслях, что упоминание дорогих людей совершенства, которые в эти несколько лет избрали путь ухода из жизни, будет присоединено к истории предшественников.

Завершить трактат [предполагалось] перечислением группы людей, которые сегодня являются светочами дома науки и деяния, подобно ученому и деятелю шайху Рахмат Аллаху и совершенному исследователю мулле Мухаммаду Мукиму, и дервишам каждого *тариката*, которые в это время украшают престол наставничества.

⁴²⁷1148 г.х. соответствует 1735–1736 гг. н.э.

Когда перо достигло этого места, пишущий эти строки был поражен тяжелой болезнью пальцев, что привело к усилению причин слабости, и он не нашел возможности для упоминания этих известий, и счел целесообразным завершить трактат на этом состоянии, а особенности этой местности, которые были записаны в большом количестве, он приложил в конце заключения.

Книги, которые были использованы во время составления [этого труда], следующие:

«Тарих-и Саййид ‘Али»,

«Тарих-и Рашиди» мирзы Хайдара,

«Мунтахаб ат-таварих» Хасан-бека,

«Тарих-и Хайдар Малик» [Хайдар Малика] Чадурь,

«Риши-нама» Баба Насиба,

[f. 285a] «Дараджат-и садат» ходжи Исхака Науджада,

«Асрар ал-абрар» Баба Дауда Машкути,

«Тухфат ал-фукара» и другие трактаты хазрата Муршиди Муради,

«Маасир -и ‘Аламгири» от Мустайид-хана,

и одна-две другие истории от некоторых поздних [авторов], которые были составлены до середины эпохи ‘Аламгира.

Некоторые сведения о шайхах были записаны ранее, а после этого за эти пятьдесят-шестьдесят лет обстоятельства большинства правителей, святых людей, выдающихся ученых и изящных поэтов были включены в текст либо на основе рассказов надежных источников, либо из личного наблюдения и свидетельства.

Основной черновик был написан в 1148 году, что соответствует названию «Ваки‘ат-и Кашмир» (События Кашмира). Затем написание было приостановлено примерно на десять лет из-за неблагоприятных обстоятельств. И с конца [11]59 года до конца [11]60 года⁴²⁸ были добавлены стихи о датах завершения в конце стихов, которые находятся в заключении.

⁴²⁸1159 г.х. соответствует 1746–1747 гг. н.э.; 1160 г.х. соответствует 1747–1748 гг. н.э.

Лишь благодаря благословению, поощрению и настойчивости уважаемого отца, который является посредником существования и причиной [моего] ничтожного бытия и небытия, а высшее из него – Щедрое Единое Существо, [книга] приобрела форму завершения. И из-за спешки некоторых желающих, которые настаивали на быстром завершении трактата, второй просмотр был отложен. Да соблаговолят обладатели зрения и проницательности принять извинение за упущения и исправить [их] должным образом.

Приложение XVIII: фрагмент из Заключения (*хатимы*) (B720, f. 293a–293b)

Фрагмент представляет собой административно-финансовое описание Кашмирской провинции времен Могольской империи, перечисляющее 55 районов (махалов) с их деревнями и доходами.

[f. 293a] Что касается районов, относящихся к этой провинции, то следует отметить, что во времена раджей и султанов Кашмира, чьи владения простирались до Кабула и Лахора, а в некоторые периоды даже до Дели и дальше, как было упомянуто на предыдущих страницах, их власть и управление особенно распространялись на Дхамтур, Тибет и Киштвар до Джамму.

С течением времени большая часть владений правителей этого места была потеряна. В настоящее время в падишахских записях значится пятьдесят пять районов, общий доход которых составляет двадцать восемь *куруров*⁴²⁹ *дирхамов*⁴³⁰.

⁴²⁹*Курур* (کروڑ). В словаре Рубинчика *курур* – 500 тысяч, полмиллиона См.: Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю. А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970, Т. 2, С. 322.

⁴³⁰*Дирхам* (درهم) – серебряная монета. Согласно нумизматическому словарю, денежные единицы с таким названием в Империи Великих Моголов существовали благодаря исламской монетной традиции, которую моголы унаследовали как мусульманская династия. Хотя основной серебряной монетой в их государстве была *рупия*, термин *дирхам* периодически использовался на монетах, особенно при падишахах Аурангзебе (1658–1707) и Фаррух Сийаре (1713–1719), которые чеканили четырехугольные серебряные монеты с этим названием. См.: Словарь нумизмата. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.numizm.ru/html/d/dirhem.html> (дата обращения: 04.02.2026).

Подробности следующие: из обитаемых районов Кашмира сорок девять *махалов*⁴³¹, шесть *махалов* из земель обоих Тибетов и других, двенадцать *махалов* без определенных территорий⁴³².

Из этих двенадцати *махалов* доход семи *махалов* не контролируется должным образом: Пакхли⁴³³, Дарду⁴³⁴, Дхамиал⁴³⁵, Дхамтур⁴³⁶, Кашиал, Камлак, Кухсаль⁴³⁷. Другие пять *махалов*, хотя и не имеют фиксированных территорий, но их доход поступает под контроль: Бангил⁴³⁸, Пунч⁴³⁹, Раджаури, Адавин⁴⁴⁰ и Наушахра⁴⁴¹.

Что касается тридцати семи *махалов*, имеющих определенные территории⁴⁴², то всего в них три тысячи двести семьдесят деревень: *паргана*⁴⁴³ Сринагар, не считая *махала* Мир Бахри⁴⁴⁴ – пятнадцать деревень; *паргана* Вулар⁴⁴⁵ – сто двадцать одна деревня; *паргана* Йеч⁴⁴⁶ – сто четыре деревни; *паргана* Нагам⁴⁴⁷ – двести две деревни; *паргана* Вихи⁴⁴⁸ – тридцать деревень; *паргана* Адавин – двести восемь деревень; *паргана* Андаркот – восемь деревень; *паргана* Сарва⁴⁴⁹ – сто восемьдесят

⁴³¹ Термин «*махал*» обозначал фискальную единицу – округ или район в системе государственного управления Кашмира и других регионов Могольской империи. *Махал* функционировал как промежуточное звено территориального деления, выполняя роль налогового округа, в рамках которого осуществлялся сбор податей и налоговых платежей.

⁴³² *Махалы* без фиксированных населенных пунктов. Это означает административные округа (*махалы*), которые не имели четко закрепленных за ними деревень или поселений (*мауза*). То есть, это были территориальные единицы с неопределенными границами или составом входящих в них населенных пунктов.

⁴³³ Пакхли – в настоящее время данный населенный пункт входит в состав Хазарейского округа Северо-Западной пограничной провинции Пакистана.

⁴³⁴ Племена дардов населяют территории Читрала, Йасина, Гилгита и долины Кханган в северном Пакистане. Они относятся к индоарийской этнической группе и говорят на дардских языках. См.: Hasan, M. *Kashmir Under the Sultans*. Calcutta, 1959. P. 19.

⁴³⁵ Дхамиал – сейчас деревня в округе Равалпинди в провинции Пенджаб, Пакистан.

⁴³⁶ Дхамтур – сейчас населенный пункт в провинции Хайбер-Пахтунхва, Пакистан.

⁴³⁷ Соответствия с современными населенными пунктами установить пока не удалось.

⁴³⁸ Бангил – населенный пункт недалеко от нынешней Барамулы, индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴³⁹ Пунч – пограничный административный район, индийская союзная территория Джамму и Кашмир; регион Азад Кашмир, формально под управлением Пакистана.

⁴⁴⁰ Адавин – сейчас Анантаг, город и округ в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁴¹ Наушахра – сейчас город и округ провинции Хайбер-Пахтунхва, Пакистан

⁴⁴² Имели четко определенное количество *мауз*.

⁴⁴³ *Паргана* – это территориально-административная единица провинции, объединявшая несколько деревень. *Махал* же являлся исключительно налоговой единицей, которую часто отождествляли с *парганой*, хотя иногда *махал* был меньше по размеру и служил специально для фискальных целей. Главное отличие: *паргана* выполняла и административные, и налоговые функции, а *махал* использовался только для сбора и учета податей.

⁴⁴⁴ Мир Бахри или Мир Бехри – квартал в черте города Сринагар, индийская союзная территория Джамму и Кашмир.

⁴⁴⁵ Вулар – сейчас населенный пункт недалеко от Авантипура, в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁴⁶ Паргана Йеч (или Икшика) была расположена к северу от парганы Нагам. Современного населенного пункта с таким названием обнаружить не удалось.

⁴⁴⁷ Нагам – город и муниципалитет в округе Будгам индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁴⁸ Сейчас ущелья Гурьул в Кашмире, геологически известные как округ Вихи.

⁴⁴⁹ С названием Сарва удалось найти только культовое сооружение на севере индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

две деревни; *паргана* Наран⁴⁵⁰ – семьдесят деревень; *паргана* Бангил – двести шестьдесят три деревни; *паргана* Пхаг⁴⁵¹ – шестьдесят четыре деревни; *паргана* Бату⁴⁵² – шестьдесят три деревни; [f. 293b] *паргана* Паттан⁴⁵³ – одна деревня; *паргана* Параспур⁴⁵⁴ – тридцать три деревни; *паргана* Тилгам⁴⁵⁵ – сорок шесть деревень; *паргана* Дивасар⁴⁵⁶ – сто шестьдесят две деревни; *паргана* Дачханпора⁴⁵⁷ – восемьдесят деревень; *паргана* Дансар⁴⁵⁸ – сто восемь деревень; *паргана* Кхаварпора⁴⁵⁹ – сто две деревни; *паргана* Зайнапур⁴⁶⁰ – тридцать деревень; *паргана* Зайнагир⁴⁶¹ – девяносто восемь деревень; *паргана* Сабр ал-Маваза – сто девять деревень; *паргана* Сарсаман – восемьдесят одна деревня; *паргана* Шакравархама – девяносто восемь деревень; *паргана* Шаваре⁴⁶² – пятьдесят две деревни; *паргана* Мартанд⁴⁶³ – одиннадцать деревень; *паргана* Исламабад⁴⁶⁴ – сто шесть деревень; *паргана* Шахабад⁴⁶⁵ – двадцать одна деревня; *паргана* Кутахар⁴⁶⁶ – сорок одна деревня; *паргана* Дачан Кхавара⁴⁶⁷, оба – пятьдесят шесть деревень; *паргана* Карухан – шестьдесят восемь деревень; *паргана* Кхуйахом – пятьдесят пять деревень; *паргана* Кхой⁴⁶⁸ – четырнадцать деревень; *паргана* Камраджд⁴⁶⁹ –

⁴⁵⁰Наран – сейчас город на севере Пакистана.

⁴⁵¹Пхаг – находилась на территории хребта Забарван –горная цепь в долине Кашмир, расположенная между Пир-Панджалом и Главным Гималайским хребтом.

⁴⁵²Бату – сейчас деревня в западной части индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁵³Паттан – город в округе Барамула в составе индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁵⁴Параспур (или Парихаспур) – древний город к северо-западу от Сринагара в долине Кашмира, сейчас руины города являются местом археологических раскопок.

⁴⁵⁵Тилгам (или Тилагам) – сейчас деревня в округе Барамула индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁵⁶Дивасар (или Девсар) – город и территория в округе Кулгам в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁵⁷Дачханпора (Дачхан) –отдаленная деревня, расположенная в районе Киштвар на в индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁵⁸Дансар (Дхансар) – предположительно, территории вокруг современной деревни Каруа в округе Риаси индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁵⁹Кхаварпора (или Кхаварпара) – сейчас деревня в округе Купвара индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁶⁰Зайнапур (или Зайнапора) – деревня в округе Шупьян на индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁶¹Зайнагир – группа деревень в округе Барамула, на индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁶²Соответствия с современными населенными пунктами установить пока не удалось.

⁴⁶³Маттан (первоначально Мартанд) – город и техсил расположенный недалеко от города Анантнаг в округе Анантнаг индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁶⁴Исламабад – сейчас административный округ в Пакистане.

⁴⁶⁵Шахабад относится к историческому региону и современному Дору-Шахабад, городу и центру техсила в округе Анантнаг индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁶⁶Кутахар (или Котхар) – сейчас деревня в округе Джамму индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

⁴⁶⁷Дачан Кхавара (или Дачун-Кховур) – долина реки Джелам, недалеко от Барамулы.

⁴⁶⁸Соответствия с современными населенными пунктами установить пока не удалось.

⁴⁶⁹Камраджд – сейчас район в провинции Сринагар индийской союзной территории Джамму и Кашмир.

четыреста шестьдесят девять деревень; *паргана* Мухаммадабад⁴⁷⁰ — тридцать деревень.

Что касается шести областей за пределами округа Кашмир — это Большой Тибет, Малый Тибет, Киштвар, Гилгит, Барсала⁴⁷¹ и Сарсала⁴⁷², которые во времена султанов платили дань, то после смерти султанов, когда владение перешло к династии Чак, с течением времени контроль был утрачен, за исключением обоих Тибетов и Киштвара, где во времена правителей Тимуридов сохранялись некоторые элементы контроля через подношения, дань и необходимые обязательства, о чем уже кратко упоминалось на предыдущих страницах.

⁴⁷⁰Соответствия с современным населенным пунктом установить пока не удалось.

⁴⁷¹Барсала — сегодня деревня в регионе Азад Кашмир, формально под управлением Пакистана.

⁴⁷²Сарсала — сегодня деревня в округе Гуджарат, Пенджаб, Пакистан.